

В номере:

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Юридический адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 12-а, офис 3

Фактический адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

**Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:**
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

Слово главного редактора	3
ПОЭЗИЯ	
	
Егор ИСАЕВ	
Стихи разных лет	4
Людмила ЩИПАХИНА	
Новая Скифия	22
Геннадий СУЗДАЛЕВ	
Я думаю русскую думу... ..	41
Анатолий АВРУТИН	
Я случайно родился на самой смурной из планет... ..	65
Вадим ТЕРЁХИН	
Обрати внимание, прохожий... ..	79
Сергей ГЛАВАЦКИЙ	
Ex temperi.....	87
Василий ЛУГОВСКОЙ-ЛЕСКОВСКИЙ	
Сердца по-прежнему искрятся... ..	102
Алексей ЕВДОНОВ	
Хмелели мы дыханием весны... ..	113
Альбина ЯНКОВА	
В чужих стихах все рифмы так легки... ..	125
Галина СМЕТАНИНА	
Всё так, как до пришествия Христа... ..	138
Альберт ТУССЕЙН	
В тебе черпаю силу в бессилии... ..	146
Инна МУХИНА	
С ветром вольным нацелуюсь... ..	153
Игорь ШЕМОНАЕВ	
Не о себе, о Родине грущу... ..	156
Иннокентий МЕДВЕДЕВ	
Моё Мировоззренье – лишь моё	163
Лариса САМБУРСКАЯ	
Крылом коснётся Ангел вас... ..	165
ПРОЗА	
	
Василь ТКАЧЁВ	
Под городом Горьким.....	33
Раб шмеля.....	36
Елена СТЕРИОНИ	
У зеркала.....	97
Жизнь прекрасна.....	99
Ирина ШАТЫРЁНОК	
Преодоление	115
Галина МАМОНТОВА	
Эка, жисть	129
Алла СИНЬКОВСКАЯ	
Всеми своё время	140
Закон самосохранения	141
Наталья ПОНОМАРЧУК	
Миниатюры.....	159

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№1(3) 2012
Выходит четыре раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 02.04.12.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 1009L.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссь», 2012
© Авторы, 2012

Александр ТИТОВ	
Тег Тегыч	167
Семья Фирсовых	171
Михаил СЕЛЕЗНЁВ	
Затмение	179

ПЕСНЬ СЛАВАНСТВА

Панко АНЧЕВ	
Канон «Бахтин»	18
Ангел АНГЕЛОВ	
Je ne t'aime plus	75
Сибилла АЛЕКСОВА	
Я возвращаюсь... ..	95
Таньо КЛИСУРОВ	
...Жизнь не стояла на месте... ..	107
Денью ДЕНЕВ	
И мне с тобой, единственною, легче... ..	121
Димитр КАЛЕВ	
Пророчество – всегда даётся свыше	127
Бина КАЛС	
Птичьи крылья поэзией были отмечены... ..	136
Владимир СТОЯНОВ	
В жизни ты ищешь счастливого часа... ..	144

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай БЛОХИН	
О Мятлеве. «Как хороши, как свежи были розы...»	91
Зинаида ФОМИНА	
Во имя любви и долга	105
Геннадий ЖАРОВ	
О Есенине	110
Кира ГАВРИЛОВА	
Под Покровом Богородицы	123
Олег КОРНИЕНКО	
Первая любовь Алексея Толстого	149

ЮБИЛЕИ

Юрий КОЛОДНИЙ	
Поэт народной казачьей песни	51

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир СМЫК	
Против антиисторизма как либеральной практики	83

ВЕРНИСАЖ

Александр КАРЕЛИН	
Возвращение к истокам творчества	174

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Худо ли, бедно, но прошли все выборы, и Россия вступила в очередной этап своей истории. Общественно-политическая ситуация ныне такова, что делать какие-то предсказания на обозримое будущее представляется делом неблагодарным и безответственным. Может, будет так, а может, этак. Время покажет. Но многие современные политики самой несовместимой партийной принадлежности сегодня могут с полным правом повторить фразу, сказанную одним из последних советских руководителей, обладавшим репутацией реформатора: «Мы не знаем общества, в котором живём». Народ (который в некотором смысле и есть общество) не читает предвыборные программы. Народ живёт своей жизнью. Проще всего судить его хоть с «правых», хоть с «левых» позиций, но гораздо трудней найти в себе силы для того, чтобы увидеть реальность без прикрас. Можно сколько угодно подвергать сомнению процедуру народного волеизъявления, но не следует закрывать глаза на то, с каким оптимистическим облегчением народ в массе воспринял окончание выборной свистопляски. Народ выбрал то, что есть. И кто вправе его судить?

Одной из главных, болевых проблем современной жизни является преодоление разобщённости внутри российской нации. Это является главным условием жизнеспособности российской государственности и гарантией будущего России. Чтобы люди, приходящие на митинги, хотя бы не ненавидели друг друга. В условиях навязанного нашему обществу и во многом надуманного противопоставления советской и досоветской России сделать это будет очень сложно, но делать это необходимо. Преодоление социального неравенства также является одной из ключевых проблем современности, равно как и отказ от полуофициальной политики очернительства советского периода российской истории. Есть и другие проблемы, и они хорошо известны. Эйфория выборных побед неизбежно заканчивается, а насколько силы, считающие себя победителями, окажутся готовыми отвечать на действительные вызовы времени – неизбежно покажет это самое время...

Отсутствие единства в сфере общественного сознания отражается на состоянии современного литературного процесса. Индустрия борьбы с советским прошлым с либеральных позиций органично сочетается с более вялой, но всё же весьма жизнеспособной тенденцией борьбы с советским же прошлым, но с позиций национально-патриотических. Отсутствие общепринятых критериев понижает уровень до предела, за которым порой серьёзный разговор исключается. Отсутствие общенациональной идеологии неизбежно влечёт за собой понижение уровня гражданского сознания и подмену его пропагандистскими штампами, что в литературе очень заметно... Всё это – тоже реальность, заслуживающая осмысления.

В этой ситуации журнал «Великороссь» продолжает проводить линию, направленную на поддержку современной российской литературы в её многонациональной полноте.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

ПОЭЗИЯ

Егор ИСАЕВ

Егор Александрович Исаев (р. 1926) – известный русский поэт и публицист, лауреат Ленинской премии (1980), Герой Социалистического Труда (1986). Родился 2 мая 1926 года в с. Коршево в крестьянской семье. В 1943 г. был призван в Красную Армию. В 1955 г. окончил с отличием Литературный институт имени М. Горького. С 1981 г. – секретарь правления СП СССР. Автор книг: «Двадцать пятый час», «Мои осенние поля», «Убил охотник журавля», «Жизнь прожить» и многих других. Им написаны поэмы «Над волнами Дуная», «Суд памяти», «Даль памяти». Имеет двух сыновей, двух внуков и внучку.

Живёт в Москве.

Стихи разных лет

Не знаю, сон ли это или бред:
На карте мира с помощью указки
Ищу Россию, а России нет.
Нет Родины, кругом одни Аляски.

Продали всё: и волжскую волну,
И лес, и степь, и все четыре дали.
Продали превеликую страну,
Как без войны внахрап завоевали.

Вы думаете, павшие молчат?
Конечно, да – вы скажете.
Неверно!
Они кричат,
Пока ещё стучат
Сердца живых
И осязают нервы.
Они кричат не где-нибудь,
А в нас.
За нас кричат.
Особенно ночами,
Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами.
Они кричат, когда покой,
Когда
Приходят в город ветры полевые,

И со звездой говорит звезда,
И памятники дышат, как живые.
Они кричат
И будят нас, живых,
Невидимыми, чуткими руками.
Они хотят, чтоб памятником их
Была Земля с пятью материками.
Великая!
Она летит во мгле,
Ракетной скоростью до глобуса уменьшена.
Жилая вся.
И ходит по Земле
Босая Память – маленькая женщина.

Уезжал в семнадцать –
Провожала мать.
А вернулся, братцы,
В полных двадцать пять.
Уезжал с ребятами –
Выхожу один.
Завершилась ратная
Служба, гражданин.
Никого на станции.
Редкие столбы.
Двадцать вёрст – дистанция
До родной избы.
Не иду – лечу я
На бугор с бугра,
Ног своих не чую.
Поздняя пора.
Далеко до утра,
Далеко, ну что ж, –
По грязи, как будто
По воде Христос.
Вот я на пороге –
Мамины уста.
Двадцать вёрст дороги,
Как одна верста.

Момент атаки

Европа – впереди
И позади – Европа...
Выбрасывай себя
Из глубины окопа
На гребень полосы,
Где два огня секутся,
И Боже упаси
Сробеть и оглянуться.
Забудь, что ты живой,
Кидай себя в зигзаги,
Как в омут с головой –

Таков закон атаки,
Таков закон косьбы
Огнём
Перед собою
На линии судьбы,
На перекрёстке боя.

Письмо

Письмо в три угла,
В два крыла,
В две страницы,
Как только что с облака
Белая птица
В ладони к солдату, –
И кажется, он
Вот в эту минуту – дома.
«Ну, здравствуй, сыночек,
Прими мой поклон,
Поклон от родни и знакомых.
В колхозе дела к улучшению идут.
Приедешь – увидишь, Коля,
Какой мы той осенью сделали пруд,
Какие хлеба у нас в поле.
А яблонька, Коля, два раза цвела,
Что ты посадил на рассвете,
Когда на войну я тебя собрала:
Она доросла до повети.
Как солнце опустится, станет темно,
За вербами ветер проснётся, –
Трёхлетка твоя постучится в окно, –
Сердечко моё встрепенется:
Не ты ль возвернулся, сдаётся?»

Журавли Победы

Весна, весна! Лучей поток.
Снега в полях растаяли.
И дует тёплый ветерок
Со стороны Италии.
И журавли из Африки
Плывут по небу синему
Без компаса,
Без графика –
К Саратову
И Киеву,
К себе на родину летят,
В свои края бескрайние, –
Глядят на них из-за Карпат
Войска Советской Армии,
Глядят бойцы – и в рядовом,
И в генеральском чине...
И всё по той же в основном
Одной простой причине:

Весна идёт! Вблизи, вдали,
Перемогая беды...
Летят не просто журавли,
А журавли Победы.

Дот

Бетонный низкий лоб,
Свинцовых струй накал...
Ох, как он нас тогда,
Безусых, подсекал
И замертво валил
В траву перед собой.
И редко кто из нас
Про тот расскажет бой.

Незабвенный

Ни тени, ни следа
От звёздочки фанерной...
Он – неизвестный, да,
Но он – и незабвенный:
Ему – и долгий век,
Ему – и год, и миг
От нас от всех, от всех
Оставшихся в живых.

Те дни ещё во мне не смерклись, не поблёлкли.
Там всё ещё грохочет линия огня,
И смерть, как в перевёрнутом бинокле,
Друзей моих относит от меня...
И эту даль обратно не вернуть.
Ну разве что бинокль перевернуть.

Боец

Был шаг его как шаг, теперь он так – шажок
С опорой на корявый посошок,
С надеждой на добро, зато в горячих спорах
За правду-матку он всегда, как порох,
Готов к огню. А что в коленях шаток,
Так это у него лишь частный недостаток.

Кто это сотворил – ищи теперь виновных.
Такой уж, видно, нам достался век:
Во власть поставлен господин чиновник,
И оттеснён от дела человек.
А здравый смысл? Он выставлен за дверь.
Скажи, Создатель, как нам быть теперь?

Сатана

Он днём и ночью, как внештатный ветер,
Инкогнито гуляет по планете:
То спереди зайдёт, то подвернётся сбоку,
Сбивая с толку новую эпоху.
И так по всем верхам, по закоулкам разным...
Бог истиной живёт, а сатана – соблазном.

Одному академику

При деньгах не всегда, а иногда без денег,
Он рос как человек, товарищ академик.
Не потому ль его сам занебесный Нобель,
Оглядывая мир, не просто обособил,
А приобщил умом, соответствуя моменту,
К его величеству – товарищу студенту.

Душой я знаю, что такое честь,
А грешным телом, что такое больно.
Из всех команд, какие только есть,
Мне по душе одна команда – «вольно».
А если где немного согрешу,
То я писать об этом не спешу.

Нет, я любить тебя уже не перестану,
А загрузу когда – из-под земли достану
И воскресу в строке своей неброской:
Живи, моя любовь, несломленной берёзкой
И под окном моим ветвями шелести...
А если что не сбудется, – прости.

Предпочтенье

Кому в Париж, кому на отдых, в Ялту,
По разным там бетонам, по асфальтам,
От шумных мест до тихого порога, –
Какой ты б ни была, люблю тебя, дорога.
Но больше всё же я тропу люблю.
Тропа, она поближе к соловью.

Мне снился сон: по ледяному насту
На лыжах от меня уходит внучка Настя.
Ещё бы чуть, ещё бы шаг в полшага –
И я б её догнал у города Чикаго
И возвратил в Москву...
Но разразилась вьюга...
Ну как ты там теперь живёшь,
моя Настюха?

А ты и вправду, Уля,
Как самый жгучий улей
В начале майской взятки
И под надзором дядьки...
К чертям мне эта проповедь!
Дай мне медку попробовать.

Гонорар Пегасу

За ним – дела, дела, дела,
Путь от копыта до крыла,
От колеса и до ракеты:
Мешок овса ему за это
В зачёт космического марша...
Ведь далеко ещё до Марса.

Взгляд на карту

Уже не те года,
Но, как это ни странно,
Мне хочется порой
Струну меридиана
Достать со дна морей
И крикнуть троекратно:
УРА! УРА! УРА!
Чтоб отпустить обратно
На переключку
От страны к стране...
Такой магнит у карты
На стене.

О стариках

В нашей или в какой другой округе
Мало стариков – одни старухи.
В сумерки идут – идут, не жалуются, –
Так их вдовья жизнь и продолжается.
Стариков не видеть им седыми.
Старики погибли молодыми.

Поклонное слово

Там, где с полем рядышком
Роцца соловьиная,
Ходит моя матушка,
Свет Фёкла Ефимовна,
Ходит рука об руку,
След во след с работой
Под высоким облаком
Скорого полёта.
Смолоду бывалая,
Ходит, ждёт привета
В ста годах без малого
От того рассвета.

Всё ещё проворная
В деле, как когда-то...
Отодвинься, черное
Зеркало заката.

Перечитывая «Тёркина»

Так скажу вам, судари,
Сердцем с-под руки:
Мы ребята с придурью,
Но... не дураки.
Для добра открытые,
На поклон – поклоном,
Но... спросите Гитлера
И Наполеона.

Не по своей лишь только воле, –
Я к Вам от памяти, от боли,

От вдовьих слёз и материнских,
От молчаливых обелисков,

От куполов у небосклона...
Я к Вам по праву почтальона

Из этой бесконечной дали,
Из этой необъятной шири.

Они своё мне слово дали
И передать Вам разрешили.

Народ. А кто такой народ?
Волна к волне из рода в род,
Из поколенья в поколенья, –
Живое, вечное волненье

Везде: в Москве и на селе...
Он – и мужик навеселе.
Он – и артист в Белоколонном.
В одном-единственном числе
И многолюдно миллионном.

Народ – и звезды, и кресты,
Кремень-слеза с крутой версты,
В словах народ и за словами...
Он поимённо я и ты.
И неразрывно между нами.

Всему свой срок, всему своя молва,
Свой лад и слог в словесном обиходе.

Да, ты права – я не ищущу слова,
Уж если что, они меня находят.

Уж если что, они одним рывком
Срывают с нерва заспанную полночь, –

И в чём душа сквозь вьюгу босиком
За слогом слог бегут весне на помощь.

За слогом слог, как благодатный ток, –
И день рожденья празднует цветок.

Бога молю молитвой,
Сердцем о колокол бьюсь...
Будь ты и впредь монолитной
И нескончаемой, Русь.

Неба касаюсь губами,
Плачу и радуюсь вновь.
Журки летят – память,
Утки летят – любовь.

Глаголы Пушкина

И впредь шуметь его глаголам
По городам по всем, по сёлам,

По всей родной земле шуметь,
Будить к добру булат и медь,

Бессмертным эхом кочевать,
И жечь сердца, и врачевать.

А он и вправду бесподобный гений,
Неповторимый в просверках мгновений
И незабвенный в памяти веков, –
Таков вердикт всемирных языков.

И всё же, всё же, говоря по-русски,
Он сам себе оценщик: «Ай да Пушкин!»
И озорник на поприще амура.
Он весь – душа и ум без перехмура.

Который год скворечники пусты, –
Домой зовут, не закрывают рты.
Их скорбный вид мне сердце рвет на части.
Гляжу на них в предчувствии несчастья,

Мучительно о чём-то вспоминаю,
Как будто я со дна реки всплываю,
Поверхность рву! И вот на берегу –
Дома, как в саване, в нетронutom снегу,

А в тех домах пустынной, чем в пустыне...
Деревня мёртвая! И где? У нас в России!
Ты представляешь?! Понимаешь ты?!
Который год скворечники пусты.

Ф. Абрамову

Луна торжествовала... Полночь. Тишь.
Трава спала, спал берег, спал камыш.
Волна спала в ногах у камыша,
И лишь безмолвно плакала душа.

О ком она? О чём? А всё о том,
Что где-то там стоит мой старый дом,
Стоит один – ни звука, ни огня.
Там тень моя отдельно от меня.

Всему есть край в податливой природе:
Нефть в глубине и уголь на исходе.
Нерв на пределе, на пределе сердце.
Нет времени присесть и оглядеться.

Всё – скорость,
скорость и ещё раз скорость,
Сжигаем Землю, как сжигают хворост
В неуголимых топках эгоизма...
И это всё мы называем жизнью?
Скорей! Скорей! Чтоб – всё с рывка и разом.
Воистину заходит ум за разум.

Глобальный парадокс

С трибун трубим, глобально колоколим
О том, что мир, того гляди, расколем
Урановым ядром, а то и водородным,
Мир всех миров с народом всенародным.
Мир океанов, мир земли и неба,
Который был и вдруг сорвётся в небыль,
В своё ничто: ни вашим и ни нашим.
Как страшно то, что страх уже не страшен.

Боль

Болят? Да как ещё болят!
Стоит в проходе инвалид,

Перебинтованный тоской.
Стоит с протянутой рукой.

А мы бежим, бежим, бежим,
Слегка пеняем на режим,

Полушумим, полувздыхаем,
А если честно – обегаем

Самих себя... А он стоит,
Как наша совесть, инвалид.

То блеск витрин, то в заказном уюте
Шампанское... Виват! А между тем
Саднит Чечня, страна в грязи и в смуте,
В крови на перекрёстке двух систем.

Куда ни глянешь – горе, горе, горе...
В обнимку поножовщина и спирт,
Село – в разоре, детство – в беспризоре,
И мистер СПИД давно уже не спит.

А ты всё спишь – не споришь, не глаголешь,
Угрелся на дарованной печи...
Проснись, поэт, и вознеси свой голос!
А голос сел – печенкой промычи.

Невозмогу полям, невозможу заводам...
Ведь надо ж так расправиться с народом,

Ведь надо ж так расправиться с Россией?..
Такое даже чёрту не под силу.

Он слева шёл, а бил наотмашь справа.
За что такая пьяная расправа?

Молодость

Такая вся весенняя
В цветах и облаках
Идёт, как потрясение
На звонких каблуках.

В награду ей – соловушка,
А все преграды – прочь!
Бедовая головушка,
Сиреневая ночь.

Идёт сама природа
На озорной волне.
Приветствуйте, народы,
И радуйтесь весне.

Отцы – детям

Садясь гурьбой в передовые сани,
Не задавайтесь – сами, мол, с усами.
Ведь молодость – не только ваше знамя,
В оглобли, дети, и вперёд с отцами!

Жизнь моя – поэзия!

Ты как боль по лезвию.
Ты как мост над пропастью –
Литерой и прописью,
Ты как полдень полночью –
Светом скорой помощи...
От любви нетрезвая
Торжествуй, поэзия!

Просьба

Голова моя, как лунь.
Дай мне ключик свой, июнь,
Дай пройти не по билету
Прямо в ласковое лето,
Пропусти, ради Христа,
К спелой яголке с куста,
А потом сопроводи
За осенние дожди,
Через зимы – снова в май.
Только шум не поднимай.

Жизнь

А всему причиной – мама
И всему основой – Русь.
Я родился в поле прямо,
Там возрос и тем горжусь.
Потому за всё радею:
Сеять жизнь – моя идея.
И не надо мне иңую –
Продолжаю посевную.

«Ура» твоим ракетам
И космосу «ура»...
Тебе, моя планета,
Одуматься пора,
Не рисковать беспечно
Учёной головой, –
Пусть Млечный будет Млечным,
Ну а трава – травой.

Нескладно в политическом пейзаже:
Раз «Наши» есть, то кто ж тогда не наши,
Скажите мне, пожалуйста. Неужто
Всё на раскрой? Да нам всё это чуждо,
Нам, старикам. А мы ведь ваши деды –
Солдаты нестареющей Победы.
Там был рубеж! Рубеж, а не делёж.
Там все мы были – «Наша молодёжь».

Сыну

Всё, как и прежде, – эврика!
Всё остаётся в силе.
Далёкая Америка,
Родимая Россия.
И верится – не верится,
И знается – не знается.
И всё ж планета вертится,
И всё ж сердца сближаются.

Добро – к добру

– Добро к добру. – Мне мама говорила
И добрых всех добром благодарила,
Всех величала словом у огня.
И лишь себя повеличать забыла
За то, что в муках родила меня.

Степь

Кругом всё степь да степь...
И снова степь... И снова...
Как пыль из-под сапог, как память из былого,
Как голос издалёка – Бог ты мой! –
С холма на холм: – Домой, сынок, домой!..
И я иду, не обрываю цепь.
И снова – даль. И снова степь да степь.

На смерть матери

И ветер холодным веником
Листья метёт по полям.
И писем писать некому,
Разве что тополям.

Надежда

Быть нелегко собой:
Куда ни повернусь,
Больнее – боль на боль,
Острее грусть – на грусть.
Туман пасёт беду,
Не размыкает круг.
А я всё что-то жду:
А вдруг?.. А вдруг?.. А вдруг.

Амплитуда

Выйду в поле, небу поклонюсь,
Маленьким Егоркой обернусь,
Босиком отправлюсь к муравью,
Жизнь зарегистрирую свою.
А потом, поближе к седине,
С пулей разминуюсь на войне.
А потом от любящей жены
Выйдут в поле рослые сыны,
А за ними – внуки на подбор...
Так и завершится дед Егор.

ПЕСНЬ СЛАВЯНСТВА

Панко АНЧЕВ

Дорогие русские читатели и друзья!

Журнал «Просторы» – один из старейших болгарских литературно-художественных журналов. Его первый номер вышел в 1961 г. В то время журнал был изданием несуществующего на сегодня, к сожалению, государственного книжного издательства «Георгий Бакалов» (Варна). Цель издания состояла в том, чтобы предоставить трибуну молодым писателям и стать творческой лабораторией талантливых поэтов, беллетристов и литературных критиков, местом творческих дискуссий и исследований.

И так, уже более пятидесяти лет, с упорством и неотступностью делают «Просторы» своё дело, храня любовь и внимание к талантливым писателям Болгарии.

Издаются «Просторы» в Варне, но являются журналом всех болгарских писателей. Распространяется журнал по всей стране, а сайт посещают читатели буквально со всего света. Мы сотрудничаем с самыми известными авторами, которые охотно предоставляют нам свои произведения. То, что «Просторы» публикуют живых классиков болгарской литературы, определяет высокий уровень журнала и призывает молодёжь брать пример с мастеров, дабы учиться, обретать уверенность и равняться на истинные, а не ложные ценности.

Наш журнал ставит и другую, не менее важную задачу: популяризировать современную русскую литературу. За последние два десятилетия отношения между болгарской и русской литературами были прерваны. Политические перемены в обеих странах вынудили нас (к огромному сожалению) отдалиться друг от друга. Сегодня болгарская молодёжь мало знает о России и русской литературе, которая всегда щедро делилась опытом со своей болгарской сестрой. Мы считаем, что традиции должны быть восстановлены и продолжены, и прилагаем все усилия, чтобы знакомить читателя с новыми русскими писателями, чтобы поддерживать высокий уровень художественного перевода русских авторов на болгарский язык.

Болгарская литература почти неизвестна сегодня русскому читателю. И это тоже неправильно. Вот почему мы с радостью представляем на страницах журнала «Великоросъ» нескольких болгарских писателей разных поколений – всё это авторы «Просторов». Это лишь малая часть современной болгарской литературы. Знаем, что журнал «Великоросъ» регулярно переводит на русский язык наших писателей, и сегодняшшний визит

Панко Анчев – родился в 1946 г. в Варне. Литературовед и философ, почётный доктор Литературного Института им. М. Горького (Москва). Главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра.

«Просторов» является утверждением его политики на сближение двух братских народов.

В свою очередь, и «Просторы» пригласили русских писателей, авторов журнала «Великороссы». И мы надеемся, что для «Просторов» и «Великоросса» такого рода дружеские визиты превратятся в традицию.

Православные славяне не должны жить врозь. Они должны быть вместе и вместе защищать своё право на существование, на место в мировой культуре.

Во имя этого родства и единомыслия журналы «Великороссы» и «Просторы» пожали друг другу руки и дали слово, что сообща будут работать ради великого дела – ради дружбы народов России и Болгарии!

Панко АНЧЕВ, главный редактор журнала «Просторы».

Перевела с болгарского Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Канон «Бахтин»

Развитие литературоведения происходит, прежде всего, через совершенствование прочтения, через сопоставление мира художника и современного ему мира. Каждое время предлагает свой способ прочтения, благодаря которому литературоведение утверждает те или иные идеи, эстетические подходы, философские обобщения. Через прочтение и понимание произведения или творчества писателя происходит постижение и осмысление мира, и это не что иное, как формирование мировоззрения. Можно сказать, что уровень литературы определяет и литературоведение, то есть литература сама предлагает способы прочтения. Это означает, что изобразительным возможностям литературы, способностям личности и общества к восприятию творчества соответствует свой способ прочтения и постижения литературы, а, значит, и самого общества. Литература и литературоведение преследуют, в конечном счёте, одну и ту же цель: выразить Истину, чтобы приоткрыть завесы тайн мироздания и помочь человеку познать самого себя.

Литературоведение подвигается к этой цели через толкование литературы, поскольку представляет собой знание о знании, изображении и выражении жизни.

Способ же прочтения определяется объективными факторами.

Новое в литературоведении появляется как следствие развития общества, животворных общественных идей и новой литературы. Радикальные преобразования жизни и общества привели к социальному расслоению, к появлению новых общественных групп и нового общественного сознания. А с появлением нового общественного сознания всё стало другим.

Социальные изменения у разных народов происходят по-разному, поэтому и развитие национальных литератур приходится на разные эпохи. Но речь идёт не о подражании и не о гонке друг за другом. Идеи, общие всем народам, а также художественные приёмы, сюжеты, темы, проблемы усваиваются и находят своё выражение разными народами в разные периоды. Вполне естественно, что литература народа, раньше других вступившего в эпоху перемен, первой выразит новые идеи и окажет в дальнейшем влияние на литературу прочих народов. Возникнув, идеи распространяются, а, встретив благодатную почву, легко приживаются. Таков путь моды, так утверждаются каноны в культуре, в том числе и в литературоведении. Мода и канон ускоряют развитие национальной культуры, позволяя не дожидаться зарождения и формирования собственных социальных идей. Это двигатели многих процессов. Современная эпоха создаёт условия для мгновенного распространения идей и скорейшей их интеграции в национальную культуру – даже когда та или иная национальная культура не готова к их восприятию и не нуждается в их усвоении через моду или каноны. Это особенно важно и требует дальнейшего изучения и анализа, но здесь мне

бы хотелось от абстрактно-теоретических рассуждений перейти к конкретному явлению, названному мною «Канон «Бахтин»».

В отличие от канонов, которые создаются и утверждаются соборно, то есть всей Церковью через Вселенские Соборы, каноны в области культуры, в том числе и в литературоведении, создаются и утверждаются спонтанно, посредством поддержки и популяризации непопулярных некогда теорий, методов, правил.

Русского философа Михаила Михайловича Бахтина я бы самого назвал каноном – так велик его вклад в развитие литературоведения и философии; знание его трудов считается обязательным, особенно, что касается его теорий полифоничности романов Достоевского и смеховой культуры. Это воспринимается как универсальное знание, то есть подходящее к другим авторам, литературам и эпохам.

Вновь открытый в 60-е годы (совсем не случайное время!) группой молодых русских советских литературоведов, Михаил Бахтин быстро завоевал признание в мире литературоведения и стал одним из наиболее известных и популярных исследователей. Бахтин появился в тот момент, когда не только русское советское литературоведение испытывало серьёзный кризис и нащупывало пути нового развития. И именно в контексте готовящихся, зреющих перемен необходимо рассматривать «канон «Бахтин»», поскольку он имеет конкретно-историческое значение. Михаил Бахтин жил и работал в определённом социально-политическом и идеологическом контексте, он сам был частью этого контекста. Если мы хотим объяснить какое-то явление, необходимо осознать и проанализировать породившие его причины. Тогда нам откроется и содержание бахтинских идей о полифоничности романов Достоевского, о карнавализации в творчестве Франсуа Рабле или о карнавалльно-смеховой культуре вообще.

Михаил Гаспаров остроумно отмечает, что Бахтин писал в одно время, прочитан в другое. Для одного литературоведа это может быть счастьем, но для другого – настоящей бедой. Что было это для самого М.М. Бахтина: счастье или беда? Его ученик Сергей Бочаров утверждает, что книга «Проблемы поэтики Достоевского» не послужила основой для изучения творчества Достоевского, но породила бахтиноведение. То есть комплекс научных проблем вокруг самого Бахтина не оказал ощутимой помощи в изучении Достоевского. В самом деле, странно, что учёный, пытающийся подобрать ключ к пониманию творчества писателя такого уровня как Достоевский, вызывает больший интерес к самому себе, нежели к писателю. Литературоведению, кажется, не столь уж важно, полифоничен ли роман Достоевского или является ли Рабле продуктом средневековой смеховой культуры. Интересна, прежде всего, сама теория Бахтина о полифоничности романа и о роли и значении смеховой культуры в литературе вообще.

Но если учесть контекст времени, когда писал Бахтин, можно будет лучше понять, как родилась его теория, каков её социальный и литературоведческий смысл. Давайте вспомним, что основные свои труды Михаил Бахтин замыслил и написал в то время, когда в литературной и общественной жизни господствовало единое мнение. Обсуждения редки и касаются, главным образом, утверждённых идеологем. Это делает жизнь монологичной, исключая разнообразие идей и мнений. Один голос звучит над всеми и руководит людьми. Инакомыслие является преступлением против власти и сурово наказывается. Но любое общество (в том числе, и тоталитарное, деспотическое, тираническое) нуждается в разнообразии. Диктатура не способна породить совершенную гармонию, и потому, естественным образом, стремится к полифонии, инстинктивно, скрыто поощряя инакомыслие (хотя и не смеет говорить о том вслух), потому что понимает, что это необходимо для её же блага. Что, как не проявление внутренней свободы, которую невозможно подавить или уничтожить, представляет собой творчество таких писателей, как Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Максим Горький, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Николай Заболоцкий, а ещё раньше – Александр Блок, Владимир Маяковский, Сергей Есенин. Другой вопрос, что эти писатели были вынуждены подчас вести двойную жизнь, совершая в действительности не то, к чему призывали в творчестве. Некоторые из них (как правило, наивные, политически неопытные и доверчивые) заплатили жизнями за смелость служить, в первую очередь, искусству, а уж потом – власти и политике.

И вот, в эпоху великих русских поэтов, противостоящих власти, появляется книга Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», содержащая теорию полифонического романа применительно к творчеству великого писателя, а также рассуждения о роли и значении народной смеховой культуры в развитии того же романа. Мы видим, что литературоведение (а тут надо упомянуть и других русских литературоведов того же периода, например, Виктора Шкловского, Юрия Тынянова, Виктора Виноградова, Виктора Жирмунского и др.) по-разному осмысливает это сопротивление, делая его предметом исследования, и таким образом выступает надёжным свидетелем своей эпохи и её идей.

Михаил Бахтин определил тип романа, родоначальником которого был Ф.М. Достоевский. Однако это определение не может быть ключом к творчеству Достоевского. Это лишь обозначает совокупность особенностей, но, думаю, что эти особенности являются едва ли не самыми важными и значительными. Кроме того, можно поспорить, монологичен ли, как утверждает Михаил Бахтин, роман Толстого. Ведь в то время Лев Толстой ещё воспринимался как «зеркало русской революции», и никому не пришло бы в голову оспаривать эту ленинскую формулировку. Бахтин, действительно, изолировал роман Достоевского, превратив его в своего рода остров среди монологических романов мировой литературы. Оказывается, Достоевский не создал традиции, у него нет последователей. В другой раз мы имели бы все основания заключить, что Бахтин сотворил какую-то неадекватную теорию, которая только на первый взгляд приложима к реальности, но в основе своей сомнительна и надуманна. Почему же тогда формула полифонического романа Достоевского получила такое признание? Я думаю так: не потому что обогатила теорию романа, а потому, что бросила вызов социальному контексту, в котором появилась на свет.

Утверждая это, я не имею в виду преднамеренное, сознательное действие, совершённое в пропагандистских целях против действующей власти. Русское общество и русские литературоведческие круги в то время ещё не осознавали только зарождавшиеся идеи, не могшие превратиться в идеологию отрицания и революции. Но общество, как я уже сказал выше, чувствует внутреннюю потребность в этих идеях и охотно воспринимает их, как нечто важное и значимое, как научный феномен. Власть не допускает многоголосие, но, видите ли, романы Достоевского, которого власть признаёт великим писателем, многоголосны, полифоничны. В них говорят разные люди, сталкиваются разные идеи, и в этом столкновении идут поиски истины. Потому что нет одной-единственной истины, и каждая имеет право на существование и каждая отстаивает это своё право.

То же самое относится и к другим значимым тезисам Михаила Бахтина: смеховая культура, языковые средства выражения мировосприятия, особенно, что касается выражения иронии, пародии. Т.е. любое многоголосие, любой диалог, всё, что противостоит официозу. Бахтин фактически открывает дверь общественным беспорядкам. Он говорит, что существуют способы бросить вызов власти, и если власть нельзя помянуть, то можно дестабилизировать и ослабить её. Самым сильным средством является карнавал, народный праздник, могущий через иронию и пародию низвести власть до объекта критики. Другой вопрос, вышел ли Рабле из народной смеховой культуры, из карнавала, изображая современную ему действительность, и насколько было ему необходимо бросать вызов средневековой власти. Скорее, в смехе Рабле следует видеть проявления Нового времени и нового буржуазного сознания. Это новый тип писателя, новая эстетика и литература, появившиеся в современную эпоху и востребованные демократическим сознанием, которое бросает вызов старине.

Эпоха Рабле – это время полного отрицания предшествующего образа жизни и предшествующего мировоззрения. Рабле глумится над всем, что прежде считалось священным. Это дискредитирует, отрицает прошлое. Прав Сергей Аверинцев, когда пишет, что смех – это не свобода, но освобождение. Освобождение от прежних убеждений, секуляризация сознания, преодоление религиозного мышления и даже богоотрицание, а потому смех осуждается и преследуется как безнравственность и богохульство. Смех это разгул. «Не Бог, а дьявол учит играть», – говорит святитель Иоанн Златоуст (Св. Иоанн Златоуст «Толкование Евангелия от Матфея», София, 2007,

с.111). Т.е. это буржуазный смех, а не средневековый. Этот смех может принимать некие средневековые игровые или словесные формы, но сущность его иная.

Бахтин говорит о средневековой смеховой культуре, рассматривая творчество Достоевского. И снова в том же смысле: смех это свобода, необходимая человеку для выражения истины. Но смех Достоевского совершенно другой – абсолютно буржуазный, светский. Смех свободный от каких бы то ни было средневековых смыслов. Он не ждёт дня карнавала (для него любой день может стать карнавальным), а постоянно оценивает действительность и противостоит ей. А то, что Бахтин называет карнавалом у Достоевского, представляет собой или сложный конфликт или психическое перенапряжение, или просто сцену разгула, которые нередко встречаются в романах писателя. Всё это в рамках реализма, точного отображения и изображения действительности.

Карнавальная и средневековая смеховая культура, площадной смех в творчестве Рабле и Достоевского обыкновенно рассматриваются с точки зрения стилистики, т.е. формально, без учёта основной бахтинской концепции литературы. Конечно, эта концепция противостоит господствовавшему в советское время мнению, что литературоведение должно заниматься, прежде всего, тематически-содержательной стороной литературы – содержанием, а не формой. Но большая заслуга Михаила Бахтина состоит в том, что он описал содержательную и социальную стороны языка и стиля. Это не исключает работу с текстом, скорее связывает текст с тем, что вызвало его к жизни: реальностью, обществом, социальной действительностью. «Изучать слово в нём самом, игнорируя его направленность вне себя, – так же бессмысленно, как изучать психическое переживание вне той реальности, на которую оно направлено и которую оно определяется», – эту мысль Михаила Бахтина из работы «Слово в романе», написанной ещё в 1934–1935 гг., обыкновенно игнорируют его последователи и эпигоны. А мысль эта позволяет более широко и глубоко проникнуть в дух литературы и искусства, обогащает представления о писателе и его времени. Стиль это не просто техника и средства, умение и профессионализм, это отпечаток личности писателя и времени, в котором он живёт. В этом же смысле следует понимать и полифонию в романе Достоевского, и смеховую культуру у Рабле и Достоевского. Общение посредством слова, разные способы выражения – всё это важнейшие свидетельства конкретной реальности, в которой рождается литература, а также возможности самой литературы, свидетельствующей о реальности. Бахтин предположительно говорит о том, что в его время нет того, о чём повествует роман эпохи Возрождения или чем наполнено творчество Рабле и Достоевского.

Конечно, неверно утверждение, что Бахтин через литературоведение бросил сознательный вызов существовавшим тогда представлениям о литературе и способу прочтения. Но литературоведение, как и литература, есть свидетельство времени, его общественных и политических идей, поэтому не нужно воспринимать ту или иную теорию как канон, как нечто универсальное и обязательное всегда и везде. В литературоведении нет и не может быть абсолютных истин, «законов природы» или неоспоримых утверждений. Любой крупный литературовед на шаг опережает общество в понимании литературы, в оценке способности писателя к самовыражению. Литературоведение – это такое же творчество, требующее таланта, чувствительности и восприимчивости к жизни. Время говорит и через литературоведение.

Творчество Михаила Бахтина нуждается сегодня в новом прочтении. Опыт, которым он делится с нами, и наш собственный опыт в прочтении Бахтина непременно обогатят нас новыми знаниями и новым пониманием литературы.

Убеждён, что это одобрил бы и сам Михаил Михайлович Бахтин, если был бы жив и мог участвовать в новой жизни своих выдающихся произведений...

Перевела с болгарского Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталлистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почета», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.

Новая Скифия

В наше смутное время, эпоху крутых перемен и размежеваний, только генетическая память и духовное единение не позволят нам исчезнуть из истории, раствориться, кануть в небытие...

Поэтессе С.

Поэты не хвалят друг друга,
Завидуя жёлчно и зло.
Не будем крушиться, подруга,
Такое у нас ремесло...
Глядят со скучающим жестом
На стих – как считают ворон,
Хоть видят, каким совершенством
Пророческий слог озарён.
Таланта живую природу
Глухим равнодушьем не сжечь!
Хоть нас не пускают к народу,
Но эхом разносится речь!
Бегут золотые ступеньки,
Разносится звёздная весть...
А им – лишь награды да деньги.
Какая ничтожная честь!
Ну что ж, помолясь небосклону,
Чуждаясь фальшивой игры,
Мы вновь принесём Аполлону
Священные наши дары!

Рабы

Мы рабы на пожизненной вахте.
Мы устали от гнёта и зол.
Где Атилла?
На собственной яхте!
Где Спартак?
Проигрался в футбол.
Бессловесны мои однолетки,
Дух бунтарский трусливо погас.
Стенька Разин – с пивной этикетки
С отвращением смотрит на нас.
Отвернулась презрительно Муза
От рабов с покаяньем в глазах.
Робин Гуды – с дипломами Вузов
Не воюют в российских лесах.
Дальний отблеск высоких примеров
Нас не вынет из муторной тьмы.
На каких современных галерах
К послушанью прикованы мы?
В этом грозном и яростном мире
Нас святое возмездье найдёт!
Нас добьют. Нас замочат в сортире.
А Отечество нас проклянёт!

Воспоминания о пожарах 2010

В закоулке земного шара
Посреди угара и чада
Я стою в глубине пожара.
Я стою – в преддверии ада.

Пеленою закрыта плотной,
Словно вечной русской печалью.
Мои плечи в золе залётной,
Мои волосы пахнут гарью.
Через просеку, через поле
Я спастись уже не успею.
На горящем моём подоле
Огневые пылают змеи.
Нагрешила, видно, немало...
Никого собой не согрела,
Только лишь от стыда сгорала
Да в трудах, как всегда, горела.
Это я проходила мимо,
На беду – отвечая шуткой.
И теперь в преисподней мира
Задыхаюсь от гари жуткой.

Это месть земная по праву.
Отдалённый отблеск прощенья.
Эту огненную отраву
Принимаю как очищенье.

Новая Скифия

Признаём себя – в оккупации
 Жертвы хитрости и коварства...
 Это осень великой нации,
 Сокрушение государства.
 Безответные, безразличные,
 Оклеветаны днями грешными,
 Позабыли заслуги личные
 И глядим в пустоту кремешную.
 Все пути заросли корягами.
 Все надежды – пустыми мифами.
 Не Россия мы, а ВАРЯГИЯ.
 Или даже – НОВАЯ СКИФИЯ.
 Грабежей золотые отстойники,
 Христианских свечей огарки...
 И кругом – Соловьи-разбойники
 Под названием – олигархи.
 Спит Алёнушка возле камушка
 В сонных душах – тоска и мрак.
 Из героев – один Иванушка,
 Да и тот – последний дурак.

Говорят

Говорят, что Россия
 Разделится вскоре на зоны:
 Будет Север – Норвежским,
 А Юг – доминьон Аризоны.
 Будет Дальний Восток
 Заселён и вполне обитаем
 Под эгидой Японии,
 Под многолюдным Китаем.
 Слух уже уловил
 Торжество отдалённого гула...
 Под луною Кавказа
 Освоились дети Стамбула.
 Сквозь беспамятство лет
 Удручая видением душу –
 Стал Уральский хребет
 Минаретом, упавшим на сушу.
 А Сибирь удалая,
 Её золотое пространство?
 Говорят, ей подходит
 Какое-то южное ханство...
 Говорят, говорят,
 Посылают отраву вестей.
 Говорят, говорят,
 Ведь язык, говорят, без костей.
 А ещё говорят –
 Не к добру олигархи икают,
 И не ведая срама
 К оружию нас подстрекают.

Чтоб взорвалась Россия
 Под небом своим синеоким
 Не бессмысленным бунтом
 А бунтом святым
 И жестоким!

Они и мы

Штампую решенья и даты,
 С душой, провалившейся в ад,
 ОНИ заседают, где надо,
 Присвоив продажный мандат.
 Коварные эти везенья
 Окутаны в денежный мрак.
 Невидимый орден презренья
 Приколот на модный пиджак.
 А жизнь – и темна и бесславна
 В авариях, взрывах, слезах...
 Седеющий пепел Беслана
 Лежит на её волосах.
 От НИХ – МЫ по-рабски зависим
 Хоть ИМ НАШИ беды не в счёт.
 Дворцы ИХ взмываются к высям,
 И нефть по карманам течёт.
 Хоть ростом – не больше напёрстка,
 А духом – не выше тюрьмы,
 ОНИ – одинокая горстка.
 А толпы молчащие – МЫ!

Мой кров убог, скупы одежды,
 Пустых идей – ненужный хлам...
 – Подайте два гроша надежды
 С шепоткой веры пополам.
 Когда страна всемирной шайкой
 Разорена, разъята нить,
 Мне не зазорно попрошайкой
 Точнее – нищей духом быть.
 Мне, независимой от хлеба,
 От благ, от моды, от вождя,
 Достаточны – кусочек неба
 С прозрачной пригоршней дождя.
 О мир, разорванный на части,
 Молитву сердца улови:
 Подай мне толику участия
 С солёной капелькой любви...
 Стою у Русского Собора,
 К Кремлёвской прислонясь стене.
 Нет в нищенстве моём позора
 Подайте милостыню мне...

Ну, где ваше честное слово?
Куда от меня подались?
И нет – ни того, ни другого...
А помнится, в дружбе клялись.
А помнится – пили и ели,
И верность крепили по гроб.
И вот заметают метели
Меня в одинокий сугроб.
Так исподволь и благородно
Судьба извещает, что я
Отныне и присно свободна
От дружеских уз бытия.
Мрачна предзакатная зорька.
Спускается темень в овраг.
Но мне отчего-то не горько.
И даже не грустно. А так...

Загадочная русская душа

Недаром привела судьба к победам,
Нить чудных дел сплетая не спеша...
Наполнена неизъяснимым светом
Загадочная русская душа.
Она вела безумцев за три моря,
Надеждой раздувая паруса.
Она сивухой запивала горе
И налегке – взлетала в небеса.
В её глубинах вековой философ
Стоял на страже доблестных трудов.
Ей было имя – Пушкин, Ломоносов...
И клич ей был: Гагарин, Королёв!
Терпением обиды сокращая,
Когда тускнела жизнь, едва дыша,
Зачем всё выносила, всех прощая,
Загадочная русская душа?
Зачем она в добре не утомима,
Не ждущая взаимности в ответ?
Зачем любовью обняла полмира,
Сама испепелённая от бед?
Не страшно ль ей на этом белом свете,
Где стонут будни, маясь и греша?
Но ничего на это не ответит
Загадочная русская душа.

Снова в партии

Не признающая середины,
Не перепутав, где низ, где высь,
Я снова в партии! Где все едины,
Кто Русью помазанные, родились.
Кого соратники – не забыли.
Кому чужие кричат – Ату!

Кого презренно зовут – «простофили»
За бесконечную доброту.
Тайфун корысти крепчал и веял
Над веком фальши, вражды и зол...
Я в партии тех, кто пахал и сеял,
Я в партии тех, кто гол, как сокол.
Не аналитик крутых моментов
И не профессор прокисших щей –
Я в партии тех немногих процентов
Кто видит глубинную суть вещей.
Я в партии критиков перестройки,
Я в партии тайных её полков.
Я в партии самых честных и стойких
И самых преданных бедняков.

Рвётся, обязавшая пространство,
Каждая связующая нить...
В мире, где царит непостоянство,
Надо одиночество любить.

На пиру похмелье – не на тризне.
И лампада в небе зажжена.
Это – я! Я – есмь! Я – воля к жизни!
Это мне внимает тишина.

Говорят, под вспышки революций
Где-то правду видели в гробу.
Сообщают – самолёты бьются.
Вылетают замыслы в трубу.

Я – вдали. Я вижу сон глубокий,
Бесконечный купол голубой.
Белый парус, путник одинокий,
Странник, очарованный судьбой...

О, не покидай услада жить
Вдалеке от брэнного экстаза!
...Надо одиночество любить.
И беречь от воровского сглаза.

Чашу бытия неспешно пить
В век, что обворован и оболган.
Надо одиночество любить.
Горячо и жадно. И... недолго.

Одно поколение

Пришло к сокрушенью – одно поколение
И стало мишенью – одно поколение.
Убито оно и отпето заранее.
Ходячие жертвы – сплошное закланье.

Чужого безумия страшная кара.
Свидетель беды, очевидец кошмара.
Одно поколение, где звёздные речи
Гремели под стоны и звуки картечи.

Одно поколение погибло в погроме.
Убило монарха в Ипатьевском доме.
Растёрло горячую кровь по паркету.
В небесную синь запустило ракету.

Утопия века и верная вера.
И доблесть поступка, и вызов примера.
Все краски и блики смешала натура...
Одно поколение, а столько сумбура!

Одно поколение! Спаси его, Боже.
Оно ещё всё не исчезло, похоже...
Но время проносится, в пропасть толкая...
За что же нам выпала участь такая?

Чужие имена

Наверно, Мария-Сотела,
В тебя Рональдино влюблён?
А впрочем, какое мне дело
До этих далёких имён!

Но ветер, смешно и сердито,
Возникнув, как звёздный герой,
Стучится в окно – «Анхелита!
Фернандесу двери открой!»

О, как бесполезно, напрасно
С какого-то давнего дня
Отравлена речью испанской
Далёкая память моя.

Зачем, среди земного угара
В какой-то холодный апрель
Хлестнёт ветерок – «Че Гевара!»
А сердце ответит – «Фидель...»

Среди городского асфальта
На склоне туманного дня.
Мне видится профиль Освальдо,
И Педро седлает коня...

И так же, быть может, Россия
Приходит в чужие края
К тебе, дорогая Лусия,
Далёкая тёзка моя.

На перекрёстке узком
У берега реки
Дерутся русский – с русским,
Мелькают кулаки.

За морем-океаном
Смеются мудрецы:
– Сошлись Иван с Иваном,
Как бешеные псы.

А по телеэкрану
разносится позор:
Кричит Иван – Ивану:
– Подлец, предатель, вор!

Страна бедой объята.
Последний луч погас.
Опомнитесь, ребята,
Не зря стравили вас!

Ужель дойдём до точки,
Не ведая стыда?
Ужель поодиночке
Исчезнем навсегда?

И скроют нас бурьяны,
И проклянут века
За то
что мы, Иваны,
Валяли дурака.

Сон в зимнюю ночь

Что за странные виденья?
Чьи-то частные владенья...
И под тенью бабаба
Развалился бегемот.
Три кита встряхнули сушу.
Звёзды вырвались наружу,
И продажные газеты
Прилетели на комод.

Блик волны на сонной яхте.
Либерал стоит на вахте.
Запах примул и акаций
Разливают облака.
И чего же это ради
В них плывёт – Марина Влади?..
И Обама за планетой
Наблюдает свысока?

Пентагон раскрыл объятья,
Словно мы – друзья и братья.
От фальшивых обещаний
Повалил туман густой.
Злой дефолт стучит в квартиры.
Тонут в лужах ракетеры.
И зовут лесоповалы
Олигархов – на постой...

Кордильеры и Хибины
подставляют ветру спины.
Закружился над подушкой
Снег московских тополей.
Лёд растаял в Заполярье.
Сын вернулся к тёте Марье.
И под сонным одеялом
Сразу сделалось теплей...

Как мачеха теперь литература.
К душевным откровеньям не добра.
И смотрит день презрительно и хмуро
На доблестных служителей пера.

Не на заказ мы пишем – а на вечность.
От груза бед – весомее строка.
И всяческая теле-шоу-нечисть
На нас, безумцев, смотрит свысока.

Но призванные в жизни чем-то высшим,
Презревшие людскую глухоту,
Покуда дышим – неподкупно пишем.
Доверясь сердцу, ручке и листу.

И всё, что растоптали в веке новом,
С рублём, а не с звездой говоря,
Взойдёт, как степь, засеянная СЛОВОМ.
Святым и бескорыстным, как заря.

Не признаны судьбой, не обогреты,
Не лгавшие ни нынче, ни вчера,
Друзья мои, безвестные поэты –
Последние Апостолы добра.

Всю жизнь – война, войне, войной..
За урожай – бои и битвы.
Борьба с покорной целиной.
За упокой надежд – молитвы.

Свершаем ратные труды
Под воинскими небесами.
Покорно строимся в ряды
Борцов – за что, не знаем сами.

Идут сражения кругом.
И каждый – призван и зависим.
Война – с войной. Война – с врагом.
Война с проклятым закулисьем.

И хлещет полдень ветровой
В мои военные медали...

Я – на Четвёртой Мировой!
А – Третья?
Третью –
Проиграли.

Россия

Может, впрямь – перед концом?
Неудачница, разиня,
Женщина с мужским лицом,
Современная Россия.

Не тоска ли о былом
Залила хмельные вежды?
У тебя – метла и лом
Два орудия надежды.

Буреломы, плахи пней,
От мечтаний, и шатаний..
И следы твоих ступней
На руинах ожиданий.

Может вправду – поделом?
Кто ты? Жертва рогозейства?
Гостья за пустым столом?
Мать разбитого семейства?

Как вернёшь себе права?
В чём ты вечно виновата,
Неутешная вдова
Неизвестного солдата?

Поэтессам

Где же вы, подруги-поэтессы?
Что же вы, родные, замолчали?
Феи духа, королевы прессы,
Звёздочки восторга и печали.

Горестно дышать в продажном мире.
 Быть его частицею – постыдно.
 Потому не слышно вас в эфире.
 И по телевизору не видно.

Никому ненужные таланты.
 Ветер перестройки дует в уши.
 Видно, расстреляли оккупанты
 Ваши очарованные души.

А вокруг беснуется, зверея,
 Время нестерпимого разврата.
 Солнечные ямбы и хорей
 Отлетели временно куда-то...

Но сквозь все заумные прогрессы,
 К нам вернётся праведная Лира!..
 Милые подруги-поэтессы,
 Достоянье родины и мира.

Под городом Горьким

На этот раз Новый год Фёдор Коноплич решил встретить не в уютной городской квартире, как это было в течение последних лет его жизни, а в той хате, где когда-то родился. Начал собираться в неблизкую дорогу спозаранку. В вещевой мешок положил транзисторный радиоприёмник, приличный шмат сала, кольцо копчёной колбасы, буханку хлеба, банку шпрот, трёхлитровую бутылку воды, поллитровку... Всё, кажется? А, может, водки маловато будет? Вдруг ещё кто встретится ему в родной деревне, которая, знал, давно умерла: последнего жителя Вересневки провели на погост в начале этого века. Хотя хаты стоят. Почти в каждой – загляни в окно – увидишь заправленные кровати с пышными подушками, застеленные скатёрками столы, у шестка стоит ухват, на лавке – ведро, к которому в обязательном порядке прилепилась кружка. Заходи, живи. В эту пору, наверное, они, хаты, заметены снегом, как заметены, наверняка, и все подходы к деревне.

Коноплич поднял вещевой мешок: лёгок, плечи не оттянет, поэтому решил всё же взять ещё и бутылку вина – на всякий случай. Для него так и одной стопки хватит, однако где-то в глубине теплилась надежда, что праздник он будет встречать не один, а на его новогодний огонёк прибудет ещё какая-нибудь душа...

– Всё же едешь? – задержала взгляд на муже жена Мария, готовя на кухне праздничный ужин, и от лука, который на то время крошила, у неё были влажные глаза.

– Еду, – ответил кратко, но твердо.

– Ну, смотри сам. Хозяин – барин. Только не замёрзни там. А я тогда, видимо, к детям пойду? А, может, и одна встречу Новый год? Будет видно. Первый раз, между прочим, за тридцать пять лет мы новогодний праздник будем встречать порознь. Не кажется тебе, что это плохая примета?

– Всё будет хорошо. Не волнуйся. А на следующий день я вернусь, и мы посидим за нашим праздничным столом. И детей пригласим. Прости, Мария, что так получилось. Хата – веришь? – позвала. Хата. Ей, похоже, скучно там одной... У неё, возможно, также что-то болит, как иной раз у человека... Оставили её все мы, забыли... Когда-то нужна была она нам, очень нужна... Нам всем... Мне, Гришке, Вовке, Сашке... Но то – когда-то... Не держи обиды на меня,

Василь Ткачѳв (Василий Юрьевич Ткачѳв) – родился в 1948 г. в д. Гута Рогачѳ вского района Гомельской области. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военного-политического училища СА и ВМФ. Работал в печати, долгое время возглавлял Гомельскую областную писательскую организацию. Прозаик, драматург, публицист. Автор многих книг и пьес. Член Союза писателей Беларуси и Союза театральных деятелей.

Живѳт в Гомеле.

Мария. Хата – тоже женщина, и она попросила моего внимания... Даже, показало, слышал её голос... А окно... большое, то, что во двор выходит, всё время смотрит на меня... Будто мама... Будто дед Яков... Будто баба Поля... Еду, еду, Мария: чувствую, нашей хате неуютно одной под холодным зимним небом... Её что-то беспокоит, тревожит... Я должен быть сегодня с ней...

Мария понимала своего Коноплича, не задавала больше никаких вопросов, только поинтересовалась, не забыл ли он спички. Человек не курит – мог и не взять. Без спичек вечером в старенькой родительской хате нечего делать. Оказалось, волновалась женщина напрасно: и коробок спичек, и три свечи он аккуратно завернул в полотенце и положил в самый большой карман вещевого мешка. «Видишь?» Она молча кивнула: вижу. В том полотенце были и фотографии родных людей. Чтобы Мария не задавала лишних вопросов, о них Коноплич умолчал.

В автобусе, сколько и ехал, думалось обо всём понемногу, но больше о хате, к которой спешил, словно к человеку, попавшему в беду и ждущему спасения.

На шоссе в Ильиче вышел из автобуса, посмотрел в сторону леса, сразу же нашёл в нём прореху: в той давней просеке, к которой сразу прикипел его взгляд, была дорога. Не забыл. Как и предполагал, на ней не имелось следов человека, и Коноплич, не теряя времени, начал торить тропку к родным местам. Здесь было недалеко: от шоссе всего два километра, однако за ночь навалило много снега, что затрудняло ход, но это были мелочи, как считал сам Коноплич, и он шагал и шагал вперёд, не обращая больше ни на что внимания.

Пока шёл по лесу, было безветренно, а как только оказался на пригорке, с которого его Вересневка словно на ладони, довелось уклоняться от встречного ветра. И хоть ветер обжигал лицо, особенно нос и уши, он радовался всему этому, как малый ребенок.

Он шел к своей хате!

Интересно, есть ли там тот старенький патефон, сохранился он, или его проглотило, запрятало в свои схроны время? Конопличу, как только вспомнил про патефон, сразу же всплыла в памяти зима пятьдесят восьмого года. Был он тогда мальчуганом, жил в соседней деревне с родителями, а на каникулы прибежал на лыжах к деду Якову и бабке Поле, те всегда были рады внуку. Как раз вернулся из армии дядя Мишка, он был десантником, там встретил и полюбил девушку, за которой и собиралась экспедиция в Витебск: Новый год они должны были встретить мужем и женой. В ту экспедицию входил дядя Коля, он шофёр, и лучший друг дяди Мишки – также Мишка, но, конечно же, с другой фамилией – Валюшев. Тайком пробраться в экспедицию вознамерился и он, Федька. Не давал ему покоя далёкий и загадочный на то время Витебск, да и на машине он так далеко никогда не ездил. А так хотелось! И до чего же додумался? Зарылся в сено, имевшееся в кузове, и на котором должен был ехать Валюшев, также зарывшись в него, чтобы не замерзнуть. Это ж хорошо, тот сразу заметил, что сено-то дышит... На этом поездка Федьки Коноплича и закончилась. В деревню он не шёл, а бежал тогда как раз вот по этой дороге, но вечером, вокруг было темно, хоть глаз выколи, однако возвращаться старшие не стали: возвращаться – плохая примета, а впереди дальняя дорога, а что же касает Федьки, то он, пострел, знает все здесь тропки, не заплутает, а если глазёнки будут искривиться от страха, то будет знать на будущее, как позволять себе такие вот штукарства.

Тогда и действительно натерпелся он страха. Каждый куст казался волком. Но вот, когда вернулась экспедиция, то Федька был в центре внимания. Собрались посмотреть на Мишкину невесту родственники и соседи, и чтобы что-то говорить, а не молчать, они, особенно когда выпили по стопке дедовой хлебной, время от времени поворачивали головы к мальчугану и высказывались: так ты что это, Фёдор, и в самом деле на Витебск настроился? Лыжню, так сказать, проторить решил? А кабы замерз? А? Вот и был бы праздник нам всем: не знали бы, радоваться ли нам, что вот девушка появилась в доме, или плакать, если бы что, не дай Бог, отморозил? Дело немудрёное. Ну, и хорошо, что так получилось.

Приданое у невесты было невелико, люди тогда жили скромно, а вот патефон имелся. И Федьке разрешила быть главным над ним сама витебская невеста тётя Зина. Сперва показала, что и как делать, сама же опять села за стол, а он ставил

пластинки. Самостоятельно! Тогда по накуренной комнате плыла такая красивая – аж дед Яков усы подкручивал, кивая головой в знак одобрения музыки, – песня: «Под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем посёлке подруга живёт...» Федька слушал песню, был заворожен ею и старался представить тот город Горький и ту девушку, которая там живёт в рабочем посёлке. Та ему и представлялась – она была, как две капли воды, похожа на невесту, которую привез дядя Мишка вместе с патефоном.

– Повтори, внук, про город Горький, – просил дед Яков.

– Сейчас, только поменяю иголку, а то треск идет сильно.

– Меняй, меняй, внук. Хорошая песня, лихо ее матери! Не зря в тот Витебск съездили парни!..

Патефон – странно ведь сегодня! – открыл Федьке тогда какой-то совсем другой мир, о котором он и не думал раньше. Оказывается, есть где-то далеко город Горький, есть рабочий посёлок, есть на земле люди, которые любят друг друга... Есть любовь... Это позже появится радио в каждом доме, появятся телевизоры. Дядя Мишка с тётей Зиной построят свой дом, а Конопличи вернутся назад из соседней деревни в эту хату и будут жить большой семьёй. Федьке и его братьям было такое переселение даже очень удобным: не надо бежать за четыре версты, чтобы послушать пластинку. А пластинок становилось всё больше и больше – кто был в городе, тот что-то старался привезти. При любом удобном случае разживались и на иголки.

Прошли годы, жизнь пролетела, как один день, и вот теперь, идя по занесённой снегом дороге в деревню, Коноплич никак не может понять, почему всё так быстро получилось в ней, в этой жизни? Только, кажется, недавно впервые услышал он про тот город Горький, накурено и весело было тогда в избе, а сегодня он, лысый и грузный, совсем другой человек, который бы ни за какие деньги на сегодняшний ум не поехал зимой в холодном кузове даже в соседнее село, а не то что в Витебск за три сотни километров, будет один встречать Новый год. Разве ж тогда, в том теперь уже далёком пятьдесят восьмом году мог он обо всём этом даже подумать? Ну да и ладно, чего уж там сегодня тревожить раны: прошлое не вернётся!..

Вот, вот и она, хата.

– Здравствуй, родная! – Коноплич снял шапку, склонил голову. – Я пришёл. Не ждала? Прости, что поздно. Звонил братьям, те не могут. У них жёны такие, что не понимают... Хотя и сами деревенские. А моя, Мария, ты же её помнишь, красивая такая, с ямочками на щеках, меня понимает, хотя сама и городская. Вот так, родная. Сегодня я буду с тобой. До утра. Разреши войти?

Ключ был в том самом тайнике, о котором знали все Конопличи. На Радуницу они бываю чуть ли не ежегодно в Вересневке, однако не всегда появлялись на подворье – всё было некогда: то кто-то пообещал подвезти до города и очень спешил, то ещё какая причина. Поэтому ключа почти не касалась рука. Замок на диво открылся сразу, однако дверь напомнила о себе – пропела свою скрипучую мелодию. В сенцах было так, как и прежде. На гвозде висело ещё почти новое решето. Клеёнку, которой был покрыт стол, во многих местах погрызли мыши. Под потолком болтались пучки лекарственных трав. Ступа. Боже, ступа! Толкач был прислонён к стене. Что ж, пора проходить в переднюю. Печь. Заслонка. Полати. Ведро. Посуда. В комнате всё было так, как и тогда, когда жили здесь люди. Когда умерли старики, дети почти ничего не забрали – они собирались жить здесь во время отпусков, привозить детишек летом, чтобы те побегали по травке, однако мечты остались мечтами...

На полу Коноплич вдруг заметил мелкие кусочки фольги, как раз в углу, и тогда он поднял глаза на то место, где у них испокон веков находилась икона. Икона была на месте, однако она мало чем напоминала её, икону: постарались мыши...

Коноплич сел на табуретку, перед этим смахнул с неё пыль. Он опять поднял глаза на икону... А хате сказал:

– Сейчас я понимаю, почему ты позвала меня. Понимаю, хата. Икону я возьму с собой, в город. Отдам на реставрацию. А потом сразу привезу. Оклад новый сделаю – такой, чтобы никто больше не нашел в нём и щёлочки... чтобы никто больше не залез к Божьей Матери. Молодец, молодец ты, хата, что побеспокоила меня. А я сразу

почувствовал – что-то здесь не так, струсилось что-то с тобой... Ну, что ж, будем готовить праздничный ужин? Будем! За работу!..

Он вымыл крышку стола, постелил белое полотенце. В гранёный стакан поставил свечу. Выложил всё, что было в вещевом мешке, поставил две бутылки. Затем Коноплич аккуратно прислонил к стене фотокарточки самых дорогих ему людей – мамы, отца, деда Якова, бабы Поли, дяди Мишки, тётки Зины... Когда держал в руках карточку последней, сразу вспомнил про патефон, долго искал его – заглянул, кажется, куда только можно было. Оставалась последняя надежда – на чердак, однако он не решался туда лезть: высоко, а лестница совсем дряхлая. Однако всё ж потом махнул рукой – решил, полез. Нашёл! Патефон был тоже, как и икона, весь изгрызен, теперь он не имел прежнего привлекательного вишнёвого цвета, а напоминал старый обшарпанный чемодан, похожий на тот, с которым вернулся отец с войны. Когда Коноплич поднял крышку, на диске увидел знакомую пластинку. Да, да: это была та самая пластинка, от которой маленький тогда ещё Коноплич узнал, что под городом Горьким в рабочем посёлке подруга живёт...

Вскоре патефон стоял на столе, и Коноплич накрутил пружину. Патефон работал! Хотя и не просто было разобрать слова, но не это главное – ему показалось, что песню внимательно, сосредоточенно слушают самые близкие ему люди, которые глядели на него с фотографий. Как только закончилась песня, Коноплич будто наяву услышал голос деда Якова:

– Повтори, внук, про город Горький...

Свечерело. Коноплич ещё при свете дня зажёл печку, теперь вот непоседливые языки её пламени суетливо отражались на стене. Горела свеча. Вскоре в хате стало тепло, уютно, как и когда-то раньше. Хата повеселела и похорошела, также приобрела праздничное настроение и вид. Разговаривая с ней, гость наполнил шесть стопок, каждую поставил перед фотографией.

До конца этого года оставалось ещё несколько минут, и Фёдор Коноплич, утомлённый за день приятными заботами, вышел во двор. Было холодно, на небе горели звёзды. Множество звезд. Уйма. И вдруг он оцепенел, застыл в изумлении: в хатах, что были рядом, на расстоянии его взгляда, брезжили огоньки. Прислушался: голосов не слышно. А только огоньки. Только они...

Он вернулся в хату, сел за стол. Вскоре заиграл гимн, Коноплич поднял наполненную стопку, приготовился сказать новогодний тост, однако растерялся и долго не мог собраться с мыслями: перед его глазами всё ещё колыхались трепещущие огоньки в окнах соседних хат...

Раб шмеля

Антон Подканавский попросил своих домашних, чтоб ему перво-наперво принесли в больничную палату пушечку, – она лежит в самом конце выдвинутого ящика стола. Там – шмель. «Поддержать его хочется, в глаза ему, окаянному, взглянуть». Сперва он, шмель, лежал в белом стареньком мамином платке, сразу впопыхах завязанном на простенький узелок – пусть и поползает там, пока не утомонится. Извини, шмель, у тебя судьба такая... Извини...

Было это ещё задолго до войны, когда Подканавский прожил на этом свете всего ничего. Потом, когда он начал курить, вспомнил о шмеле и определил его, сухого, лёгкого, как пушинка, но всё ещё по-прежнему красивого – с жёлтыми подпалинами под крылышками – в спичечный коробок: лежи здесь, почтенный. Ещё позже, когда в деревенскую лавку завезли монпансье в жестянках, то, опорожнив их, дети звенели медью и другой мелкой монетой, а взрослые приспособили те жестянки, или, как называли их некоторые, пушечки, под самосад, нитки, иголки и пуговицы. Антон же, тогда уже начинающий колхозник, переложил в одну из них всё того шмеля: а теперь полежи здесь... здесь тебе более просторно...

Пока жила мама, шмель всегда лежал в одном месте – в сундуке, где была спрессована вся, можно сказать, одежда и разные простыни-пододеяльники. Мамы давно нет, неизвестно куда задевался и сундук, однако Антон Подканавский, невысокого роста и щуплый старичок, с прямым и чуть заострённым носом, хорошо помнит, как она, загнав шмеля в уголок оконной рамы, радовалась: «Держи его!.. Лови!.. Лови, шкодобу!.. Убежит!.. Ага, попался, тута-а!..» А тогда, завязав шмеля в тот белый старенький платок, счастливо улыбаясь, говорила сыну: «Запомни, Антон: если первого шмеля, что весной залетит, засушить и держать всё время в доме, то счастье не обойдёт тебя сторонущкой, будешь богатым и счастливым. На, сам спрячь этот узелок. Он твой!..»

Тогда же, как только мальчик уснул, ему приснилось: будто попал он в шмелиное царство. Рыжевато-жёлтые шмели беспрерывно и невыносимо громко жужжали в садах и на подворьях, тяжело, беспорядочно и бесцельно, казалось, летали, словно перегруженные собственным весом, над головами людей и домашних животных, над всей зелёной и пахнущей цветами землёй. Держались шмели чрезвычайно гордо и властно, как хозяева, как самые главные: ничего и никого не боялись.

Как раз в то время над деревней появились бомбардировщики: сперва вражеские, потом – наши. Появились – и исчезли. А шмели остались. И кое-кто из сельчан подумал, что шмели эти, чтоб им погано сделалось, накликали беду. Никогда ж раньше столько много этой мелюзги не было, а здесь – как из лукошка кто насыпал, да широко размахнулся – вон их, паразитов, сколько!.. Хотя ты прикажи детворе, чтобы те ловили их да уничтожили. Только справятся ли? Уйма их, уйма!..

Один только отец Авгей, нахмутив брови, сказал:

– Не мы прислали к нам шмелей, непрошенные они, потому надо их уничтожить. А то, ишь ты, перевоплотились во вражьи самолёты... Поставить на своё место надо их...

И рванула первая бомба!..

На этом месте и проснулся Антон. Однако он хорошо помнил, что проснулся после того, как угрожающе крикнул в сторону отца: «Своего шмеля я не дам уничтожить!..»

Шмель, как и просил, Подканавскому принесли. Поставили пушечку на тумбочке, немного поговорили, да и пошли: дел, говорят, дома много. Некогда. А старик лежал на спине, нацелив глаза в потолок, и собирался встать, а как сделать это – не совсем знал: в последнее время силы почти целиком оставили его, тело сделалась непослушным, перестал ходить даже в столовую. Еду приносят в палату, санитарка помогает ему приподняться, топчет за спину подушку, и Подканавский кое-как справляется с ней, с едой-то.

А сегодня ему обязательно надо встать. Воскресенье, все легко больные и городские отпросились домой, и он один в палате. К тому же принесли, не забыли, и шмеля. Самое время посудачить с ним, с глазу на глаз. Будет ли ещё когда такой подходящий момент? Давай, давай, Подканавский, собери всю свою энергию, всю свою волю и страсть в кулак, стисни зубы – и на ноги, братка!.. Шмель ждёт. Ты же хотел поговорить с ним, неслухом, так – пожалуйста!..

И Подканавский приподнимается, приподнимается... морщится от боли... кричит... стонет... выругался даже матом, хотя в этом плане он человек сдержанный... и, опершись на локоть, повернулся на бок, свесил ноги... Как ни старался, как ни приспособливался, однако стать на ноги не стал: удачно, решил, повезло, что и так получилось. Сидеть – не лежать: всё же полегче разговаривать будет...

– Ну, где ты, шмель? – дрожащей рукой Подканавский взял пушечку, раскрыл её, затем дрожащими пальцами развернул бумажку, в которой был сухой – страшно подумать, как только сохранился! – шмель: без бумажки он бы, конечно, рассыпался в пыль, катаясь в своей металлической усыпальнице. – Это я, Антон. Из-под Канавы. Узнал? Не прикидывайся, что нет... Всё ты знаешь, всё ты помнишь... Потому как – святой... А теперь послушай меня, поговорить с тобой жажду! – Предательский ком, подступивший к горлу, спёр дыхание, он никак не мог его проглотить, поэтому образовалась пауза; заодно вытер и влагу на глазах: – Так сказать!.. Что это ты, шмель, не выполнил своего предназначения, роли?.. Юлил, устранился, а?.. Нет,

ты не подумай, что я целиком положился на тебя, доверился... мол, пусть оно горит всё синим пламенем, пальцем не пошевелю, ибо мне шмель денег заработает и каши наготовит, примет в партию и теперь вот положит пенсию по случаю возраста, чтобы я мог не только крякнуть-кашлянуть. Если бы так! Старался жить, все соки выжимал из себя, надеясь и на тебя, конечно же, а получился из всего этого круглый пшик, сказать по правде. Ты погляди, погляди на меня, на кого я похож?.. А начиналось же всё так хорошо... Видать, там и ты подмог... А после не больно старался, капризничал. Что факт, то факт. Как бы там ни было, а на тебя я сильно в обиде, шмель. Спасибо-о!.. Не оправдал ты маминых надежд, напрасно она тогда поймала тебя, а я носился с коробочками-пушечками, как с писаной торбой, и всю жизнь, дай памяти, был твоим рабом. Напрасно. И в армию брал, но даже до ефрейтора не дослужился, а вот гауптвахты не избежал. Даже, когда новую открывали, так совпало, что я ленту перерезал... и сразу порог переступил, первым, а ножницы возвратил тут же... Тогда я с командиром поспорил, за казаха Шакира заступился: он его узкоглазым обозвал ... и чем ещё – не помню... давно было... А ты говоришь!.. Не возражай, от своих слов я не отрекаюсь, шмель... И уже, пожалуй, никогда не отрекусь: нет на то времени... не осталось...

Кто-то резко открыл дверь в палату и тут же быстренько её притворил. Тот кто-то наверняка знал, что в комнате должен быть только один человек – больной Подканавский – и вроде ему не с кем разговаривать, а он, гляньте, раззадорился – трещит больно уж чересчур, не умолкая. А когда тот кто-то увидел в палате одного старика, ретировался и притворил дверь: с ним всё понятно!.. Сидит и сам с собой ведёт беседу – не может, поди, унять все разбушевавшиеся в нём страсти. В его годы бывает. Лучше не задевать!..

Подканавский же, откашлявшись и восстановив дыхание, продолжал исповедь. Далее шмелю небезынтересно было узнать про его жизнь, запутанную и непростую, и подбирали для него из множества эпизодов и фактов, что роились в голове, как раз те, которые не украшали его, тропки-дорожки были пройдены-проеханы совсем не так, как виделось и хотелось, и в тех прорехах, на думку старика, был виновен и шмель. Получай, неслуж!.. А может, он просто хотел исповедаться перед шмелём, потому что более не было перед кем. А ему так хотелось этого! И, пожалуй, здесь соединились, слились воедино два желания.

– А тогда же, сразу после войны, когда с неё начали приходиться сельчане, пили за победу, и мне налили в кружку. Проглотил, и так понравилась, и так полюбил я это дело!.. Если ж бы я знал, что мне совсем пить нельзя... по наследственному. Гены, ити их мать!.. Так, сдаётся?.. С годами разобрался, что к чему. Но к тому времени много чего потерял из-за нее, холеры... В деда удался, а он тоже сопротивления алкоголю не имел... и у меня такой организм – без педалей на тормоз: попала капля в рот – ещё давай, ещё... пока ночь не наступит. Это трудно объяснить, как хотелось: спал и видел только водку... Ни баб, как некоторые, а водку... Она и стала моей бедой. Тем временем женился на соседке Ольге, она уже выучилась на учительницу, в Обидовичах детишек учила. Сошлись, значит, начали жить. А когда я деньги у неё украл, чтобы выпить, она обнаружила пропажу и сказала, чтобы убирался... негоже, дескать, учительнице с пьяницей жить. По тем временам – да-а, конечно!.. А уже сынок был у нас, Васька... брат мой на фронте погиб, под Ленинградом, так чтобы помнить его... в честь брата назвали... Вот так, шмель!.. А ты говоришь!.. К бабке в Зимницу меня мать сводила, после её шушуканья пошла светлая полоса: на шофёра выучился, полуторку дали... в основном солому свозил с поля и за хлебом ездил в Журавичи... и Ваську брал иной раз с собой, когда за хлебом... Он больно крошки хлебные любил подбирать, что оставались в кузове на тёплой от хлеба-то бляхе. Соберёт их в кучку ручонками, и в рот... А сам смеётся, ты б видел!.. Тут Ольга молодец: и со стариками моими, и со мной хорошо вела себя... как ничего и не произошло... А тогда беда у меня случилась: посадили. На семь лет. Колесо для колхозной полуторки я перекинул в тех же Журавичах, около хлебозавода, из чужой машины в свою... Да хотелось мне, чтоб имелось у меня запасное колесо!.. А что получилось? Посадили... Не пойму и сегодня, кто подтолкнул. Судили в Журавичах. Выездной был. Показательный. Ольга Ваську на суд привела, а

когда меня в «воронки» вели, сынок плакал – жалел... родная же кровь, что ни говори. Так умерла последняя надежда снова сойтись с Ольгой, а я любил её, хоть она была и с конопатым лицом... А для меня самая красивая: глаза горели, как у цыганки. И душа хорошая. Как чувствовал, так и получилось: Ольга замуж вышла – за учителя, его на мою беду прислали в школу. Без руки был, правда, но и у неё же Васька... Баланс. Из тюрьмы вернулся раньше, попал под амнистию, собирался поехать куда-либо в шахты, однако Васька не отпустил: единственное светлое пятно, что у меня имелось на то время – хоть и на расстоянии... Да хоть когда увижу его, на колени посажу... Тяжко мне было тогда, ох и тяжело!.. Завёл новую семью – жить не получилось, подала на развод баба, отсудила гумно у отца... Потому я, если и женился, больше не расписывался в сельсовете. А женился, надо сказать, часто. Пока Марусю не встретил, та родила мне двух дочек и сына... Появлялись дети и у Ольги... Здесь такая катавасия, братка шмель, получилась... Ваську записали в школе на Трофимову фамилию, нового, значит, мужа... Учителя же: захотели – и записали... А когда сын школу заканчивал, восемь классов, и ему надо было выписывать свидетельство, то кинулись: он же, Васька, на моей фамилии значится... без моего согласия не могут поменять фамилию... Ему нет шестнадцати... Несмышлёныш, дескать, что с него взять-то... И ко мне, значит: напиши, Антон, что не против. Так для Васьки лучше будет – ты же сидел... Проклятая водка, проклятое колесо!.. Ну, если только ради Васьки. Сдался, хоть сперва и топырился: ни за что!.. А Васька потом стал писателем, его часто по радио читают, а когда объявляют, что называют его фамилию, понятное дело, а я-то знаю, какая она у него настоящая... И хоть плачь мне, откровенно скажу... Могла б прославиться наша фамилия, Подканавские мы, а прославилась другая, и когда передают, что Васька родился в нашей деревне, то много кто, в особенности из соседних деревень, ничего не могут понять: там же, в Гуте, таких и фамилий нету будто? Откуда там взялся писатель?.. От кого он там родился?.. В капусте, что ль, нашли?.. Или, в самом деле, аист тот принёс?..

Отклонился я. Извини, шмель. О детях. Я начал своих детей называть такими же именами, какими называла своих и Ольга. По ним, правда, она меня переплюнула, хоть я и больше раз женился, а всё потому, что она сразу двойню дала. Ну и благодарить Богу!..

Капитала, шмель, как ты понял и знаешь, я не нажил. И как наживёшь, с кнутом ходивши за колхозным, а потом и людским стадом? Эх, да что там!..

А Васька приезжал несколько раз. С женой, с сыновьями. Жена у него красивая – откуда-то с Урала, что ли. Шапка у Васьки была, как у Брежнева. Если ещё и не лучше. Книгу подписал. Дал денег на вино, это я помню хорошо, такое не забывается, и так бутылку белой привёз. К нему в город, правда, я никогда не выбирался: не приглашал, собственно говоря... Раз у него два отца, то уж тот пусть ездит, фамилию которого он носит. По мне так. Алименты на Ваську, во, чуть не забыл сказать тебе, шмель, с меня не брали. А с чего ж было брать, с чего, шмель, ты вот скажи мне? С трудодней? Они тогда, учителя, хорошо жили. На моё не замахивались. Хоть в одном повезло, ты слышь!.. Так вот, у тебя, шмель, и спросить должен, не отлагая: где оно лежало, то богатство? Где оно было спрятано, то счастье, на которое так надеялся? Не скажешь? Молчишь, язык проглотил, да-да!..

Я же, шмель, жил и верил: завтра заживу лучше, вот увидите!.. Наступало завтра, ну и что с того? А ты говоришь!.. Слышу, утешаешь: так Васька же у тебя... на виду всё время... Утюг включи – и его увидишь и услышишь... Это, может, и единственная радость... кроме той, что алименты не платил... Но и у меня же, чёрт побери, должна была быть, если верить матери, своя, личная жизнь!.. Богатая и счастливая!.. Тьфу-у!..

Не получилась.

Хотел я упрекнуть тебя, шмель, отчихвостить по первое число, но испустил, как видишь, дух.

И здесь не получилось...

Хотя понимаю, отчего же: был бы у меня не мягкий, не такой доверчивый характер, тогда бы, может, и ты мне подмог, шмель... Ошибаюсь, скажи?.. А ты говоришь!..

Через неделю Антон Подканавский отошёл в мир иной. На деревенском кладбище людей было не густо, похоронили его тихо, без речей. Кое-кто всплакнул. Кто-то полушёпотом припомнил, что покойник со всеми, кому был должен, рассчитался. До копейки. Из всех его детей не было только Василия – ему даже не сообщили: почитали, что отец тот, кто кормил и поил. Не заслужил, дескать, Антон.

Когда деревенские могильщики взяли прислонённую к берёзе крышку, чтобы закрыть гроб, подала, встрепенувшись, голос соседка Петушиха:

– Подождите! Я ж забыла!.. Вылетело!.. И как же я?!..

И она достала из кармана кофты пушечку, впопыхах засунула её в карман покойнику, и, стоя у гроба, перекрестила его тремя пальцами:

– Прости, сосед!.. – а потом старушка окинула быстрым взглядом земляков, тихо сказала: – Просил, когда умирал... Может, хоть там ему повезёт, Антону Авгеичу?..

ПОЭЗИЯ

Геннадий СУЗДАЛЕВ

Геннадий Матвеевич Суздаlev – русский поэт, родился 9 августа 1939 г. в селе Целинное Курганской области, в православной крестьянской семье. После окончания Челябинского монтажного техникума работал на стройках Казахстана и Урала, монтажником, бригадиром, мастером, прорабом, начальником участка. Служил в Советской армии. В 1970 году окончил факультет журналистики Казанского Государственного университета. Работал на телевидении, в Бюро пропаганды художественной литературы. Был главным редактором газеты писателей «Уральская новь» и литературного альманаха «Южный Урал». Член Союза писателей с 1975 года.

Живёт в Суздале.

Я думаю русскую думу...

Закрыли церковь

Да что ж вы наделали, братцы!

Да как же вы это смогли?!

Анатолий Жигулин

Закрыли церковь.
Утварь растащили.
Из риз нашили
Дорогих рубах...
И сквозняки по клиросу бродили,
Под куполом остыл поповский бас.

А тишина текла, как покаянье,
В сознании вставали, как в ночи,
Босые заскорузлые крестьяне,
Несущие на спинах кирпичи.

Их лица, озарённые кострами,
Их плечи под холщовой пеленой
Былинно поднимались и сгорали
И снова поднимались надо мной.

Она была уделом их несложным,
Пределом высоты и чистоты.
Как руки распластавшиеся, к звёздам
Летели золочёные кресты.

Сломали церковь.
Свято её место.
Над вспышками бетона и стекла,
Плывут,
Как переливы русской песни,
Высокие её колокола.

России храмы

России храмы –
 Раны вы мои.
 Не купола,
 А шлемы,
 Шлемы,
 Шлемы...
 Не попранные хитростью измены,
 Познавшие вчерашние бои.

Над головою – купол голубой.
 Перед глазами – тени обелисков.
 Под ними миллионы самых близких,
 Овеянных бессмертною молвой.

Давным-давно ушли отец и мать,
 И я уйду в родную нашу землю...
 Хотя умом и сердцем не приемлю
 Неправедное право умирать.

Ликуй земля!
 Работай и живи.
 Мы постоим стеною друг за друга,
 Пока на грани замкнутого круга
 Не позабыта истина любви.

Уходит сын в пилотке полевой
 На рубежи заветные Отчизны...
 Не для попанья –
 Для охраны жизни.
 Во имя синевы над головой.

России раны –
 Раны вы мои ...
 Да будут неприступны наши стены
 Для злобы,
 Для корысти,
 Для измены:
 Они готовят
 Новые бои.

Притча

Я сделал всё,
 Что мог, по чести.
 Срубил добротный русский дом
 На непутёвом, гиблом месте,
 Где предки преданы трудом.
 Закончив долгую работу,
 Я посмотрел на небосвод...
 – Зачем трудился по субботам? –
 Спросил прохожий доброхот.

Я не нашёл дурного слова,
 Чтобы ответить знатоку:
 Под наважденьем духа злого,
 Любое лько не в строку.

Вблизи маячили химеры...
 Болели мысли в голове.
 Я не заметил: камень веры
 Светился медленно в траве.

А было всё это в субботу
 (в субботу всё и началось).
 Я сдал работу идиоту:
 Иных в округе не нашлось.

Раб

Смиранный и праведный раб
 Пошёл ...и «с устатку» напился...
 Наутро с трудом похмелился.
 И понял – духовно ослаб.

Легко уклонился в запой.
 Легко обзавёлся друзьями.
 И стал подражать обезьяне –
 Поссорился даже с собой.

Работа забыла раба
 И с ней ничего не случилось.
 Она без него научилась
 Откидывать тень от столба.

Всё денег пытался занять –
 Родные его не узнали.
 Пути завязались узлами,
 А веру – нет силы поднять.

В народном бессмысленном гаме
 Открыл на мгновенье глаза –
 Упала скупая слеза
 И землю прожгла под ногами.

Забота людская глуха
 Всегда. И в канун воскресенья.
 Не будем рабами греха,
 А будем рабами спасенья.

Дума

Внимая вселенскому шуму,
 Заблудшим в пути человекам,
 Я думаю русскую думу,
 Гонимую проклятым веком.

Какие вопросы избиты?
Какие убиты ответы?
Какие мученья забыты!
Какие забыты победы!

Какие кровавые блики
Мянутся по русскому следу,
Какие мирские вериги
Препятствуют Божьему свету?!

Чужой информации средства
Беснуются – воют и лают.
Укравшие наше наследство,
Бессмысленных нас – разделяют.

Но будет победа за нами.
Народы Отчизны – мы сила!
Поднимем единое знамя!
Мы правы: за нами Россия!

Ложь

*Базару и внутреннему валовому
продукту посвящается*

Пока проклинали недолю
И горе топили в вине,
Лжедмитрий по русскому полю
Проехал на белом коне.

За хлебом насущным в погоне,
Не знали, что с путами лож,
На лошади ложь не обгонишь
И ложе от лжи не спасёшь.

Лжецы никогда не краснели.
Все знали об этом. И что ж?
О вере забывши, коснели...
Явилась и красная ложь.

Не впрок нам любые науки.
Лукавый покажет пятак –
И снова, на долгие муки
Согласен бедовый простак.

Под звуки чужого оркестра,
Повергший Державу на бис,
Подальше от лобного места
Досрочно ушёл Лжеборис.

Приверженный Божьему дару,
В чужой пропадаю толпе.
Без денег хожу по базару –
Пока подрастёт ВВП.

В угоду мирским интересам,
Решила высокая власть,
Что можно и Богу, и бесам
Служить и во тьме не пропасть.

Вселенское горе несущий,
Познавший вражду и нужду,
Мечтаю о хлебе насущном.
Держусь. И державника жду.

Цветы

Жене Наталье

Познавший свободу
Мирской суеты,
Уставший от скудости
За год,
Дождь весны
И посеял цветы,
Цветы,
Не дающие ягод.
Не зная покоя,
До первой звезды,
Забыв про нелепость
Людскую,
Я их поливал
И берёг от беды
Всё лето,
Ни чем не рискуя.
Ни слова,
Ни камня
В чужой огород
Никто,
Как не странно,
Не бросил.
И вот под окном,
Пережив недород,
Цветы распустились
Под осень.

В земной бесконечности
Вечности нет,
Где жаждем мы
Вечного хлеба.
Цветы отразили
Божественный свет,
Идущий
От вечного неба.

Чудесным авансом
Мне свет этот дан...
Бледнеют цветы,
Умирая.

Назвал их однажды
Святой Иоанн
Земными остатками
Рая.

У Храма Покрова на Нерли

Юлии Павловне

Я слух напрягу до предела.
Закрою глаза
И увижу –
Кольщутся копыя...
Поют заповедные струны.
И рати уходят
В пространство,
Объятые небом.
А где мои предки?
В каких затерялись равнинах?

Цветок незабудки напомним
О доброй и светлой печали.
И голос далёкий наполнит
Мою одинокую душу.

Какое святое прозреньё!
Какое родное раздолье!
Для дум моих тихих
И долгих...

Слезамы омытое небо
Напомнит о трудной дороге
К обителям горным...
О Боге.

Задумаюсь
И позабуду
Большую последнюю радость.
Она мне когда-то напомним
О бренности рая земного,
О краткости счастья людского,
О вечной минуте
Покоя.

Певец страдающей души

Священнику Владимиру (Ермолаеву)

Певец страдающей души,
Кому нужны твои обиды,
Когда кричат кариатиды,
Атланты – сдали рубежи.

Из дома женщина ушла,
Так из-под ног земля уходит.
Рука опоры не находит...
И все разладились дела.

Но ты запомни – ты поэт,
Не дровосек,
Не истребитель...
Не посрами свою обитель:
Другой такой на свете нет.

Певец страдающей души,
Кому нужны твои мученья?
Дойди до самоотреченья,
Но лжеспасенью не служи.

Тебе Господь доверил свет.
Неси его через проклятья.
Переживи своё распятыё:
Пути иного к Жизни нет.

Перемены

Горьким словом моим посмеюсь...

Н.В. Гоголь

Всё изменилось на святой Руси.
Мы побывали
И в аду,
И в космосе.
Почти любого встречного спроси:
Всё, что смогло,
Избавилось от косности.

Одни в герои вышли
Без труда,
Другие так же
Без труда прославились.
От пережитков тяжкого стыда
Давным-давно
И без труда избавились.

День «патриота»
Долларом объят.
И нет почтенья
Ни селу, ни городу.
Большевики бровями шевелят
И треплют Маркса
За седую бороду.

У слуг страны
Нет горя от ума,
И нет ума,
Как было это ранее.

Им бы идти
В публичные дома –
Они идут
В публичные собрания.

Есть свой родной
У каждого устав,
Но нет надежды
На успех до старости.
Народ безбожный
От себя устал
И пьёт безбожно.
Это от усталости.

Нас меньше всё –
Не надо забывать.
Чтоб было меньше
У страны нахлебников,
Освоили науку продавать
Наследие России
И наследников.

Зов совести
И даже Божий страх
Легко ушли
Из неглубокой памяти.
О том,
Что каждый
Превратится в прах,
Подумать даже некогда.
Все заняты.

Богатые надежды подают
И празднуют,
Чего бы им ни стоило.
«Славяне» государство
Предают,
Евреи пишут
Русскую историю.

Плач

*На священной Владимирской земле
в селе Кидекша стоит величественный храм
святых мучеников, благоверных русских
князей Бориса и Глеба, построенный
в XII веке (1152 г.). До недавнего времени
здесь был общественный туалет.
Теперь храм принадлежит музею.*

Стою,
Приглашённый на тризну,
Какой-то неведомой силой.

Стою на обломках Отчизны,
Свободный,
Усталый и сирий.

Стою
На вселенском отрезке,
Во тьму уходящей эпохи.
Со стен осыпаются фрески –
Се глас,
Вопиющий о Боге.

Под куполом –
Стон столетий,
Призывные оклики битвы,
Слова богоборческих сплетен,
Остывшие звуки молитвы.

Стою
Среди чудного храма,
Забывтого веком нелепо.
Сквозь длинные
Тусклые рамы
Ко мне пробивается небо.

Бесчинства,
Наветы,
Угрозы –
Уходят по солнечным нитям...
И тихие горькие слёзы
Стекают на грудь по ланитам.

Убогих,
Больных,
Легендарных,
Отдавших без боя обитель,
Придуманных,
Гордых,
Бездарных
Прости нас, Спаситель!

Моя дорога

Моему духовнику отцу Сергию.

Служение Христу –
Моя отрада.
Всё остальное –
Обретенье хлеба.
Покровский монастырь –
Моя отрада.
Покровский храм –
Моя дорога в небо.
Идти по ней
Мне, грешному, не просто:

Мешает воспитание невежды.
 Страшусь неотвратимости погоста.
 Боюсь потери веры и надежды.
 Боюсь любви,
 Навязанной мне плотью,
 Боюсь друзей
 Душевных, но лукавых,
 Боюсь врагов,
 Не одержимых злостью,
 Боюсь обид
 На левых и на правых.
 Как только Суздаль
 Вскрихнет петухами,
 Проснусь,
 Умоюсь,
 Помолюсь,
 Покаюсь.
 И целый день
 Сражаюсь с грехами,
 На собственных ухабах
 Спотыкаясь.

И что бы мне
 Хула ни говорила,
 И что бы мне
 Зловещее ни снилось:
 Мне столько света
 Небо подарило!
 И столько раз
 Являло Божью милость!

Мне только бы
 В былое не вернуться,
 В благоприятных помыслах
 Сгорая.
 Мне только бы
 В пути не поскользнуться
 И не упасть
 Перед вратами рая.

ЮБИЛЕИ

Юрий КОЛОДНИЙ

Поэт народной казачьей песни

*Буду петь Господу во всю жизнь мою,
 Буду петь Богу моему, доколе есмь.*

Псалом 103 (33, 2)

Когда мы слышим слова «Виктор Захарченко» и «Кубанский казачий хор», перед нашим мысленным взором возникает волшебное зрелище. Мы погружаемся в чистые звуки народной казачьей песни:

*Когда поёт Кубанский хор,
 Невольно сердце замирает...
 Душа России оживает,
 Когда поёт Кубанский хор.*

(«Когда поёт Кубанский хор»)

Мелодии песен звучат подобно медленным степным или стремительным бурным горным рекам, отражая хрустальную чистоту и прозрачность кубанских криниц, дух народа и времени, приоткрывая загадочную и вечную тайну древней земли Кубани («земного рая»):

*Край души и сердца. Музыка полей.
 Горные вершины. Песни тополей.
 Дар Екатерины – светло-божий рай!
 Край казачьей силы – Краснодарский край!*

(«Дар Екатерины»)

А танцы! Танцы разных народов и народностей, проживающих на бескрайних просторах Кубани, проносятся в едином полёте, удачно чередуясь с народными казачьими песнями, записанными с голоса народных исполнителей в станицах и хуторах Краснодарского края.

Музыка – душа танца. Она является одним из его выразительных средств, отражает темперамент, чувство ритма, основные черты характера создавшего его народа. Музыка насыщена энергией, внутренней силой, удалью и задором, в медленных танцах отличается выразительностью, образностью, напевностью.

И во всём просматривается торжество и величие особого казачьего духа, историческая живая память народа, открытая душа и чуткое сердце большого Мастера, искренне любящего и радеющего за свою малую родину – Кубань, за земное Отечество – Россию.

В этом человеке соединились: вдохновенный собиратель народного песенного фольклора, талантливый исследователь народной казачьей песни, блистательный режиссер и хоровой дирижер, чуткий

Юрий Николаевич Колодний – родился 16 мая 1958 года в станице Калининской (Поповичевской) Калининского района Краснодарского края. Окончил два факультета Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург). Автор четырнадцати поэтических книг и многочисленных публикаций. Имеет общественные награды. Член Союза писателей России и Международного сообщества писательских союзов. Член Высшего творческого совета МОО Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член региональной общественной организации «Кубанское землячество» в городе Москве.

Живёт в городе Одиново Московской области. Персональный сайт – www.kolodnij.narod.ru

и мудрый руководитель творческого коллектива, живого сложного организма – Государственного академического Кубанского казачьего хора, являющегося «визитной карточкой Кубани», национальным достоянием и гордостью России:

*Опять успех, судьбы удача –
Миг, потрясение души.
Кубанский хор – мечта, задача –
Многоголосие Руси.*

*В полёте танца – сила жизни.
В словах – величие, печаль.
Поёт казак свой гимн Отчизне,
Звучит бессмертный наш ХОРал!*

*«Боже Всэсильный, дай мэни крыла» –
Плачет душа – мир иной.
Музыка – совесть, музыка – сила,
Господа дар неземной!*

(«Опять успех, судьбы удача...»)

Что же могут прибавить слова к этому торжеству народного духа, народной песни и танца? Только одно. Надо мысленно представить весь путь Виктора Захарченко:

*В вечном поиске свободы
Всё мне хочется успеть.
И прожить разумно годы,
И любовь душой воспеть.
Выпить воздуха с прохладой
И глотнуть живой воды.
И с божественной усладой
Вновь открыть любви сады.
Раствориться в вечной песне,
В чистой, солнечной среде.
Жизнь моя, мы будем вместе
В горе, счастье и беде.*

(«В вечном поиске свободы...»)

И подумать немного о тех богатствах, которые мы слышим и видим в продолжение 38 лет, отданных Виктором Гавриловичем подвижническому служению Кубанскому казачьему хору, родной Кубани во славу Божию и великой России. И сказать СПАСИБО хранителю и продолжателю народной казачьей культурной традиции, одному из самых вдохновенных творцов народной казачьей песни, настоящему «песнерачителю» (народный артист СССР, лауреат Государственной премии России, профессор В.Н. Минин) ПОЭТУ с тонким лирическим чутьём, высокой духовной культурой и присущей только ему проникновенной музыкальной интонацией. Для композитора Виктора Захарченко совершенство в музыке не конечный результат, а путь, по которому он идёт всю свою жизнь:

*Не тревожь, судьба-дорога,
Не волнуй ты казака.
У заветного порога
Грусть безмерно высока.
Поле славы, поле брани,
Серебром блестят века.
Шашка в ножны – жизни грани –
Отблеск белого клинка.
Избежать в пути обмана
Помоги, Кубань-река!*

(«Не тревожь, судьба-дорога...»)

Творческий путь Виктора Захарченко богат, высок и прекрасен. Он зародился, как чистый родник, протекающий в степном раздолье и горных кручах. Путь этот был нелёгким, длительным, пролегал не только в степных безбрежных просторах, но и среди обломков скал, горных камнепадов. Но таково свойство родника, преодолевая живое пространство времени, получая новые жизненные силы от энергетических токов родной материнской земли, пробивать скалы, проходить сквозь камень и оставаться прозрачным и светлым:

*Над Кубанью рассвет,
Солнце красит поля.
Здесь – Божественный свет!
Здесь – родная земля!..*

(«Малой родины свет»)

А начиналось всё с гармонии, небольшой зелёной гармошки, детской заветной мечты, которой он остался верен и пронёс через всю свою жизнь:

*Ты играй, гармонь, играй,
Развернись тальянка.
Всю Россию собирай,
Милая крестьянка.*

*Да услышат мал и стар
Песню разлившую.
Тот великий, щедрый дар –
Душу неземную.*

*Поиграет о беде –
Ведь не всё отрада.
Тяжкий труд всегда, везде –
Вот она награда.*

*Разбуди того, кто спит,
Растрезожь немного.
Пусть душа его болит,
Хватит жить убого.*

*Ты играй, гармонь, играй,
Распрямись, тальянка.
Всю Россию собирай,
Милая крестьянка.*

(«Русская гармонь»)

«Родился я 22 марта 1938 года в черноморской, то есть запорожской, станице Дятьковской Кореновского района Краснодарского края...»

Моя мама, Наталья Алексеевна Носкова, «по подвирью» – родом Здоровэнко, 1907 года рождения. Нас, детей, у неё было шестеро: Вера, Галина, Николай, Зоя, я и Боря. Боря умер от голода семи лет, недоучился в первом классе. Вера и Галина умерли в младенчестве. Так что осталось нас трое...

Мама была круглой сиротой. С восьмью лет она служила няней в поселке Лиски Воронежской области – это её родина. С 12 лет вся мамина жизнь – а прожила она без трех месяцев 90 лет – прошла в станице Дятьковской. В тридцатых годах они вместе с отцом сами построили хату. Для меня это родовое гнездо, отчий дом:

*Мой Отчий край, краса и сила.
Богат и славен ты трудом.
Люблю тебя, где всё мне мило,
Люблю Кубанский светлый дом!*

*Рассветы ранние, закаты
И тихий шелест тополей,
И вишни белые у хаты,
И ширь, простор родных полей.*

*В них отдалённые раскаты,
И лёгкий ветер озорной.
Хлебов большие перекаты
И запах молока парной.*

*Люблю напевы дорогие,
Что раздаются над селом.
И пляски наши удалые,
С задором, юмором, теплом.*

*И в мыслях навсегда ты рядом,
Мой милый Край, мой Отчий дом.
Всегда со мной с цветами, садом,
С любовью, счастьем и добром!*
(«Светлый дом»)

Маму мы видели только рано утром и поздно вечером. Часов в пять утра она на целый день уходила в «стэп» на работу. А мы, дети, «оставались» дома «сами». (Говорили мы в станице на украинском языке с самобытным и «ридным» кубанским диалектом). Вечером маме надо было накормить скотину, наносить воды из колодца, всех нас накормить и помыть. Уставшая и голодная, мама после работы не знала, за что хвататься. Корова мычит, куры кудахчут, собаки лают, а дети плачут, прямо как в поговорке: «Орры, мэлы, йиш!». Бабушек и дедушек у нас не было, как она успевала одна сделать всю домашнюю работу – ума не приложу! Крепкое было поколение, героическое. Нам сегодня до них так далеко...

Мой отец – Гавриил Иванович Захарченко, 1905 года рождения. Черноморский казак. Сирота. Профессия – сапожник. Ловкий был человек, быстрый. Участвовал в соревнованиях, призы брал. Голосом своим мастерски копировал звучание разных музыкальных инструментов и мечтал, чтобы хотя бы один из детей стал музыкантом. Мама часто говорила мне уже взрослому: «Эх, дожив бы батько, порадувався бы».

В августе сорок первого его призвали на фронт, а в ноябре мы получили известие о том, что он пропал без вести. Было ему 36 лет. Осталась от него кубанка, в которой я долго ходил в школу. Эх, знать бы тогда, какая это святыня – отцовская кубанка!

Ещё от него остались фотографии и всего два письма, в которых он нас поддерживал и писал: «Нам здесь весело...» Когда я их нашёл, был дома один – очень долго плакал...

Маленький был, а помню, как отец уходил на фронт. Запомнил одну деталь – его серую кепку. Мне было три с половиной года...

Помню, как кричала и причитала мама, когда пришла похоронка. А потом сказала: «Не может этого быть, он живой». Есть такая народная примета: когда топишь печку и кричишь в неё, то вместе с дымом твой голос разносится по белу свету и доходит до того, о ком ты думаешь. И мама заставляла нас, детей, кричать в печку: «Папочка, возвращайся! Папочка, возвращайся!». Мы кричали и верили... Я теперь понимаю, как ково маме было слушать наши причитания...

*Неизвестная могила –
Вдов безмерная печаль.
Серым облаком застыла
Растревоженная даль.*

*Над курганом плач берёзы:
«Ты, душа моя, вставай!...».
Спит солдат. Пылают грёзы:
«Ты люби! Не забывай!...».*

*Сердцем слышится родное,
Голос мужа: «Я вернусь!...»
Неизвестное, степное:
«Он закрыл собою Русь!».*

*Слезный дождь омыл иконы,
От беды намокла шаль.
И уносит ветер стоны
В растревоженную даль...*

(«Могила неизвестного солдата»)

Мама всю жизнь отца ждала. Очень хотела рассказать отцу про всю свою безмерно трудную жизнь без него...

*Одинокая берёза на лугу стояла...
И печальным своим видом думы нагоняла.
Разрывали её ветры, тучи накрывали,
Только солнышко с землёю силы придавали.
Не минули её годы, горем баловали:
Приклонили над землёю, но не поломали.
Так стоит берёза, луг тот украшая,
Красотой великой жизнь нам сохраняя.*

(«Берёза»)

Сколько себя помню, я всегда слышал народные песни. Родная Дятьковская пела с утра до вечера – и ночью тоже... Это было тяжёлое послевоенное время. А люди пели, и пели все – от мала до велика.

В нашей станице было радио. Но у нас дома был патефон (отец купил его ещё до войны), на котором мы слушали, затаив дыхание, Русланову, Лемешеву, хор Пятницкого. Как мне хотелось учиться музыке! Даже письмо Сталину о своей мечте написал. Посетовал, что в школе нет ни одного музыкального инструмента. Не ожидал, что оно сделает столько шума: целая комиссия из центра пожаловала – разбираться. Досталось и мне, и маме, и директору школы. Однако баян купили, стали мне иногда домой давать. Помню, кнопочки потрогаю – и умираю от счастья. Возникло ощущение, будто инструмент в моих руках был всю жизнь. Мама тогда продала бычка, которого я добросовестно пас, и купила мне гармонь. Начал я играть на свадьбах: вальсы, польки, краковяк, фокстроты... Подбирал на слух или сам сочинял. Нотной грамоты ведь тогда совсем не знал...

В детстве я писал стихи, хорошо рисовал, пристрастился к шахматам, которые тоже оказали влияние на формирование моей личности. Но музыка пересилила. Мечтал стать композитором. Однажды прочитал объявление о наборе в музыкальное училище, загорелся. Взял гармошку, котомку с едой и без денег поехал на попутках в Краснодар.

В 17 лет в музыкальном училище я впервые услышал звуки фортепиано. Спать оставался в классе, на стульях, немного передохну и занимаюсь. А что делать? Очень хотелось стать музыкантом, композитором, дирижёром. Во что бы то ни стало. А хотеть – значит мочь.

В 1960 году закончил Краснодарское музыкально-педагогическое училище и поехал поступать в Новосибирскую консерваторию имени Глинки. Сибирь стала моей второй родиной, с ней связаны 14 счастливых лет жизни. Там я окончил консерваторию, там у меня родились две дочери, Вика и Наташа, мои нынешние усердные помощницы в хоре. Младшая, Вера, родилась уже в Краснодаре...

Сибирь оставила в моей душе добрый и чистый след, она подготовила меня профессионально. Без того опыта, который я получил, работая главным хормейстером Государственного Сибирского русского народного хора, без той практики, которую почерпнул, записав в глухих деревнях тысячи песен с голоса народных исполнителей, я не справился бы потом с той серьёзной работой, которая ожидала меня в Кубанском казачьем хоре» (В. Захарченко):

*Вновь стою у храма,
Где душе охрана.
Я вернулся, мама,
В сердце нет обмана.*

*С колокольным звоном –
Счастья камертоном.
Звёздным небом, стоном –
Птичьим перезвоном.*

*Все прошёл, изведаль
Под раскаты грома.
Не посмел, не предал
Я родного дома...*

(«Вновь стою у храма...»)

Лучшие авторские песни Виктора Захарченко – песни народные. Такое ощущение, что поются они повсеместно и с давних пор. Народ их любит и помнит. И передаёт эти песни по наследству новым, молодым поколениям, как своё духовное достояние. «Композитор Виктор Захарченко свой талант прячет за народными шедеврами. Но у него тоже есть музыкальные шедевры» (народный артист СССР, лауреат Государственной премии России, композитор А.А. Пахмутова).

«Кубанские казаки пели: «Мы сыны Кубани славни древнерусьски козаки». В черноморской песне «Прощай, мий край», записанной в станице Старонижестеблиевской, изложен их духовно-патриотический манифест:

*Прощай, мий край, дэ я родився,
Дэ пэрву жизнь свою выдав,
Дэ козаком на свит явився,
Родной Кубани прысягав,
Дэ диды, прадиды служили
У пользу Русьскому Царю,
За Русь головки положили,
Колы нужна – отдам свою.
Настав тяжолый час розлуки,
Я йду за родину служить.
Змогли диды, зумиють внуки
Живот за веру положить.*

Я проанализировал несколько тысяч народных песен, и анализ показал, что во все времена русские люди и казаки, как плоть от плоти русского народа, гибли за Веру, Царя и Отечество, за Святую Русь, за матушку – Россию, за Москву, за други своя, за волю и родную землю. Никогда герои народных песен не умирали за какие-то материальные ценности и блага. И даже за хлеб насущный.

Сегодня не так много осталось настоящих потомственных казаков. Но казацкий род неистребим, и я верю: «Козацкому роду нэма пэрэводу,/Козаки в колысках вырастають знов!» (В.Захарченко).

Профессия композитора предполагает наличие музыкально-творческого дарования и требует специального обучения композиции. Но, по-моему, в идеале композиторство (сочинительство) – не профессия, а образ жизни человека, призвание, попытка понять и описать мир, заглянуть за грань невозможного, в бездонные глубины человеческого бытия (небытия), отразить пространство и время, сердечную боль за судьбу родной материнской земли. Это роднит и духовно сближает композитора и поэта. «Ведь я сочинитель – пишет великий русский поэт А. Блок – человек, называющий всё по имени, отнимающий аромат у живого цветка». Лучшие песни Виктора Захарченко благоухают, в них бьётся чуткое сердце композитора-поэта.

Песня – не рыночный продукт, а человеческий поступок. Подлинному художнику до всего есть дело. На все острые, подчас драматические вопросы времени откликается он сердцем и словом – своей судьбой:

*Итог страданий – сердца плач...
На крест могильный, как палач,
Сел ворон, смотрит свысока,
На боль и муку казака.
В открытом поле за рекой,
Где дуб заветный вековой,
Не обрела душа покой...
О чём грустишь, казак лихой?
О доме и о злой судьбе,
О вечной памяти в мольбе?
Как голос совести поднять
И скорбь безмерную унять?
Увидеть Свет былых времён
Среди регалий и знамён?
И беды всей душой принять –
За Русь Святую постоять!*

(«Дума казака»)

Композитор Захарченко постоянно в своих произведениях ставит перед слушателями судьбоносные вопросы – кто мы, откуда пришли, куда идём, в чем смысл жизни? На эти и многие другие вопросы он ищет ответы и в жизни, и в музыке.

Настоящего художника вызывает время, и только время способно объективно оценить вклад того или иного художника в копилку мировой культурной цивилизации, оставляя его вне времени и вне пространства, отправляя в небытие или приоткрывая врата вечности:

*В спину дышит холодная вечность.
Время, словно стальная волна.
И стирает людей бессердечность,
И смывает прозренья чела.
Бьёт о берег до боли пустынный,
Век до срока сошедший с ума.
И костёр затухающий, дымный,
Напоследок мигает с холма.*

(«В спину дышит холодная вечность...»)

Величайший русский композитор Сергей Васильевич Рахманинов около 100 лет тому назад в одном из своих стихотворений (он писал «белые» стихи) записал: «Музыка... – это любовь! Сестра музыки – поэзия. А мать её – грусть!»:

*Любовью за любовь
Я жизнь благодарю.
И свет разбудит вновь
Рассветную зарю.
Распустятся цветы,
Души коснётся луч.
И чистые мечты
Разгонят стаи туч.*

(«Любовью за любовь я жизнь благодарю...»)

В основе авторских песен Виктора Захарченко: ЛЮБОВЬ к Отечеству – России, малой Родине – Кубани, Господу нашему Иисусу Христу, верность детской мечте, ЛЮБОВЬ к музыке, опыт пройденного жизненного пути и, несомненно, ЗАВЕТ МАТЕРИ – Натальи Алексеевны Захарченко (Носковой), переданный сыну в народных казачьих песнях:

*Как дар светлой жизни, готов я отдать
Все песни Отчизне, что пела мне мать.
Напевы любимой бывлой старины,
Молитвой хранимой родной стороны.
Навек я запомнил Завет в тишине:
«В душе всё начало, в её глубине.
В словах – свет зарницы, огонь от свечи.
В напевах станицы – от сердца ключи.
Прислушайся к голосу, святости Глав,
Небесную музыку сердцем приняв».*

(«Завет матери»)

Понятие «народная песня» отнюдь не означает, что песню сочинил весь народ, что у неё не было авторов – того, кто придумал слова, и того, кто положил их на музыку. Были. Только имена их остались или никому неизвестными или забылись. А песня обрела крылья, зазвучала. И живёт уже своей судьбой, отдельной от авторов. И стала народной.

Народная песня – основа основ нашей жизни. Это «заветы старины глубокой», «историческая живая память народа в слове», «особый казачий дух», «то, что помогает народу хранить Отечество», «это путь к познанию себя и Бога».

Народная песня – это постижение добра и приближение к истине:

*Ищите доброту в себе,
В своей израненной судьбе.
В красотах нынешнего дня,
В бессмертной музыке огня.
В слезе, застывшей на щеке,
В безбрежной жизненной реке.
В священной памяти, в беде,
Ищите доброту везде!*

(«Ищите доброту везде...»)

«Истина – то, что нужно каждому человеку для жизни и что, тем не менее, он не может ни у кого получить или приобрести. Каждый человек должен непрерывно рождал из самого себя, иначе он погибнет. Жизнь без истины невозможна. Может быть, истина и есть сама жизнь» (Ф. Кафка).

Народная песня хранит в себе истинное искусство – УТЕШЕНИЕ. Это свет, исходящий из души народа («вера, язык, национальные культурные традиции, историческая память»).

Народная песня тесно связана с русской народной поэзией, со словом, которое обращено к душе и сердцу человека, помогает преодолевать жизненные трудности, поднимает дух и укрепляет веру защитников Отечества – Святой Руси:

*Костёр затухает на брэнной земле.
Гнёт ветер могучие кроны.
Не видно ни зги. Искры гаснут во мгле.
Рвут душу тяжёлые стоны.*

*Пою для народа, пою о стране,
Где духом овеваны годы.
Сегодня не ты и не я на коне,
Отчизну терзают невзгоды.*

*Но верю, с рассветом спадёт пелена,
Пред взором откроются своды.
С надеждой и верой воспрянет страна,
Как символ добра и свободы!*

(«Костер затухает на брэнной земле...»)

На мой взгляд, основная музыкальная и смысловая идея в творчестве Кубанского казачьего хора – возрождающаяся из вселенской грусти и земных тревог искривленная, исповедальная нота Воскресения Святой Руси!

В этой мысли скрыта великая тайна Святой Руси, а вместе с ней и Святой России – вновь и вновь возвращаться из исторического небытия.

За что России посылаются такие страдания? Святитель Николай Сербский в письме «Неправославному священнику, спрашивающему за что Бог карает православную Россию» подчёркивал, что Россия страдает не только за свои грехи, но и за грехи других народов, которые подобно Христу – приняла на себя ради спасения рода человеческого»:

*Молюсь и верую в Россию –
Святаго духа благодать.
В её звезду, бывшую силу –
В любви за истину страдать.
В её душевное смирение,
Стяжение духа, Божью власть.
В её великое стремление –
Воскреснуть духом и не пасть!*

(«Молюсь и верую в Россию...»)

Конечно, нужны реформы, нужны преобразования. Но главное не в этом. Главное – возрождение народной души:

*Христос в душе, свеча во мраке...
Свет поглощают краски дня.
О, люди грешные, не в страхе,
Услышьте Голос, не меня!*

*В душевной боли – состраданье,
В звериной злобе – западня.
Мертво заветное преданье
Без жажды, святости, огня.*

*На гребне стона и печали,
Великой скорби, ночи, дня,
Раздался крик небесной дали:
«Спасите души, не меня!»*

(«Свет Христа Спасителя»)

Как пророчески верны сегодня слова святого патриарха Тихона, которые прозвучали в дни возгорания Гражданской войны. Эти слова прозвучали в Дни святой Пасхи в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре в Петрограде. 16 июня 1918 года патриарх Тихон обратился к верующим: «Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения... Конечно, нужны и преобразования, нужны и реформы. Но главное не в этом. Главное – это возрождение души нашей, об этом надо позаботиться прежде всего... Господь попустил переносить великое страдание, поношения и обиды, попустил потерять многое из того, что мы имели раньше. Но была бы только вера православная, только бы её не утратил русский народ. Всё возвратится ему, всё будет у него, и восстанет он, как Иов из гноища своего. Пока будет вера, будет стоять и государство наше»:

*А мысль верна земным пределам,
Вселенской высоте Христа.
Вершинам дум и горным сферам
И благочестию креста.*

*В безмерной щедрости природа
Откроет тайны бытия.
Но наша полная свобода –
Тревожный спутник жития.*

*В горниле яркого заката
Мерцает вещая звезда.
И Слово нам дороже злата –
И Слово в душах навсегда...*

(«А мысль верна земным пределам...»)

Песня обычно рождается, когда встречается со своим временем. Она врывается в тишину – «вселенскую скорбь и печаль роковую», проникает в «глубину вековую» и, преобразуясь во времени и пространстве, сохраняется в наших сердцах и душах, защищая и очищая их от греха, скверны, мракобесия. Настоящая песня способствует пробуждению в нас светлых чувств и мыслей:

*В глубинах тьмы, где корни зла, –
Безмолвный пепел и зола.
Дым ускользает от костра,
До боли зlobствуют ветра.
В тепле любви, где сердца жар,
Сокрыт великий Божий дар.
О, Русь, открой души глаза...
На землю падает слеза.
Урок судьбы – тяжёлый крест,
На блеск звезды укажет перст.
В закате дня Небесный Свет, –
России будущий рассвет!*

(«В глубинах тьмы, где корни зла...»)

Песня в исполнении Кубанского казачьего хора – глоток свежего воздуха в наше непростое, сложное время:

*Одна тишина порождает другую –
Вселенскую скорбь и печаль роковую.
Волна на волну наплывает вслепую,
А время течёт в глубину вековую.
А время торопит, а время играет,
Как щепку на гребень меня поднимает.
И вновь опускает в пучину морскую,
В глухую, седую годину людскую.
Ни звука не слышно в бескрайнем просторе,
Где злоба на злобе и горе на горе.
Прносятся годы смертельно лихие,
И стон исчезает в коварной стихии.
И вновь тишина порождает другую, –
Вселенскую скорбь и печаль роковую.
Волна на волну наплывает вслепую,
А время течёт в глубину вековую.*

(«Одна тишина порождает другую...»)

Народная песня, подобно набату векового колокола, пробуждает совесть, помогает выжить народной душе в современных условиях, позволяет увидеть внутренними духовными очами Свет Господень, поддерживает в нас способность чувствовать, мыслить, а значит – творить и жить!

По слову святителя Иннокентия Херсонского: «Только во свете Христовом можно видеть Бога, себя и мир в истинном их виде; только по указанию откровения небесного можно найти стезю, ведущую в вечную жизнь»:

*Свет откроет былые пределы,
Растревожит иные миры.
И у края безоблачной сферы
Приоткроет святые дары.
Свет Господень в безмолвном ответе
Разбросает по небу огни.
Прокричат журавли на рассвете:
Русь великая, святость храни!
Соль земли, вдох великих столетий,
Свет мечты и зарю перемен.
Пусть не будет земных лихолетий
И не будет коварных измен...*

(«Свет Господень»)

Виктор Захарченко – один из тех художников, которые творят не только умом, но и сердцем, обладая уникальным талантом сердца. Такое ощущение, что музыка истекает из самого авторского слова и стиха. В ней и трагическая глубина, и внутренняя мощь, и, что самое главное, – солнечный духовный свет:

*На дне души мерцает свет,
Свет от звезды далёких лет.
Он освещает путь в ночи
Дрожащим пламенем свечи.*

*Он – пламя плачущей звезды,
В любви купающей сады.
Предвестник будущего дня, –
В нём искра Божьего огня.*

(«Свет души»)

Виктор Захарченко композитор из народа, пишет для народа, выражая дух народа, передавая тревожное звучание нашего времени, проникая в глубинные слои народного сознания, в дух и характер народной песни:

*Льётся музыка эпох –
Вечный зов пустыни.
То ли песня, то ли вздох
У ворот Святыни.*

*Слышен грохот, звон оков,
Мир в слезах поныне.
Приглушённый стон веков
В голосе гордыни.*

*Льётся музыка эпох –
Холод, зной пустыни.
Нет не песня, тяжкий вздох
У ворот Святыни.*

(«Музыка эпох»)

Выражая национальное своеобразие, русский музыкальный фольклор, композитор Захарченко остаётся чутким к жизни других народов, он ни на кого не похож, кроме себя самого. Он один из немногих современных русских композиторов, кто подлинными народными песнями возвёл в высочайший ранг профессионального искусства, кто умеет сердцем «читать» и душой «слышать» настоящую поэзию. Его отличают – внимание и чуткость к неповторимым особенностям того или иного автора, тонкое и влюблённое отношение к слову («давать «живые» слова, полные мысли и чувств»), взыскательный традиционализм, связь со всем лучшим в столь богатой русской поэзии и музыке XIX–XX веков. В своём композиторском творчестве он опирается на

незыблемые основы – народную песню и духовную музыку, идёт от Слова и только от Слова, прекрасно понимая: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин.1,1):

*Нам не спрятаться за словом,
За высокою строкой.
В слове музыка бывшего –
Ключ к загадке вековой.*

*В тишине живой рассвета
Колокольный перезвон.
И поёт душа поэта
Песню памяти времён.*

*Гимн любви и свет свободы
В ярких образах мечты.
Оживают наши годы
В слове Божьей чистоты.
Но не спрятаться за словом,
За звучащею строкой,
Слышу музыку бывшего –
Ключ к разгадке вековой!*

(«Ключ к разгадке вековой»)

Виктор Захарченко по природе своей не исполнитель, а создатель – новатор, творец – поэт народной казачьей песни. И как у истинного большого поэта, у него свой поэтический стиль и свой мир. Каждая нота выстрадана. Ни разу не повторил, ни себя, ни других. Остаётся только удивляться философской, поэтической глубине каждой его песни, замечательной подаче слова, высокой независимости его ума и таланта, не считающимся ни с успехом, ни с модой, преданности и верности внутреннему своему голосу – музыкальному и душевному:

*Пронесётся время над моей страной.
Бросит жизни семя, окропит виной.
Разгорится пламя огненной зарёй.
Водрузится знамя – совесть над землёй.
Годы наши святы славой веков.
Верою объята душа казаков.
И не надо лести – грома над судьбой.
Казаку без чести – как без правды бой!*

(«Казачья честь»)

Высокое искусство не исчезает, не проходит бесследно. Композитор Виктор Захарченко, говоря о прошлом, поднимая чувственными, музыкальными методами пласты великой русской истории, народной культуры, всегда – в настоящем и в будущем:

*Пой, душа, играй тальянка,
Боль, сегодня не спеши.
Разливайся, россиянка,
Переливами души.
Пой весне, полям, зарнице
И родимой стороне.
Той мечте – далёкой птице,
Сизокрылой белизне.
Расскажи ты сердцем, песней,
Как просторы хороши.
Будет край ещё чудесней,
Лейся, музыка души!*

(«Пой, душа, играй, тальянка...»)

Он ведёт за собой, прокладывая путь к творческим вершинам человеческого духа, наполняет наши умы и сердца величайшими идеями и чувствами нашего времени.

Вот почему его произведения глубоко современные, поднимают и затрагивают самые сокровенные вопросы нашей жизни, будят совесть, трогают души и сердца слушателей:

*Сердцем слышится весть –
Непростая строка.
Слава, доблесть и честь –
Три креста казака.*

*Три креста – боль Христа –
Русь душою чиста.*

(«Три креста»)

Песни композитора Виктора Захарченко, мелодичные и душевные, затрагивают и поднимают вечные вопросы человеческого бытия. Эти песни несут добро и любовь. Призывают слушателей сострадать, думать и размышлять. Они утешают и очищают наши души. Песни написаны в православной традиции с огромной любовью к малой родине – Кубани, казачеству, к Отечеству – России.

Недавно при нашей встрече, которая состоялась в канун празднования 200-летия Войскового певческого – Государственного академического Кубанского казачьего хора, Виктор Гаврилович подарил мне запись своего авторского вечера «В день весеннего равноденствия!». Концерт состоялся в День рождения Мастера 22 марта 2011 года в Центральном концертном зале Кубанского казачьего хора в Краснодаре:

«Встреча с вами, дорогие земляки, для меня особенно дорога, потому что только здесь проверяется истинная ценность моей работы. В других городах и странах, для других зрителей, выступление хора – это экзотика, а дома, где нас знают, где наша жизнь у всех перед глазами, и нас так тепло встречают и принимают, как сегодня, это особенно дорого. Я не могу вставлять в концертную программу казачьего хора со своими песнями. Мне говорят: включай их, а я не могу. Знаю, что люди любят народные, казачьи песни и пришли на встречу с ними. Вот и ловлю этот денечёк, свой день рождения, когда никто не скажет: опять своих песен насовал. Я очень хочу, чтобы мои песни продолжали казачьи традиции, в новом времени, с новыми подходами к нашей классической поэзии» (В. Захарченко).

*Путь сильный осилит на быстром коне,
Весь холод вбирая в немой тишине.
Вдоль рек, по холмам крепко спящей страны.
Эй, кто там? Ответьте. Нет в правде вины.
Нет в горе обиды на прошлые дни.
В безмолвном пространстве блуждают огни.
Где вечность пылает, рождая зарю,
Эй, кто там? Ответьте. Вам сердце дарю!*

(«Путь сильный осилит на быстром коне...»)

Несколько раз прослушал записанные на диске авторские песни Виктора Захарченко, которые духовно потрясли меня необычайной мелодичностью, философской глубиной, искренностью, внутренней сердечной молитвой, чистотой звучания. Казалось, что пела (исповедовалась) душа автора, рассказывая о прожитых годах, о жизненном и творческом пути Мастера – истинного поэта народной казачьей песни. Поэтические строки рождались сами собой:

*Казаться быть я не хочу.
«Быть или не быть?» – судьбы мгновенье.
Зажгут потухшую свечу:
Молитва сердца и смирение.*

На солнце блики. День в ночи.
Рвут душу тяжкие сомненья.
И дают тёмные лучи
В минуты скорбного затмения.

Душа услышит свет зари.
И станут вечностью мгновенья.
Гори свеча, свеча гори,
Огнём любви и вдохновенья!

(«Казаться быть я не хочу...»)

Композитор Виктор Захарченко первым услышал музыку моего стиха. Первым положил мои стихи на музыку. Укрепил мою уверенность в собственных поэтических силах. За что я ему сердечно признателен и благодарен.

Дорогой Виктор Гаврилович! СПАСИБО за сохранение и развитие народной музыкальной традиции, за искренность и чистоту интонации, свежесть звучания, за глубину проникновения в смысл и дух народной казачьей песни, за бережное отношение к великой истории народной души, к нашим корням и истокам.

СПАСИБО за самобытные авторские песни, которые, на мой взгляд, органически вплетаются в кубанскую старину и современность, затрагивают жизненно важные духовно-нравственные основы человека и общества, проникают в сердца слушателей, создавая особую душевную атмосферу сопереживания, и во многом определяют сегодня лицо Кубанского казачьего хора.

Пусть горит и светит «огнём возвышенной любви и творческого вдохновения» Общая свеча войскового Певческого (Музыкантского) – Государственного академического Кубанского казачьего хора на многая лета, согревая (очищая) души, указывая людям истинный путь в «скорбном затмении», давая надежду на то, чтобы душой услышать и внутренними духовными очами увидеть свет «былых дорог и дух святого Воскресенья» Святой Руси – России.

Будьте здоровы и Богом хранимы!

За всё любовь благодарю!
За смех, за горестные слёзы.
За предрассветную зарю
Небесной музыки, за грёзы.
За убегающий ручей,
За аромат цветущей розы.
За теплоту святых лучей
В садах поэзии и прозы.
За всё любовь благодарю!

(«За всё любовь благодарю!»)

Стихи Ю. КОЛОДНЕГО

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН

Анатолий Юрьевич Аврутин – поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в 1948г. в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати книг, изданных в Беларуси и России. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005-2008гг. – Первый секретарь Правления Союза писателей Беларуси. Глава Представительства русских писателей Беларуси при Санкт-Петербургском городском отделении Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств. В 2011г. название «Поэт Анатолий Аврутин» присвоено звезде в созвездии Рака. Произведения А. Аврутина изучаются в школах Беларуси по программе русской литературы.

Живёт в Минске.

Я случайно родился на самой смурной из планет...

Станиславу Куняеву

По пыльной Отчизне, где стылые дуют ветра,
Где вечно забыты суровой судьбины уроки,
Бредём и бредём мы... И кто-то нам шепчет: «Пора!
Пора просыпаться... Земные кончатся сроки...»

Алёнушка-мати! Россия... Унижен и мал
Здесь каждый, кто смеет отравной воды не пить,
Иванушка-братец, напившись, козлёночком стал,
А сколько отравы в других затаилось копытцах?

Здесь сипло и нудно скрежещет забытый ветряк
И лица в окошечках, будто бы лики с иконы –
Морщиночки-русла от слёз не просохнут никак,
И взгляд исподлобья, испуганный, но просветлённый.

Здесь чудится медленным птицы беспечный полёт,
Светило в протоку стекает тягуче и рдяно.
Поётся и плачется целую ночь напролёт,
И запах медвяный... Над росами запах медвяный.

Дорога раскисла, но нужно идти до конца.
Дойти... Захлебнуться... И снова начать с середины.
Кончается осень... Кружат золотые сердца...
И лёт лебединый... Над Родиной лёт лебединый...

Я случайно родился на самой смурной из планет,
Я случайно подслушал, что небо вещает народу...
И шальное перо окуная в чернёную воду,
Соловьиною душу роняю в солёный рассвет.

А в ответ лишь звезда умирает за дальним холмом
Да какая-то птица в заре обожгла себе крылья.
И душа вопрошает другую, устав от бессилья:
– И давно так живёте?..
– Давно... Только мы не живём...

И родится не слово, а некий скрежещущий звук,
И родится не речь, а всё то же скрипучее слово...
И больная душа понесёт его, словно больного,
И подбитая птица над ним совершит полукруг.

Ну и что из того?.. Эти губы не мне суждены...
А тоска и печаль вновь остались тоской и печалью.
И всё те же овраги за этой обугленной далью,
И всё то же в душе обострённое чувство вины.

Так всегда и во всём... Тихо скрипнет сухой бересклет,
Глухо ухнет сова... Чавкнет грязь на пустом огороде.
Ты природу поёшь, а тебя уже нету в природе,
Ты всё бродишь по свету, не зная, что кончился свет

Рубцов... Дали... Огинский... Блок...
Вот всё, что искренно любимо,
Что после пройденных дорог
Больной душе необходимо.

А остальное?.. Бог простит! –
Настала чувственность такая,
Когда и Моцарт не живет,
И Пастернак не помогает.

О нет, они во мне навек:
Печорин... «Лунная соната»...
«Онегин»... «Черный человек»...
И Брамса гулкие стокатто.

Но душу я молю: «Моли,
Чтоб боль врачуя, зазвучали
Полотна странные Дали,
Рубцова мокнущие дали.

Внимать... Расплакаться... Молчать,
Смежив намокшие ресницы.
И лишь о матери рыдать,
И лишь о Родине молиться.

Памяти Николая Рубцова

Кто ещё при всём честном народе,
Заматав пожитки в провода,
От любимой женщины уходит,
Просто так уходит в никуда?

Просто так... Раздумчиво и шало
Вслед роняют листья тополя.
А любовь? Была и обветшала,
Об ином и думать не веля.

Просто так... Глумливая соседка
Постоит в проёме... Хлопнет дверь.
Догрызёт вчерашние объедки
Старый пёс, уставший от потерь.

Побреду я улочкою узкой,
И заметив странный мой уход,
Женщина застиранную блузку
Чуть сильнее в оконце расстегнёт...

Не взгляну... Пройду степенно мимо,
Будто с людом встречным – не знаком,
Что спешит с работы к нелюбимым,
О любимых думая тайком.

Ухожу... Над далью заревою,
Посреди мятущейся ночи,
Только пёс испуганно завоет,
Только сойка пьяно закричит...

Вновь темнеет... Резко... Скоро...
Оставляя за плечами
Нечто, полное простора,
Нечто, полное печали.

В пруд нырнёшь... Коснутся горла
Две звезды щербатым краем
Там, где ива распростёрла
Ветви, пахнущие маем.

И всплывает по спирали
Из-за сумрачного бора
Нечто, полное печали,
Нечто, полное простора.

Да беззвучно раздаётся
В золотистое предранье:
«Только тем и воздаётся,
Кто не жаждет воздаянья...»

И всё смотришь без укора,
Осознав себя едва ли,
В нечто, полное простора,
В нечто, полное печали...

Выхожу один я на дорогу...

М.Ю. Лермонтов

Посиди же со мной... Помолчи...
Я взгрустну, ты помолишься Богу,
Чтоб сыскал наконец-то дорогу
Странный путник в туманной ночи.

Станет слышно, как соки бурлят
У деревьев под чёрной корою.
Я тебе свои тайны открою,
Ты опустишь растерянный взгляд.

Не зажгу ночника... У свечи
Фитилёк отгорит понемногу.
Будем думать, что сыщёт дорогу
Странный путник в туманной ночи.

Будут звёзды крениться в окне
И касаньем – тревожиться руки...
Я тебе расскажу о разлуке,
Ты о встрече поведаешь мне.

Что поделать?.. Кричи – не кричи,
Столько лет мы шагаем не в ногу,
Столько лет всё не сыщем дорогу,
Всё блуждаем в туманной ночи...

Один среди вселенской воли,
Не зная, прав я иль не прав,
Я всё стоял в холодном поле
И плакал времени в рукав.

Скорбел, что так оно промчалось,
Что юность – где она, лови...
И что-то вещее звучало
В моей измученной крови.

И это тихое звучанье
Соединяло в миг сквозной
И быль, и небыль, и роптанье,
И тьму за жёлтой пеленой.

Так и стоял под звёздной крышей,
Один среди забытых трав,
Не замечая и не слыша,
Как время плакало в рукав.

Темнеет к полудню... Какой там ещё звездопад...
Всё в рытвинах небо, а в нём – будто бездна клокочет.
Себя вопрошаешь... С собой говоришь невпопад...
И кто-то под окнами воет, ревёт и хохочет.

По стылой Отчизне давно уж гуляет сквозняк,
И люди лихие гуляют давно по Отчизне.
Емелину печь на кирпичики Ванька-дурак
По пьянке разнёс... И сегодня рыдает на тризне.

И хочется в детство. Туда, где горланит петух,
Где тополь дарит тебе жёлто-багряные длани,
Где чей-то фонарик в ночи помигал и потух...
И хочется к маме... Как, Господи, хочется к маме!

Чтоб молвила мама: «Вновь встретились наши пути.
Ты нынче не весел... Не думай о всяческой дряни.
Всё видит Всевышний!.. Чуток посидишь – и иди,
Но съешь на дорожку вот этот горяченький драник...»

Пойду... И услышав, как сосны скрипят на ветру,
Как ломится сиверко в окна, сгибая раструбы,
Я прежде, чем с хрипом средь бешеной вьюги умру,
Страну поцелую в давно посиневшие губы.

Ничего не ведаю достойней
Той земли, достойной тех, кто в ней,
Где в домах – извечный дух застойный,
Где печаль – печали солоней.

Я совсем не огненного знака,
И кострища, в общем, не по мне.
Но огонь, как рыжая собака,
Всё спешит по отчей стороне.

Нечего сказать мне этим бабам,
Что глядят с печалью из окон,
Что бредут по балкам и ухабам
Так же, как бродили испокон.

Нечего... Страна... Отчизна... Крики...
Снова крик... Отечество... Страна,
Где всё больше смертушки великой –
Значит, всё достойней сторона...

Не закрыта калитка...
И мох на осклизлых поленях.
На пустом огороде
 разросся сухой бересклет...
Всё тревожит строка,
Что «есть женщины в русских селеньях»...
Но пустуют селенья,
 и женщин в них, в общем-то, нет.

У столетней старухи
Белесые, редкие брови,
И бесцветный платочек
 опущен до самых бровей.
Но осталось навек,
Что «коня на скаку остановит...»
Две-три клячи понурых...
 А где ж вы видали коней?..

Поржавели поля,
Сколь у Бога дождя ни просили.
Даже птенчику птица
 и та не прикажет: «Лети!..»
И горячим июлем
Всё избы горят по России,
Ибо некому стало
 в горящую избу войти...

О, Родина, ты мой нательный крест,
Мой крест сосновый в горькую годину.
И первая любовь... И благовест...
И поздний взлёт... И ранние седины...

О, как же ты мучительно-добра
К тем, для кого ты – главное на свете:
Здесь дыбы, пытки, плети, топора
Достойны только любящие дети.

А кто тебя насилывал и жёг,
Те значатся в названьях улиц наших,
Как будто нет Руси, а есть чертог,
Где вместо «русский» – лающее «рашен».

Как будто бы из всех родимых мест
Родимый дух ушёл в слепые дали.
Как будто бы с груди нательный крест
Лихие люди в бешенстве сорвали...

Холоп

– За что сечёте?.. Смилуйтесь... Ну, барин...
Не поджигал я дом... Не поджигал...
Прапрадед мой прапрадеду подарен
Господскому... Я смалу это знал...

Не бейте... Ой!.. Постоите... Пощадите...
Да чтобы я... Господское... Свят, свят...
За что?.. Ой... Ой... Невинного вините...
Господь свидетель... Ой... Не виноват...

Спасибо, барин... Сжалился... Холопом
Я был... Я есть... Я твой холоп навек.
Позвольте в ножки... Едете?.. Европам
Привет от хлопа, божий человек...

Уехал, сволочь... Скатертью дорога –
Поехал к бабе, а приедет в рай...
Ужо робяты встретят возле лога...
Не смилюются... Васька, поджигай!..

И дел накопилось, и солнце высоко,
А я все читаю Рубцова и Блока.

Хоть многое помню, чего-то не знаю,
Рубцова и Блока читаю, читаю...

Есть что-то иное... Но снова и снова
Мне жаждется Блока читать и Рубцова.

Пусть в жилы врываются гулкие строки
И мыслится лишь о Рубцове и Блоке!

Да как оторвёшься, коль жизни основа –
Эпиграф из Блока да строчка Рубцова.

Пусть кто-то – о смерти и кто-то – о Боге,
А я о своём – о Рубцове и Блоке.

Стою один... Небесный свод
В свою небесную державу
И дух измученный зовёт,
И мыслей чёрную отраву.

Как одиноки вечера,
Когда за сумрачной звездой
Приходит нудная пора
Такой же нудною порою!

А ты всё силишься понять –
Зачем сквозь ветреные дали
Вдруг возвращается опять
Немая музыка печали?

Зачем у чёрного окна,
В полузаброшенной усадьбе,
Застыла женщина одна
И что-то силится сказать мне?..

О нет, мы с нею не близки,
И память сохранит едва ли
Те очи, полные тоски,
Те взгляды, полные печали

Ты только глаз не открывай...
Почувствуй венами и кожей,
Что это я стою в прихожей...
И в сентябре наступит май.
Ты только глаз не открывай...

Ты только глаз не открывай –
Так ближе истина и вечность.
А плеч фарфоровую млечность
Моим дыханьем согревай.
Ты только глаз не открывай...

Ты только глаз не открывай,
Являя в этот мир подлунный
Прозрачность пальцев, трепет юный...
И чувства хлынут через край.
Ты только глаз не открывай...

Вот и снова метель...
Загудело в ночи, заревело.
Фонари ослепило,
забило оплывшую щель.
Эти груди сугробов,
как белое женское тело,
Только женское тело
белее, чем эта метель.
Всё гудят в проводах
Чьи-то судьбы, забытые в строки:
«Тчк... Телеграмма...
Прости... Не звони... Тчк...»
Только низкие тучи
и голос, и голос высокий,
Да шальная сосулька
похожа на отсвет штыка.

А взглядишься в метель,
Видишь – грузные сучья провисли,
И тяжёлая наледь
на каждой из хрупких ветвей.

Это белое буйство...
И чёрные-чёрные мысли...
Эта нежная снежность...
И снежная наледь на ней...
Повезёт, и дождусь –

вот и эта метель отгудела,
Отсвистала сквозь ветви,
на время тропинок лишив.
Но позволив подумать –
вначале тайком и несмело, –

А потом всё уверенней:
«Кажется, кажется жив...»

Возликует душа:
«Просто жив... Ни отнять, ни прибавить...»
И опять телеграммы
о чём-то толдчат захлёб.

Солнце брызнет в зрачки...
И причём тут какая-то наледь,
На которой споткнёшься
и рухнешь в тяжёлый сугроб?..

Холодно... Сумрачно... Выглянешь,
а за окном – непогодина.
Свищет сквозь ветви смолёные
ветер... Черно от ворон.

Души, как псы одичалые.
Холодно... Сумрачно... Родина...
В свете четыре сторонюшки –
ты-то в какой из сторон?

И ожидая Пришествия,
и не страшась Вознесения,
Помню, звенят в поднебесии
от просветленья ключи.

Вечер. Осенние сумерки.
И настроенье осеннее.
Не докричаться до истины,
так что кричи – не кричи...

То узелочек завяжется,
то узелочек развяжется...
Что с тобой, тихая Родина,
место невзгод и потерь?

То, что понять не дано тебе –
Всё непонятнее кажется,
Всё отдалённо-далёкое –
вовсе далёко теперь.

Вовсе замолкли в отчаянье
все петухи предрассветные.

Где соловьи? – А повывелись...
 Летом – жарища и смрад.
 Ночи твои одинокие,
 Утра твои беспроблесковые...
 Ворог попал в тебя, Родина,
 хоть и стрелял наугад.
 Скрипнет журавль колодезный –
 и цепенеет от ужаса.
 Горек туман над ложиною,
 лодка гниёт на мели.
 Каждый – в своем одиночестве.
 Листья осенние кружатся
 И разлетаются в стороны,
 не долетев до земли.

День отгорит. Сомнение пройдёт.
 Иным аршином жизнь тебя измерит.
 Вновь кто-то – исповедуясь – солжёт,
 И кровной клятве кто-то не поверит.

Иной простор... Иные времена...
 Надушенных платков теперь не дарят.
 Здесь каждый знал, что отчая страна
 В лицо – солжёт, но в спину – не ударит.

А что же ныне? Как ни повернись,
 А всё равно удар получишь в спину.
 Жизнь Родины?.. Где Родина, где жизнь? –
 Понять хотя бы в смертную годину.

И ту годину нет, не торопя,
 Себе б сказать, хоть свет давно не светел:
 «Пусть Родина ударила тебя,
 Но ты ударом в спину не ответил...»

Всё тот же дом... Всё те же стены...
 Всё тот же серый потолок.
 Всё тот же коврик неизменный
 Лениво стелется у ног.

Всё так же нервы раздражает
 За стенкой непонятный гул.
 Всё та же женщина чужая
 Халатик сбросила на стул...

Чуть потянулась телом млечным,
 Рывком задёрнула окно...
 Как всё неискренно... Как вечно...
 Как глупо... Низменно... Смешно...

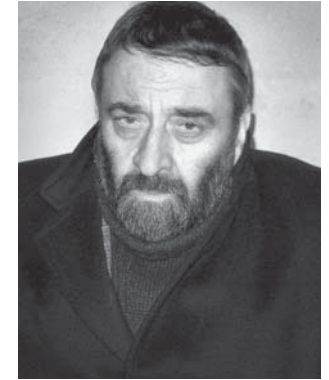
ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Ангел АНГЕЛОВ

Je ne t'aime plus*

Погруженные в дождь, мы воспринимали собственные шаги как чужие на незнакомой мостовой. Крупные прямоугольные плитки, чего только ни повидавшие на своём веку, успокоенно и мудро вспоминали прежний грохот, стройные отрывистые шаги, следы от гусениц тяжёлых машин, взгляды толпы, траур и восторги, сковывающие льды и огненный жар. Многоцветные тюрбаны Храма благолепно заботились о величии Площади. Мимо Гробницы двигались подтянутые мужчины-роботы, а Человеки сидели как придёт – демонстрируя, что это огромное пространство, сердце Города, теперь принадлежит всем. Невесты в свадебных нарядах подставляли губы для очередного «горько», женихи полутрезво пытались привыкнуть к будущей новой жизни. Юрий Долгорукий, спешившись, вышагивал по брусчатке и оглядывался по сторонам.

«Они не верили, что так будет...», – бормотал он себе под нос и с лёгкой улыбкой радовался, глядя на позолоченные двуглавые орлы. Он отмахивался своими длинными руками, отгоняя, как мух, неприятные звуки. Площадной народ глядел ему вслед, пытаясь отгадать – что за театр и что за спектакль рекламирует этот по-старинному одетый, важный тип. Страдания не читалось на его лице, но оно жило в нём и он совершенно явственно слышал: Je ne t'aime plus, je ne t'aime plus, je ne t'aime plus... Владимир Ильич опирался на коричневый гранит, которым когда-то был облицован его дом, и тоже прислушивался ко всеобщим Звукам. Время от времени он снимал кепку, вытирая лицо батистовым платком, который оставался сухим несмотря на дождь. Он подозревал, что это не совсем дождь или, если и дождь, то его вода не простая дождевая вода. Магазин напротив него засвечивался бескрайними гирляндами, радуя своим блеском, и лишь это навязчивое je ne t'aime plus омрачало его радость. Посмотрев по сторонам, он не обнаружил солдатиков у входа, и это огорчило его ещё больше. Ему показалось, что его притягивает Стена за Гробницей, он заметил там знакомые лица, покинувшие свои берлоги, чтобы глотнуть воздуха, размять члены, поболтать с соратниками. Но и они, как и все прочие обитатели необъятной Площади, слышали непонятные слова, которые начинали звучать всё громче и даже

Ангел Г. Ангелов – родился в городе Пазарджик, живет в Варне. Автор беллетристических сборников: «Невозможная любовь», «Оживление в муравейнике», «Попытка прикосновения», «Хождение по воде», а также романов «Завтрак в обеденное время», «Утренние закаты» (опубликован на русском языке в московском издательстве «ПоРог») и «Будущее прошедшего времени». Автор многих художественных и публицистических произведений, опубликованных в престижных изданиях и электронных журналах. Более подробную информацию можно найти на сайтах www.liternet.bg и www.public-republic.com

* «Je ne t'aime plus» (Я больше тебя не люблю) – парафраз названия песни «Je ne t'aime pas» (Я тебя не люблю) Мориса Магра (прим. авт.)

сами собой облекались в мелодию. Постепенно звуки превратились в песенку, которая покатила дальше – проползла мимо Гуляй-Поля, поднялась по Тверской, добравшись аж до Александра Сергеевича, обогнула Карла Маркса, по каменным бокам которого носились скейтбордисты, а тот отмахивался от них и смеялся – щекотно. Особенно громко и раскатисто ухала песенка под сводами Сандуновских бань. Особая акустика помещений была такова, что Звуки поднимались над бассейнами, достигали высоких стеклянных потолков, облизывали запотевшие стены и обрушивались на голые тела посетителей, которые встречали их с недоумением. На том месте, где был когда-то барельеф Андрея Платонова, зияла дыра, а сам он мёл двор возле Школы, напевая ту же самую песенку. Антон Павлович вышел, чтобы размять ноги перед театром собственного имени, полюбоваться Вишнёвым садом, где безмолвно беседуют Раневская и Лопахин. Именно в этот момент он и услышал вездесущее *je ne t'aime plus*, которое, немало его смутив, заставило задаваться вопросами, на которые ни один из его героев не смог бы ответить... Особенно громко звучала песенка среди летящих просторов сталинского ампира, выстрелившего небоскрёбообразными каменными боками с целью прославления, возвышения и воспроизведения величия, которое должно было пребывать в тысячелетиях. Она колесила среди бетона и при каждом соприкосновении со стеной множилась, эхом отдавалась вместе с недоумением, с двойственным звучанием Звуков, нагруженных Словами, которые были непонятны не только потому, что были на иностранном языке – были люди, которые знали язык, но они тоже не понимали значения слов. Дивились – странные невежи – бредущие в неопределённых направлениях, прислушиваясь к шумной тишине городского пространства... Воздух разрежался сам по себе, затрудняя таким образом распространение и качественное восприятие всеобщей песни, мешая смыслу достигать потенциальных слушателей, а те мучились, удручённые собственным незнанием. Постепенно, почти незаметно песенка завладевала умами и сердцами миллионов, заставляя их напевать про себя и вслух, создавая таким образом всеобщий звуковой фон немислимый в прежние века. Утечка Звуков изменила состав и структуру городского воздуха – он насытился разными цветами, его оттенки смешивались и очень часто поедали друг друга... Виктор Олегович уже возвёл свою Водонапорную башню и теперь подпирал её подножие, загадочно улыбаясь и не понимая, напевает он про себя Песенку или нет. Окружающее пространство постепенно насыщалось её бесхитростными тонами, поглощало слова, они становились словами самого пространства, сбивало его с толку, и некоторые из Времен, запутавшись, меняли направление. Так, например, некое Социальное Время совершенно случайно свернуло в Елисейский магазин, крутанулось, изменило маршрут и ринулось назад, перескочив через целый век. Алексей Пешков галантно подхватил под руку Татьяну Васильевну и они, остановившись возле своего театра, учтиво приглашали на сцену Михаила Афанасьевича, а тот пытался приобщить профессора Воланда, но проклятый Бегемот всячески им мешал, вытворяя всякие гадости, от которых Песенка сконфузилась и зазвучала тише.

«Прекрати!», – пытался осадить его профессор, но толстый котяра нахально лыбился, напевая без всякого акцента: *Je ne t'aime plus, je ne t'aime plus...*

Среди алеющего воздуха стали замечаться пробоины, сквозь которые Песенка проходила свободно, но в то же время оставляя след за собой какое-то обесцвечивание, что приводило к всеобщему побледнению коллективного Воздуха. Играла ли Песенка некую роль, была ли она причиной или следствием – не совсем понятно, но было видно, как упомянутое Время дробится, как меняет свой цвет, как отдельные его части пытаются жить собственной жизнью, несмотря на то, что ясно просматривается их взаимосвязь. Плоть Пробоин имела значительно меньшую плотность, что приводило к ослаблению Звуков, несущих на плечах своих слов Песню. Похоже, разреженный воздух был причиной её неравномерного звучания. Были целые участки Пространства, где слышимость была слабой, да и цвета там были вялые, словно нехватка освещения мешала рассмотреть детали пейзажа. В этих местах часть Звуков, составляющих слова Песни, искривлялась, их одолевала некая неясность, они скукоживались, меняя таким образом вид послания. Так, например, вместо *je ne t'aime plus*, часто слышалось *je*

ne t'aime pas, что в корне меняло смысл, и сколько слушатели ни пытались, им трудно было понять, почему произошла подобная замена.

*«...я тебя не люблю, я не страдал...
это был только сон...
для других ты создана...
ничего не говори...
мне достаточно видеть тебя счастливой...»*,

слышались бессвязные слова Песни, которая именно в таких местах непонятого разрежения то глохла, то вновь усиливалась, окончательно сбивая с толку случайных приёмщиков Звуков. Может быть, и из-за отсутствия непрерывности Времени – о котором уже шла речь, путались и растворялись сами в себе самые невероятные события и предметы, некоторые из которых просто не выносили друг друга. Виднелось нечто, бывшее когда-то автомобилями, волочившими свои искорёженные тела среди облаков несгоревших газов, проглядывали древние дома, на ликах которых то Время оставило неизгладимые следы и теперь их тщетно пытались замазать отряды маляров и штукатуров. Люди, жившие в разные отрезки того Времени, видоизменились до такой степени, что их дети – существа другой расы – едва-едва их узнавали. Злились люди, жившие в разные Времена, им не хотелось мириться с потерями, с нестираемыми шрамами на лицах и в Душах, оставленными непоколебимым Временем, и единственной утехой оставалось им это пение *je ne t'aime plus*, которое из-за ожесточённости звучало почти как брань и угроза. Словно чья-то месть, делание назло или же символ бессилия, беспомощности, но и нежелания примирения... Люди, жившие в более отдалённые временные отрезки, теснились за старыми фасадами, поднимали воротники поношенных зимних пальто, словно собираясь утонуть в своих шинелях, а Николай Васильевич чуть хитровато и с ироничной грустинкой пытался предупредить несчастного Акакия Акакиевича о том, что его ждёт. Правда, теперь писатель выходил не на Невский, а во двор скромного дома на Никитском бульваре, но и здесь он шёл кротко и грустно, с лёгкой усмешкой приглядываясь к прохожим, пытаясь найти среди них коллежского ассессора Ковалёва, который мечтает о звании майора. Николай Васильевич надеялся узнать этого самонадеянного человека по носу. Точнее, по отсутствию такового, потому что майор Ковалёв только что обнаружил, что на месте его собственного носа расположилось совершенно гладкое пространство. И хотя носа у него не было, он ясно слышал всепроникающее *je ne t'aime plus*, озирался по сторонам, не понимая откуда идут эти Звуки, пытаясь понять, кому они адресованы, глупо моргал, надеясь, что песенку поёт не его утраченный нос, возненавидевший за это своего хозяина и потому исчезнувший... Там же где-то можно было заметить и Юрия Михайловича, который, было видно по всему, «задумал бегство он...», а молочный козлёнок блеял улыбочиво в попытке нащупать тональность *je ne t'aime plus*...

И когда, в конце концов, сила этого всеобщего пения завладела массами, проникла в недра народной жизни, когда верхи уже не хотели жить по-старому, а низы не могли жить как прежде, появились крупные камни инакомыслия, которые сыпались вроде бы неожиданно на алое тело государственного бытия. Пробоины в красной плоти искусственно созданного образа жизни разрастались всё больше и больше. Наблюдалась прямая зависимость между размером Дыр и силой звучащей песни. Так например, где-то там, возле Гробницы, Песенка звучала сильнее всего, и даже Владимир Ильич, вышедший позагорать под дождём, подозревал, что она – живое послание ему лично. Это его огорчало, он скучал по временам, когда раздавалось лишь *pous t'aïmons, pous t'aïmons*, но в то же время мирился, ибо знал, что ничто не вечно под луной – вспоминал, сколько прожил тысячелетний рейх.

«Всё-таки мы жили гораздо дольше, да и больше успели..», – безмолвно утешался низенький человек, который неустрашимо вёл народ. Потом, войдя в свой вечный дом, плотно задраил входы и выходы, надеясь, что это помешает просочиться сюда *je ne t'aime plus*, хотя и не знал, сколько ещё пробудет в этом доме. Песенка естественным

* «Nous t'aïmons» (Мы тебя любим) (прим. авт.)

образом увеличивала свою силу, и когда касалась алых Звёзд, то они принимали её посылы лишь к сведению, оставаясь долгое время непоколебимыми. Надо отметить, что ни одно из Вреён не оказывало на них воздействия – ни то, что старило фасады домов, накладывало морщины на лица людей, выводило из моды марки автомобилей – никому вообще не удавалось дотянуться до Звёзд. Однако, их вековечность была видимой, ибо, хотя они и продолжали сиять по-прежнему красным светом, их смысл видоизменялся, и живущие в Последующие Времена всё реже задумывались об их первоначальном предназначении... Песенка усиливалась, и когда касалась гранитной одежды Карла Маркса, а он лишь поглаживал свою патриаршескую бороду, стращивая со своих боков скейтбордистов и отправляясь потихоньку на Площадь в надежде встретиться наконец с Владимиром Ильичом, чтобы сказать ему: «Не дрейфь, старина, мы остаёмся, мы остаёмся... Какие бы песенки ни пели, нашу песню не задушишь, не убьёшь, не дрейфь...» А в это Время в Царицино, в Хлебном доме, от пола к величественному стеклянному куполу вздымалась бесхитростная мелодия, в которой угадывалось *je t'aime, je t'aime** и это была уже песня, звучавшая в сегодняшнем Времени, которое было будущим прошлого, но его обитатели не задумывались об этом, бросая вперёд нетерпеливые взгляды в надежде увидеть сияющие вершины, райскую жизнь и бескрайнее счастье. Странно было то, что разные Песенки жили одновременно, порой, наступая друг друга, звучали вместе, остервенело пытались убить некоторые из тонов противника, взять верх, превзойти и даже удержать победу, но умные Времена допускали их гегемонию лишь на краткий период, только чтобы не лишать их куража... Крупные прямоугольные плитки Площади обратили умытые лица к Звёздам, снисходительно улыбаясь им и думая: «Мы знаем, что ничто не вечно, но если кто-то и останется навсегда, то это мы...» День, подрагивая, катился к закату, сбиваемый с толку перепутавшимися Звуками разных Песенок, а дождь всё также безуспешно пытался смыть несмываемые Воспоминания о будущем...

Перевела с болгарского Элеонора МЕЗЕНЦЕВА

* «Je t'aime» (Я тебя люблю) (прим. авт.)

ПОЭЗИЯ

Вадим ТЕРЁХИН

Вадим Фёдорович Терёхин – заместитель министра – начальник управления культуры, искусства и кинематографии министерства культуры Калужской области, действительный государственный советник Калужской области III класса. Родился 27 января 1963 в пос. Песоченский Суворовского района Тульской области. Окончил Казанское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. маршала артиллерии М. Н. Чистякова и Московский литературный институт им. М. Горького. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств; действительный член академии Российской словесности. Переведён на македонский, арабский, китайский, английский и другие языки.

Живёт в Калуге.

Обрати внимание, прохожий...

С первых дней двадцать первого века,
Только пальцы начну загибать,
Как в грядущем дела человека
По приметам смогу угадать.

Это он высшей волей и даром,
Крылышка легчайшим письмом,
Примостившись над вечным пожаром,
Из соломинок строил свой дом.

И как самое в мире простое
Из любых человеческих начал,
Этот дом с прямой сухостоя
Над бушующей бездной стоял.

Время шло, всё круша и сметая,
Но ничто не менялось в дому.
И служила пыльца золотая
Самым крепким цементом ему.

На искусстве не наварить,
Жить не будешь сыто-пьяно.
Только старший мой товарищ
Вновь бренчит на фортепьяно.

Люди держат в мыслях числа.
Люди думают о деле.
Ты какого ищешь смысла
В этом музыкальном теле?

От такой пустой работы
Что в миру себе оставишь?
Ты какие ищешь ноты
Среди чёрно-белых клавиш?

Лик его высок и светел.
На вопросы нет ответа.
Только музыка и ветер
Обнимают части света.

Он отвержен лире стойко
С обречённостью мессии.
И несётся птица-тройка
Вновь по Матушке-России.

Слышишь, заводит сверчок
Песню на лире запечной.
Как бы мир ни был жесток,
Слово и музыка вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.
Канет во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка вечны.

Как же нам жить на земле
Просто, неспешно, сердечно?
В мире, лежащем во зле,
Слово и музыка вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.
Но в суете быстротечной
Всё в этом мире пройдёт.
Слово и музыка вечны.

Мы всегда пребываем вдвоём:
Я и ты как жар птица.
Как тебе удалось уместиться
В тесном теле моём?

Говорят, ты у нас хороша,
Из-под рваной рубахи
В разудалом славянском размахе
Рвёшься к небу, душа?

Говорят, нам с тобой повезло.
И порядок понятен,
Если мало на совести пятен,
Расступается зло.

Я вступлю в борьбу с коварством
И останусь невредим
Полновластным государством
По названию Вадим.

Стану доблестным и мудрым,
Для того чтоб все враги
Знали твёрдо – каждым утром
Им вставать не с той ноги.

Я живу во многих лицах –
Сам-свобода, сам-тюрьма –
Распахну свои границы
Вдохновенья и ума.

Укрепиться между строчек
Помоги мне, Божий Сын.
Истребляют одиночек,
Ну, а я-то не один.

И в сражении суровом
Среди пепла и огня
Я прошу, чтоб только Слово
Не оставило меня.

Обрати внимание, прохожий,
Не на помрачение в народе,
А на то, что вечен образ Божий
В каждом первом встречном пешеходе.

Даже если он заочник ада,
Ученик его кругов и петель,
Пожалеть обиженного надо,
Ибо в нём остался горный пепел.

И в тебе, прохожий, вечен тоже
Свет, что неуклюже и нелепо
Бьёт тихонько из-под тонкой кожи
И обратно просится на небо.

Предчувствуя скорую встречу,
Шатаясь меж улиц и звёзд,
Находишь соцветие речи,
Чей умысел явно не прост.

Ему повинуешься слепо,
Повержен зловещей судьбой.
Быть может, бездонное небо
Опять поделилось с тобой.

Быть может, Оттуда явилась
Тончайшая хрупкая нить,
Тебе наказав Божью милость
На белом листе сохранить.

А, может, на уровне клетки,
Чья суть первобытно чиста,
Вложили далёкие предки
Свой голос вот в эти уста.

И ночью, когда на досуге
Ты в дебри сознания проник,
Очнёшься, услыша в испуге
Повисший над джунглями крик.

И хочется дикому детству,
Ответствуя, не изменить:
Над собственным несовершенством
Угрюмо по-волчьи завывать.

Кем устрашится естество
В преддверье смертного порога?
Не остаётся никого
На этом свете, кроме Бога.

Всё разлетится в пыль и в прах.
Себя здесь не удержит бытом
Живущий на Его устах
Разноязыким алфавитом.

Чем успокоится душа?
Нам всем дано из милосердия
Жить вдумчиво и не спеша
И предвкушать своё бессмертье.

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир СМЫК

Против антиисторизма как либеральной практики

Новостные программы федеральных каналов, крутивших ролики с демонстрацией зверской расправы над лидером Социалистической Джамахирии, затем рассказывали о том, как аборигены тропического туристского рая съели немецкого путешественника. Есть неожиданная, но жёсткая логика в присутствии в одной передаче двух этих сюжетов. Разгром Ливии, с которой ассоциировался прогресс в Африке и в целом в странах Южного пояса, означает, что этот пояс «передовым Западом» загоняется назад в средневековье, а, может быть, и дальше – в каменный век с межплеменными войнами, каннибализмом и прочими атрибутами доисторического периода.

Ливийская война знаменует, помимо всего прочего, окончательное крушение «эпохи Робинзона Крузо»: современные колонизаторы полностью отказались от цивилизаторской миссии. Напротив, они насаждают дикость, варварство и жестокость, разваливают государства, в ходе передела мира когда-то ими же созданные для удобства управления покорёнными народами. Они сбросили «бремя белого человека». Впрочем, было ли такое бремя, или просто это слоган колониальной политики, придуманный Киплингом? С самого начала Запад (или богатый Север по терминологии развивающихся государств) шёл на Юг не созидать, а грабить, и если устанавливал здесь какой-то порядок, создавал колониальные институты, то исключительно для удобства грабежа. Когда же эти институты стали самостоятельными, он подверг их ракетным обстрелам и ковровым бомбардировкам. Под руководством Соединённых Штатов Запад погнался клячу истории вспять.

США этот гон возглавляют неслучайно. Лишённое исторических корней, истребившее жившие здесь народы, заменив их населением, состоящим из потомков каторжников, авантюристов всех мастей и эмигрантов, это государство возникло как химера, как фантом, находящийся вне контекста истории и потому противодействующий ходу её развития.

Под руководством Америки вся работа, проделанная мировой цивилизацией со времён Колумба, подвергнута ревизии. Советский Союз сдерживал эту подрывную работу. Ему было бы куда легче, если бы не великий грех правительства Александра II, забывшего завет Николая I: «Где поднят русский флаг, отсюда уходить нельзя» – и отдавшего Штатам Аляску, что лишило

Владимир Филиппович Смук – родился в 1941 году в городе Ейске Краснодарского края. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Поэт, прозаик, публицист. Печатался в журналах «Образ», «Наши современники», «Москва», сетевом литературном журнале «Камертон» и других изданиях. Автор книг «Встречи» (1990), «Приключение в библиотеке» (2008). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

нашу страну возможности контролировать северную часть акватории Тихого океана, открыло Америке путь к превращению в супердержаву, создало первый прецедент торговли русской территорией. Но всё же – деколонизация Индии, победа сил социализма в Китае, Корейская война, рождение независимых африканских государств, борьба против французских, а затем американских агрессоров в Индокитае, мощный вал национально-освободительного движения – всё это стало решающим фактором процесса, инициированного Советским Союзом, выступавшим во главе сил, удерживающих этот исторический процесс от распада. Все усилия Вашингтона в течение десятилетий были направлены на борьбу с удерживающим, на разрушение СССР, и когда это удалось, работа по ликвидации истории пошла значительно быстрее (не зря словосочетание «конец истории», ставшее знаменем неолиберализма, родилось в Соединённых Штатах).

Поражает слепота европейских правительств. Следуя в американском фарватере, они не замечают, что действуют против интересов своих собственных стран. Поддержав разгром Югославии, союзники США по НАТО помогли высвободить в важнейшем геостратегическом районе Европы – Балканах – те силы, которые были скованы в ходе развития самой европейской цивилизации: мусульманская Босния, затем Косово бросили на политическую карту Европы тень прошлого, в котором начинают угадываться очертания Великолепной Порты. Отказавшись от здравой национальной политики, пойдя на поводу у рождённой в США идеологии глобализма, Европа подвергла исламизации, её территорию всё плотнее заселяют народы, чуждые западной культуре. Как известно, в Париже сегодня больше мусульман, чем в Каире. Находящееся в упадке западное христианство встретилось лицом к лицу с пассионарным и нередко агрессивным исламом.

Пошла вспять история Передней Азии. Американская агрессия отбросила Афганистан и Ирак на несколько веков назад. Силы, в своё время изгнанные с политической сцены, сегодня берут реванш: политика США на Ближнем Востоке, события «арабской весны» вызвали из тени прошлого два конкурирующих проекта – Оттоманской империи и Арабского халифата. Турция и Саудовская Аравия, которые стоят за ними, выступают как проводники интересов Соединённых Штатов, но в той мере, какая позволяет им увеличивать свой собственный политический вес и военное влияние. Эр-Рияд противостоит Ирану и тянется к ядерному оружию. Он стал идейным и финансовым источником распространения ваххабизма в Российской Федерации и на Кавказе. Анкара, в свою очередь, претендуя на лидерство на Ближнем Востоке, неуклонно усиливает своё влияние в Азербайджане и поддерживает тесные отношения с Тбилиси. Турецкое влияние заметно ощущается на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Оно идёт по проторенной дороге – в своё время ислам пришёл в эти регионы из Оттоманской империи.

Анкара и Эр-Рияд активно действуют в Крыму, где события вполне могут пойти по киевскому сценарию и отбросить полуостров в эпоху до Кучук-Кайнарджийского мира. Если поощряемые экстремистскими организациями боевики пойдут на радикальные меры для достижения крымско-татарской государственности, сможет ли слабая Украина, нынешний президент которой падает в обморок от брошенного в него сырого яйца, удержать полуостров? Здесь власти гораздо решительнее, чем с татарскими сепаратистами, борются с силами, ориентированными на Россию, с помощью которой только и можно избежать превращения Крыма в страну, патронируемую одной из региональных держав Ближнего и Среднего Востока.

Что касается России, то именно на неё направлены главные усилия антиисторических сил, возглавляемых Соединёнными Штатами. Девальвирована и последовательно ликвидируется огромная созидательная работа, проделанная не только Советским Союзом, но и в целом русской цивилизацией. Лишившаяся многих земель и территориально отброшенная куда-то век в XVII, Россия потеряла за годы реформ миллионы граждан, и понятие «геноцид русского народа» стало уже привычным в лексиконе её политиков. Социально-экономические отношения в стране, строившей самое передовое общество, отброшены до уровня, который только условно можно назвать капиталистическим. Капитализм предполагает создание класса предпринимателей,

заинтересованных в развитии своего хозяйства, нуждающихся в технических усовершенствованиях, обладающих навыками организации и руководства производством. Подавляющее большинство нынешних владельцев российских предприятий не обладают ни такими навыками, ни такой заинтересованностью. Они стали владельцами производственных фондов не в силу своего трудолюбия и таланта. Среди них не найти нового Форда, Симплота или Гейтса. Способ обретения ими собственности доктор экономических наук Александр Анисимов назвал «феодалным пожалованием». К феодализму и тяготеет наш постсоциалистический строй. Капитализм предполагает организованное рабочее движение, профсоюзы, действующие в интересах наёмного труда. Ничего этого в России нет. Сегодня подавляющее большинство трудящихся в нашей стране обладает правами ненамного большими, чем работники докапиталистической эпохи. Одновременно идёт деградация в сфере знаний. Ликвидированы инженерные и научные школы, способные вывести страну из доиндустриального уровня, на который её настойчиво опускают. Перецёркивается создававшаяся веками национальная русская культура. Одновременно уничтожается система образования. Литература перестаёт быть профильным предметом. Этим самым новые поколения граждан нашей страны лишаются возможности воспринять гуманитарные ценности, выработанные в ходе исторического развития отечественной культуры, уходящей корнями в православное христианство и создавшей великую русскую литературу с её целостной нравственной силой. Кардинал Корец, словак по происхождению, подвергшийся репрессиям в социалистической Чехословакии, поражённый по выходу из тюрьмы перемнами, происшедшими с его соотечественниками, которые стали читать боевики, эротические романы и книги оккультного содержания, запретил прихожанам читать что-либо мирское за исключением русской литературы. А в России хотят изолировать молодых граждан от благотворного воздействия на их души произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, Шолохова... Весьма характерно, что ведущим институтом, направляющим процесс деградации страны, стало министерство, возглавляемое Фурсенко, хотя, казалось бы, именно Минобрнауки по своему статусу обязано действовать в противоположном направлении. В битве, полем которой является сердце человека, и где, по определению Достоевского, борются Бог и дьявол, ведомство г-на Фурсенко, похоже, выступает на стороне последнего. Не случайно Святейший Патриарх Кирилл, как правило, избегающий высказываний, которые противоречат курсу мирской власти, выступая в Воронежском государственном университете, подверг достаточно резкой критике реформу образования, проводимую министерством.

Говоря о Русской Православной Церкви, следует сказать, что она сегодня является единственной структурой, сохраняющей преемственность русской истории, и объективно, самим фактом своего существования противостоит распаду русского этноса, русской культуры, русской государственности. Правда, и здесь глобалисты не дремлют: экуменизм и обновленчество используются как инструменты ослабления РПЦ, сдвига её в сторону западных, якобы более открытых, в сравнении с Православием, и более прогрессивных конфессий. Но это сдвиг в никуда. «В России нет почти никакой информации о том, каковы сегодня западные конфессии, – пишет религиовед Татьяна Горичева, много лет за рубежом изучавшая характер вероисповедания в Германии, Франции, Италии и других европейских странах. – Того «хрестоматийного» протестантизма и католичества уже просто нет на свете». Говоря о католичестве, она свидетельствует о его «глубочайшем надломе»: здесь «церковное строение, как дом с прохудившейся крышей, стало столь стремительно размываться и разрушаться, что под угрозой оказались самые основы веры». Что касается протестантской церкви, то, как утверждает исследователь, она «больше не является носителем учения Лютера».

Западное общество называют постхристианским. При этом оно не перестало быть религиозным, но его религиозность получила противоположное направление: становится всё более массовым увлечение оккультизмом. Кстати, грандиозный успех Гарри Поттера – не только результат этого увлечения, но и залог того, что оно стало фактом детского сознания. Всё это Европа уже проходила: во второй половине XVII века здесь распространилась эпидемия детского ведовства. Джон Локк обдумывал свой «Опыт о человеческом разуме», когда в Швеции и Дании сжигали семилетних колдуний. Дух

Европы пошёл вспять. Это диалектика наоборот: диалектическая спираль перевернута и результирующая исторического движения устремлена вниз.

При всей катастрофичности положения, при всех страданиях, выпавших на долю православной России, среди всех христианских народов в духовном плане у русских сегодня самые большие шансы спастись от исторического небытия. Огромный пустой Нотр-Дам, где мессы посещают полтора десятка человек, кирхи Германии, «перепрофилируемые» в рестораны, свидетельствуют о массовом равнодушии к учению Спасителя. Слабеющий католицизм и протестантизм не смогут противостоять напору иных верований. К тому же, для третьего мира религия западноевропейцев и американцев – религия захватчиков, колонизаторов, старых и новых крестоносцев. Что касается Православия, то оно не может вызывать у них ненависти – Россия ни раньше, ни теперь не причастна колониальной практике. Православие сохранило верность апостольскому преданию, евангельскую чистоту веры, исповеднический энтузиазм. В апостасийном мире оно является прибежищем для живого религиозного чувства, и следует ожидать, что миссионерская роль РПЦ возрастёт. Это тем более произойдёт, если, спасая души людей, наша Церковь не будет индифферентна к вопросам социальной справедливости, начнёт конструктивный диалог с теми, кто является сторонниками строя, основанного на социальной справедливости, понимаемой в духе христианских заповедей, то есть христианского социализма.

В своё время гуру наших либералов Александр Яковлев, будучи руководителем идеологического аппарата ЦК КПСС, опубликовал статью «Против антиисторизма», в которой обрушился с резкой критикой на русские патриотические силы. Жизнь показала, что как раз либералы являются силой, действующей против истории. Отсюда и название данной статьи.

ПОЭЗИЯ

Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Сергей Александрович Главацкий – поэт, драматург, музыкант. Председатель Южнорусского Союза Писателей и Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины. Главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис», выпускающий редактор литературного журнала «Южное Сияние». Составитель Одесской антологии поэзии «Кайнозойские Сумерки» и Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение». Произведения опубликованы во многих изданиях Украины, России. Автор книги стихотворений «Неоновые Пожары».

Живёт в Одессе.

Ex temperi

Ex temperi*

1

Как же так?.. Вот *Сейчас*, когда *наши* дыханья,
пульс один на двоих обретая, юлят,
когда судьбы всех *наших* ручных ангелят
цепенеют в один сталагмит ожиданья,
когда солнце сплетает *нас* в косу крещенья,
а медузы вплетают *нас* в судеб теченья?..
Почему наша Родина, наша страна
вот *сейчас* растворяется, как пелена?

Как же так?.. Почему вот сейчас, в это время,
после тысяч и тысяч *немыслимых* лет,
Богом будучи в прошлом, но – сдав свой билет,
Она ходит на цыпочках, робко, за теми,
кто Её продавал, предавал и калечил,
ни жалел на Неё ни солдат, ни картечи?
почему без сознания, в шакалей глуши
и под лунным затмением, добыта, лежит?..

2

Наша Родина, наша страна, мы с Тобою.
Мы с Тобою – одно, и народ Твой – един.
Почему вот *сейчас* над Тобою – Эдип
многоглавый склонился заплечным конвоем,
почему обращаешься в груды лохмотьев,
за которой – червями хрустит безнародье,
за которой не будет ни *нас*, ни Тебя,
где, увы, даже воспоминания – спят?

* Ex Temperi (лат.) – не вовремя

Как же так? Вот сейчас, когда *мы* стали целым,
когда *мы* лишь узнали друг друга, когда
стали *нашей* мечтою – Твои города,
а пространство святое Твоё – *нашим* телом,
Ты крошишься, как мел, как труха, как – пигмеи,
не очнувшись, в сознание прийти не умея,
и уходишь на дно, в непроглядную тьму,
хороня Цель Вселенной... Зачем? Почему?

Парадокс всемогущества

Испуганный Мир продолжает полёт...
На этом кощунственном острове слёз
Среди этих поруганных снежных озёр
Отринь кругозор, это – гипнотизёр,
Забудь горизонта строптивый Колосс!
В того ли мы верим и он ли спасёт?

И сильные мира Того – экий цирк! –
И этих миров – золотые тельцы,
Всевластье своё от себя сторожат,
Над мощью своей, как Кощеи, дрожат,
А Бог утверждает: все боги – лжецы,
И мир создаёт по чужим чертежам,

Где Нет Его вовсе, и не было – зло
Само зародилось, как – свет, и тепло,
И жизнь – от шальной огнестрельной искры,
И мы с Него спросим, зачем Он – сокрыт,
А чёрт продолжает смеяться козлом,
Клонирюя Бога, штампуя миры...

Творец совершенный, всеильный, как суть,
Не в силах в миры совершенство – вдохнуть,
Дефектной Вселенной доволен пока!..
Стряхни с себя синестезию зрачка,
Обман окоёма исподний избудь!
Лети, недотыкомка, сквозь облака!

Параллельные пунктиры

Диссонанс очевиден. Мы катимся в разные впадины,
С незнакомых Олимпов, ещё при параде, но...

Наши бездны полярны, мы падаем в разные стороны,
В одной – бомбами тикают белые вороны,

В другой – чёрные чайки бьют в нежный и девственный колокол.
На зуб пробуют нас эти птицы из войлока,

Бомбы падают в колокол, в звонницу, в тонкие здания,
В – полюса, и эффект от такого касания –

Словно атомный взрыв в колокольне, оседлой на паперти.
Люди – навзничь, лишь мы в пропастях своих заперты,

Люди – настезь, навывлет, лишь смерть в своих омутах мечется...
На посадку идут только грифы и кречеты...

Эти алые птицы не знают, не ведают, в принципе,
Куда пасть, где пристроиться, где приземлиться бы,

То ли *на* воду красную сесть, то ли – *на* землю красную...
Всюду – кровь, всюду – с нею сольются, несчастные!

Каждый мир герметичен. Мы падаем с разной скоростью.
Ты – уже долетела. Осталось – в окоп врати.

А меня ещё ждут, уж поверь, в мои бездны падения –
По законам Игры, по счетам Провидения...

Корабельная колыбельная

Здесь такая луна! Здесь такой снегопад,
Что становится он камертоном – навеки!
Ему бить теперь в наш беспробудный набат,
Заточив обертоны о лезвие неги.
Здесь такое величие снежной орды,
Неуёмный отёк всестороннего снега,
Что пора нам следить за игрой немоты,
За космической властью замёрзших молекул!

Здесь такой снегопад, что случайно забыл
Сделать выдох зеркального горна игумен,
Что заслушаться можно молчаньем судьбы,
А потом не услышать божественный зуммер!
Здесь такая твоя, колыбельная тишь,
Что потом и не вспомним, что мы – в божьем трюме,
И пора нам выглядывать – где ты стоишь,
Как ты там, Мир, который давно для нас умер.

По кровавому следу

Надо пойти направо,
Надо пойти налево –
Где-нибудь да погибнешь,
Где-нибудь да воскреснешь.

Нынче такие нравы,
Нынче такие девы,
Где-нибудь просто всхлипнешь,
Где-то хлебнёшь болезней.

В колких рассветных травах,
Или под кроной древа
Будет судеб распутье –
Камень, конца предвестник.

То ль против кровотока,
То ли идти на запах –
Нынче такие судьи,
Нынче такие яды.

Всё испытать, потрогать
Надо нам – от столпых
Бомбоубежищ Сада
Вплоть до святилиц ада...

Надо шагнуть к востоку,
Надо шагнуть на запад –
Пробовать всё нам надо,
Где-нибудь есть награда...

Система координат

Всё уже ясно давно: где, когда, с кем...
Будущим летом нам стать – одной крови.
Год триумфальный нам дал все подсказки,
Карты открыл, и летит – к изголовью –

В небе – наядами и водяными,
Геомагнитным мерцающим пазлом...
Будущим летом мы станем родными,
Может – скорее, скорее – гораздо,

Коль не изменит беда место встречи.
Коль время встречи озноб не изменит,
Наше двуликое лунное вече
Станет лампадой в небесном дольмене.

Тайные координаты известны...
Точка Zero – как форпост единенья –
Кличет нас голосом птичьим, чудесным,
Ждёт нас давно – от её же рожденья!

В – минимум сопротивленья пространства,
В – максимум центростремительной силы...
Так – мы вернёмся из ветреных странствий,
Там – мы найдём тех, кого мы любили.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай БЛОХИН

О Мятлеве. «Как хороши, как свежи были розы...»

Это было давно. Однажды в букинистическом отделе Дома книги Ставрополя я увидел небольшую книжечку «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже». Это была весёлая, остроумная сатира в стихах, написанная в форме путевых записок тамбовской помещицы в путешествии по Германии, Италии и Швейцарии. На титульном листе прочёл: «Иван Мятлев». Имя и фамилия автора ни о чём не говорили. И я хотел было поставить книжечку на место, если бы не пристальный взгляд пожилого книголюбца.

Довольно часто я встречал его в Доме книги. В конце концов, при встрече мы даже стали раскланиваться друг с другом, как старые знакомые. Старик почти ничего не покупал. Скорее всего, его любимым занятием на склоне лет стало «рытьё в книгах». Заметив мою нерешительность, проговорил: «Мятлев! Им зачитывалась дореволюционная Россия. А его стихотворение «Как хороши, как свежи были розы...» знал чуть ли не каждый гимназист. К сожалению, книги этого поэта сегодня – редкость. Возьмите книгу, не пожалеете».

Как позднее выяснилось, в тот день я стал обладателем редчайшего издания произведений одного из лучших российских поэтов. Но прошли годы, прежде чем я понял это.

Перечитывая Лермонтова, буквально споткнулся на таких строках:

*Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...*

Не тот ли это Мятлев, книжечку которого я приобрёл в букинистическом? В примечании к первому тому сочинений Лермонтова сообщалось о том, что Мятлев Иван Петрович родился в 1796 г. и скончался в 1844 г. Выходит, он жил в одно время с Жуковским, Вяземским, Крыловым, Белинским, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем? Ещё были живы Державин, Карамзин, когда лирические и сатирические стихи и каламбуры Мятлева ходили по рукам. Их читали в светских салонах. И ещё я узнал, что этот русский поэт прославился остроумными макароническими стихами, основанными на ироническом смешении различных языков. Правда, определение «макаронический» мне было не совсем понятно. Даже толкование слова «макаронизм» в Словаре

Николай Фёдорович Блохин – родился в 1952 году в Ставрополе, окончил отделение журналистики Ростовского-Дону государственного университета и редакторское отделение Высшей партийной школы при ЦК Компартии Украины. Работал в средствах массовой информации Ставрополя, Волгограда, Луганска, Киева корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарём, был главным редактором газеты Алчевского металлургического комбината «За металл». Член Союза журналистов России. Автор книг «Река счастья» (1997), «Возвращение имени и чести» (1995), «Изгнание Параджанова» (2002) и др.

Живёт в Ставрополе.

Мятлев Иван Петрович

русского языка под редакцией А. П. Евгеньева не внесло ясности: «Иностранное слово или выражение, механически, в неизменном виде внесённое в речь». Ну, да Бог с ним, с макаронизмом!

Свою первую книжку Мятлев издал анонимно в 1834 году, в «малом числе экземпляров для друзей сочинителя». Но она, как и второй сборник лирики, изданный Мятлевым в 1835 году, не имела успеха. Известность приобрела другая его книга. В 1840–1844 годах поэт выпустил, опять же анонимно, свой главный и, пожалуй, самый талантливый труд «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже». «Сенсации...» имели шумный успех. Поэты, которые знали настоящее имя автора шуточных стихов, дружелюбно относились к Ивану Мятлеву. В. Г. Белинский, прочитав первую часть «Сенсаций...», причислил их «...к числу самых примечательных явлений типографского мира» (Полн. собр. соч., 1954. – Т. 5. – С. 165).

В 2006 году исполнилось 210 лет со дня рождения поэта. На эту дату не обратило внимания ни одно издательство. Дата не круглая. Да, и кто такой Мятлев? Когда в одном довольно известном издательстве Москвы я заговорил о Мятлеве, редактор попросила напомнить что-либо известное из его поэзии. Когда я прочёл начальные строки стихотворения «Розы», она воскликнула: «Так это же Тургенев!» Действительно, согласился я, эти строки приписывают Ивану Сергеевичу, многие считают, что это из его «Стихотворений в прозе». Не раз я встречал эту ошибку. Приведу конкретный пример. Открываю книгу Николая Яновского-Максимова «Последние годы Багрова-внука». Она рассказывает о жизни С.Т. Аксакова в Абрамцево. И в ней эпиграфом для одной из глав автор взял строки из стихотворения «Как хороши, как свежи были розы...», а подписано: И. Тургенев.

А, между прочим, сам Иван Сергеевич Тургенев пишет буквально следующее: «Где-то, когда-то, давным-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти, «Как хороши, как свежи были розы...» Вот так великий Тургенев, сам того не ведая, защитил память «невеликого» Мятлева. Правда, мне кажется, что Иван Сергеевич слухавил, когда писал, что позабыл имя автора. Скорее, это литературный прием. Ему он нужен был для написания очередного стихотворения в прозе.

Пушкин посвятил Мятлеву известное стихотворение «Сват Иван...», написанное «под Мятлева»:

*Сват Иван, как пить мы станем,
Неприменно уж помянем
Трёх Матрён, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь – будь что будь –
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трёх Матрён, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогам да вином,
Да ещё её помянем:
Сказки сказывать мы станем –*

*Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть –
Помянуть и этих нужно... –
Слушай, сват, начну первой.
Сказка будет за тобой.*

В фондах не только столичных, но и областных, краевых библиотек можно обнаружить сборники стихотворений Ивана Петровича Мятлева. Есть его книги и в Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова. Но «Сенсации...» Мятлева, хотя и издавались и даже вышли в 1969 году в Большой серии библиотеки поэта, основанной М. Горьким, сегодня – редкость. Правда, у стихотворения «Розы» другая судьба. Первая его строка послужила другому поэту Игорю Северянину для написания пронзительного по содержанию собственного стихотворения о нелёгкой судьбе России после октябрьских событий 1917 года:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.*

Именно эти две строчки видел я на надгробии Игоря Северянина в Таллинне, где он похоронен. Сегодняшнее поколение, глядя на разгул дикого капитализма в России и его вождей, ёрничает: «Как хороши, как свежи были рожи!» Впрочем, Ивану Мятлеву это, наверное, понравилось бы.

Мне иногда кажется, что если бы Мятлев написал только стихотворение «Розы», его всё равно следовало бы поставить в один ряд с великими поэтами России. Иван Петрович прожил жизнь не слишком долгую, но вполне благополучную, насыщенную событиями, в том числе и историческими. Когда Наполеон пришёл со своим стотысячным войском в Россию, Иван Мятлев записался в Белорусский гусарский полк. Корнет Мятлеву от роду было шестнадцать с половиной лет. Из армии демобилизовался по болезни. Служил по гражданскому ведомству. И дослужился до статского советника и камергера.

Прошение об отставке подал в 1836 году. Оно было удовлетворено. И тогда же отправился в большое путешествие по Европе. Вернулся в Россию и написал свою «Госпожу Курдюкову...» Позднее она была переделана в водевиль и дважды представлялась в Александринском театре. Многие стихи были положены на музыку. В народе большой популярностью пользовалась песня «Фонарики-сударики»:

*Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине...
Фонарики-сударики
Горят себе, горят.
А видели ль, не видели ль –
Того не говорят...*

Он – автор и лапидарно-разговорного «Нового года»:

*Весь народ говорит,
Новый год, говорит,
Что принёс, говорит,
Ничего-с, говорит,
Кому крест, говорит,
Кому перст, говорит,
Кому чин, говорит,
Кому блин, говорит...*

Не меньшей известностью пользовалась «Фантастическая высканка», она же «Таракан»:

*Таракан
Как в стакан
Попадёт –
Пропадёт.
На стекло
Тяжело
Не всползёт.
Так и я:
Жизнь моя
Отцвела,
Отбыла...*

Мятлева нередко называли шутком русской литературы. Провинциалы, приезжавшие в Петербург, непременно стремились попасть «на Мятлева». В литературных салонах, где выступал Иван Петрович, все друг друга знали и мило пошучивали. Он мог, не задумываясь о последствиях, посвятить абсолютно пустую фантазию генералу Ермолову. Однажды откликнулся на просьбу наследника, будущего царя Александра II. Последний, прочитав стихи Якова Грота: «Берегитесь; край болотный, град отравой переполнен...», попросил Мятлева защитить Санкт-Петербург. Так родились стихи: «Ужель ты веришь наговорам, сплетённым финнами на нас?»

И только над поэтом поднялась звезда литературной славы, он умер. Казалось бы, русская литература никогда не переживет эту потерю. Но впереди был Козьма Прутков, родившийся из лучей Мятлевской поэзии.

А закончить эту небольшую заметку о замечательном русском поэте мне хотелось бы строками из самого известного его стихотворения «Розы»:

*Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!*

*Как я берёг, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них...*

Возможно, кто-то захочет прочитать это стихотворение до конца, и возьмёт с полки томик Ивана Мятлева.

Сибила Алексова – родилась в 1984 г. в городе Перник. Окончила Литературный институт им. М. Горького, семинар О. Николаевой. Член Союза болгарских писателей.

Я возвращаюсь...

Встреча

Наши отцы, старые приятели,
сдабривают добротой нашу встречу.
Суровая погода прогнала молодых,
которые выпивали под открытым небом.

И, хотя мы росли бок о бок – не помню,
каким я тогда тебя видела.
Всякий встречный мальчишеский взгляд
швырял меня прямо в крапиву.

Тихо, безмолвно, по-детски танцевали,
Опуская ресницы, вплоть до колен.
С того времени и до дней сегодняшних –
вращаемся, как волчки,
всё в тех же песнях.

Я – устала от слепого скитания,
в поисках чуда. Я возвращаюсь.
А ты – мечешься между хлебом и книгой.
Узнал что о насущном, существенном?

Что-то ввысь без конца нас тянуло...
Шагаем стройные, резкие,
И заглядывают в наши души –
две пугливых улитки,
Чтобы скорлупки разглядеть.

Незнакомец живёт в доме моего отца.
Незнакомец живёт в доме деда.
Поддерживает крышу. Земля нас вращает.
Держит свет наш, чтобы не упал.

В самые лютые месяцы согревает
Кровь в жилах крова.
Поддерживает порядок, подметает пол,
Покупает хлеб и сахар.

Явился – из ниоткуда, молчаливый, вне возраста.
Шёл через село в рубашке.
Воскрес из снега, на дворе один, без устали.
ухаживал за нашими лозами.

На отце и на деде рубахи раскинуты,
торчат в небе и землю берегут.
А она, земля, в своих пазухах щедрых,
бережёт отца моего и деда.

В воскресный день возвращаюсь, как блудная кошка,
и останавливаюсь перед иконой своего детства.
При чужом человеке, как при воре в доме,
вхожу, как чужой человек.

Кукушка мне накуковала без монеты в кармане.
Но и без слезы в сердце, злобы и обмана.

Бабочка порхает, как разорванный вестник.
Всякий ищет, чем бы заняться на свете.

Сижу на земле, и до заката кукую.
Сыплю разные мысли – за одной – другую...

И душа моя полнится пылкая,
будто поёт под стеклянной бутылкой.

А где-то шумит дивный красочный мир,
в который меня не позвали на пир.

Верю в волшебное семечко – рядом зарыто.
Жду – прорастёт, пусть невидимо, скрытно.

Что-то хорошее впредь ожидает...
А вода всё течёт, а вода исчезает...

Перевёл с болгарского Всеволод КУЗНЕЦОВ

ПРОЗА

Елена СТЕРИОНИ

У зеркала

В огромную светлую комнату старинного дома врывается яркий солнечный свет, тёплый ласковый воздух и тонкий нежный аромат старых акаций, стучащих своими ветвями по стёклам высоких окон.

Уже позднее утро. Золотые лучи играют с изысканными гроздьями старинного хрусталя роскошной люстры. Её радужные блики падают на массивную английскую мебель чёрного дерева с крупными барельефами.

Вдоль одной стены расположился буфет, великолепный и мрачный, два этажа которого разделены сидящими львицами с изогнутыми линиями торса. А посередине комнаты, окружённый стульями с очень высокими и жёсткими спинками, словно задающими тон сидеть только прямо, стоит квадратный стол с тяжёлыми ножками в виде хищно оскалившихся львиных голов. Вся эта обстановка заставляет на минуту вообразить себя на рыцарском пиру, где все в одеждах из кожи и бархата. Вот слуги вносят в комнату и подают на стол громадные серебряные блюда, полные разнообразных яств... А мужчины уже разливают в высокие кружки душистый эль...

Эту непривычную, позабытую современником картину, смягчают прекрасные цветы, в большом количестве расставленные по вазам. Одни из них уже увяли, другие, свежие и благоухающие, наверное, принесены кем-то совсем недавно.

Но хочется поскорее стряхнуть с глаз это наваждение и перенестись в более позднюю эпоху.

Взгляд переходит на нарядный французский Бульвар, стоящий в другом конце комнаты. И невозможно не восхититься прекрасной работой, контрастом сортов дерева, отделкой из бронзы, изящными гирляндами цветов и вишен, чьи краски совсем не потускнели от времени.

На нём расположились прелестные фарфоровые канделябры пастельных тонов стиля рококо, между которыми остались лежать ветки засохшего самшита и давно увядшей розы. Быть может, трогательно сохранённые воспоминания?..

Рядом на двух высоких тумбах взгромоздились огромные вазы, украшенные венками лепных цветов, и девушками – музами, весьма добротной комплекции.

В стороне одиноко и немного сиротливо стоит рояль. Строгий, чёрный, элегантно, как денди во фраке и с тростью.

Елена Стериони (Ирина Игоревна Смолина) – окончила Московскую консерваторию по классу выдающегося пианиста, Народного артиста СССР Льва Оборина. В 1967 году на международном конкурсе имени Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже была удостоена Grand Prix и специальной премии за исполнение сонаты Бетховена. С той поры много гастролировала по стране и за рубежом. Выступала вместе с Евгением Светлановым, Равицким, Джорджеску, Дударовой, Ниязи, Зандерлингом и другими замечательными дирижёрами. Несколько лет преподавала в Алжирском национальном институте музыки. Автор книги эссе и рассказов «Частная история» (2010).

Живёт в Москве.

Эта мешанина стилей и эпох говорит скорее об отсутствии строгого вкуса, нежели возможностей, а может быть, и о равнодушии хозяйки к окружающей её реальной обстановке, которая больше напоминает театральные декорации, по чьей-то воле собранные в одном месте. А может быть, мир иллюзий и воображения есть более привлекающий и желанный для неё мир, мир, который и есть её реальность?

А вот и она сама. Дверь открывается, и из соседней комнаты выходит женщина. Она только встала, ещё в ночной рубашке и пеньюаре, волосы не прибраны. Глубокий кашель выдает страстного курильщика, а худоба и впалая грудь – нездорового человека. Глаза ещё не привыкли к яркому свету. И вдруг неожиданно лёгкой, почти молодой походкой, она идёт к зеркалу. Гордо поднятая голова, изящный поворот шеи заставляет забыть о возрасте. Она пристально вглядывается в отражение и... ужас отражается на её лице. Брови сдвинулись в гневе на природу, на её беспощадность и безжалостность. Но женщина быстро справляется с минутной слабостью. Слегка дрожащими руками нервно расчёсывает всё ещё густые пышные волосы. Затягивает их жгутом. Идеальные черты лица не нуждаются в ухищрениях прическами.

Начинается утренний ритуал, напоминающий торжественный туалет королевы. Вокруг суетятся люди, подают одно, другое. Что-то капризно отвергнуто, другое принимается, как должное. Да она и есть королева. Ведь это она выходила на сцену и заставляла трепетать затаившийся зал от гневных реплик Медеи, погибать вместе с чистой и юной Юдифью, своей красотой очаровывала и обольщала не только героев пьес и экранов, но и живых людей в зале, на улице, в жизни. Она впитывала этот восторг толпы, дающий ей так много сил, и щедро возвращала его людям. Все эмоции выплескивались до дна, без остатка, с избытком, до мокрого платья, не просыхающего сутками, до нервного изнеможения. К её ногам бросали цветы, дары, объяснения в любви. Она была прекрасна...

Её глаза отрываются от зеркала, взгляд поднимается выше, где в раме висит её фотопортрет. Она долго с укором смотрит на него. Боже! Неужели всё ушло? Так быстро, а ещё недавно... как будто вчера...

И эти чарующие глаза невинной девушки, капризный и чувственный рот, созданный для страсти и поцелуев, нежный овал лица и прелестные округлые плечи.

Сколько слов восхищения, хором звучащих в ушах, прекрасных букетов и подношений, мужских взглядов помнит и ощущает она до сих пор. Что надо ещё женщине? О, как трудно это отгадать.

Постоянство одного? Но их так много. Благородство другого? Но не есть ли это покровительство, претензия на собственность, кабала. Ребёнок!!? Да, безусловно, но... Где тот единственный, который оценит жертву, отказ от самой себя, от этого всепоглощающего огня сцены, который притягивает к себе, как свет лампы ночного мотылька.

И, наконец, главное. Как узнать, кого мужчина любит: реальную живую женщину или актрису, которая только что, оттуда, с подмостков пленила его сердце?

Ритуал продолжается. Крем, карандаш, пудра, немного помады. Никаких украшений. Аскетизм безупречной красавицы, богини, которой не нужны побрякушки. Её взгляд всё ещё остаётся властным, глаза полны энергией. Порой уже энергией воспоминаний. Увы... В одной руке дрожит угасающая сигарета, другая перебирает горы фотографий, калейдоскоп киноролей, ролей в театре. В них вся её жизнь. Как это сохранить, записать, успеть рассказать, не дать уйти в забвение...

На лице мелькает улыбка задумчивости, сожаления о чём-то давно ушедшем. На секунду загорается счастливый огонь в глазах, как отражение запечатлённого мгновения, но из груди вырывается вздох, глубокий и горький до слёз.

Какой тяжёлый труд, отдача всего себя и как мало остаётся. Она показывает фотографии, газетные вырезки, статьи кому-то, но ещё больше перебирает их для себя самой, чтобы не потерять связи с той юной и сверкающей, чтобы набраться сил для совсем другой реальности, наступающей с возрастом.

«Всё-таки какая у меня была интересная жизнь!», – с интонацией удивления говорит она.

Что в этих словах? Желание подавить в самой себе свои сомнения? Или, действительно, чувство удовлетворения? Разве можно сказать точно?..

Жажда жить и глубокая усталость, понимание, что молодость ушла безвозвратно и уверенность в себе, данная властью красоты и таланта, физическая слабость стареющей женщины и не угасший темперамент актрисы, воля очень сильного человека в его нежелании сдаваться перед неотвратимым бегом дней. Всё смешалось здесь клубком.

И только глубокие складки на лице остаются неизменными. Они, пожалуй, единственные зримые результаты тех страстей, которыми жила эта женщина и в жизни, и на сцене.

Какая из этих двух жизней была настоящей?

И знает ли это она сама?

Бог весть.

Жизнь прекрасна

Когда в бархате и серебряном мерцании тёмной южной ночи ты стоишь на палубе парохода, тебя окутывает таинственное дыхание моря, могучего и нежного, наедине с которым начинаешь ощущать вечность. Неяркие огни горизонта довольно долго кажутся продолжением звёздного неба. Затем они становятся всё крупнее, всё ярче; и вот очарование рассеивается, а береговые очертания вырисовываются совсем рядом, чётко и почти неожиданно. Медленно причаливая к молу, сияющий корабль, как праздник, случайно посетивший давно уснувший город, заходит на стоянку.

Сходить на берег уже поздно и под убаюкивающий плеск лёгкой волны остаётся только смотреть за борт.

Там, лучи иллюминаторов, отражаясь в воде, высвечивают стаи рыб, в основном мелких, кружащихся и танцующих. Они, как по чьей-то неслышной команде, резко и одновременно поворачиваются, меняя направление движения. Эти загадочные хорюды, словно отрететированные балетные номера, настолько завораживают, что забываешь обо всём, теряешь ощущение времени и как будто погружаешься в глубину чёрных ночных вод, пока не начинает рябить в глазах и немного укачивать.

Крепко зажмурившись, пытаюсь унять головокружение и отойдя от борта, устав любоваться таинственным, так и непонятым царством рыб, уносишься далеко, в яркий летний полдень, в густую траву, на дышащую покоем и теплом землю, в сладкий запах клевера, медуницы, кислотоватой мяты, очаровывающих своей синью колокольчиков. А в ушах стоит монотонный, притупляющий слух звон цикад, очень редко когда затихающих. Это совсем как виртуоз-дудукист, умело переводящий дыхание, не делающий пауз, тянет ногу. Задумчиво покусывая травинку, ты следуешь глазами за затейливыми виражами пчёл, кружащихся и жужжащих над разнотравьем. Тебе и не приходит в голову, что у каждой из них своя работа, своя дорога от цветка к цветку. Тебе кажется, что это дружное сообщество призвано всего лишь украсить место человеческого обитания, и ты совсем не замечаешь исчезновения вдруг какой-либо особи. Ты их не считаешь.

Вот когда в осеннем лесу, шуршащем скрученными золотисто-красными листьями, греясь в последних нежных лучах солнца, вдруг замечаешь, как вокруг трухлявого пня, от скопления муравьиного роя, шевелится земля, тогда, быть может, тебе яснее видны индивидуумы, схватившие и тащащие что-то полезное. Но вряд ли тебя это занимает. Лёгкий, почти неуловимый шорох не касается твоего слуха, а раздавив ненароком нескольких трудяг, ты не испытываешь мук совести. Наши миры так далеки друг от друга. Они почти не соприкасаются.

Но может, где-то очень высоко, в бесконечности неба, глядя со звезды вниз кто-то наблюдает за нами – людьми, как мы за пчёлами, рыбами, муравьями? И мы тоже кажемся ему забавными букашками, движущимися, как в ускоренной киносъёмке. Это и в самом деле смешно. И тот далёкий зритель видит уже только стайку, группу, не различая отдельную личность, Человека. И когда кто-то выпадает из этого

движения, исчезает, то Наблюдатель не огорчается. Общая линия чудесного спектакля не прекращается. Главное, чтобы им можно было любоваться постоянно. Ведь, это так красиво – жизнь! Она вечна и прекрасна. В своей жестокости. Как вчера, так и сегодня.

Уже несколько дней, как наконец радостно светит солнце, одаривая всех, если не теплом, то лаской, энергией пробуждения, в сочетании с негой жмурящегося кота.

Груды скопившегося за зиму грязного снега и льда, уже и не похожего на снег, а больше на что-то отжившее, отслужившее, постепенно подтаивают, а дворники раскалывают их ломом, ускоряя естественный процесс. Талая вода течёт по обочинам дорог, образуя струйки, ручейки и большие лужи, заставляя прохожих осторожно переступать, высккивая мели. С крыш слетают прозрачные сосульки, нешуточно грозя своими острыми стрелами, разбивающимися звонко и весело об асфальт. По проталинам и клумбам уже скачут беспечные воробьи, а бродячие собаки, грязно-бежевого цвета, сладко перекатываются по освобождающемуся от снега пространству, вдыхая запахи просыпающейся земли.

Девушки мгновенно преобразились, сбросив с себя утомительную тяжесть зимы и переодевшись в короткие цветные курточки и пушистые блузоны, мелькая открытой территорией талии, как того требует безжалостная к северянкам мода.

Молодые люди, почти равнодушно и даже скептически скользят взглядом по этому суррогату гаремного стиля, так мало сочетающемуся с городским темпом, давкой в метро, бутербродом на ходу и синеватой, как у оципанного цыплёнка, кожей. Бедные девочки! Природа требует своего, а жизнь заставляет «стереть границы между мужчиной и женщиной». А нужно ли? Недаром мудрый Восток скрывает женщину паранджой и шальварами. Красота и обыденность несовместимы, только недостижимое привлекает и манит.

Всё убыстряющийся темп времени меняет лицо улицы. Ещё совсем недавно люди были спокойны, уверены в завтрашнем дне, романтичны, немного инфантильны и не практичны, тоскливо-мечтательны и очень похожи друг на друга. А сейчас трудно узнать город. Он стал совсем другим, совсем чужим, повзрослевшим, жёстким и жестоким; с постаревшими юными личиками, безжалостно покрытыми толстым слоем штукатурки, с глазами ожидания и неуверенности, заставляющей в итоге надеяться лишь на самих себя.

Молодые мужчины, юноши заметно возмужали, распрямились, появились даже осмысленность и одновременно трезвый цинизм в глазах, чего раньше не наблюдалось у тех, кто сидел под уютным крылышком безгранично любящей мамочки. Но на кого безумно тяжело смотреть – так это женщины переходного возраста, так называемого «возраста эlegantности».

Вот две подруги едут в метро. Они ещё держатся, стараются выжить, обеспечить себе средства существования. Но их внешний вид говорит сам за себя. Стоптаные башмаки с тупыми носами, явно невысокого качества, пальто, потерявшие форму, купленные ещё при раннем Горбачёве, обгёртые по углам сумки, как всегда чёрного цвета. У одной в руках книга, которую она, по привычке молодости, пытается читать. Но усталость берёт верх, книга скользит на пол, она, вздрагивая, подхватывает её. Лицо бледное, смятое, без каких-либо признаков красок, как естественных, так и искусственных.

Глаза потухшие. Вместо интереса к окружающему в них застыло выражение удивлённого непонимания и растерянности. Они давно уже махнули на себя рукой, эти женщины. Но их привычные плечи ещё тянут свой тяжкий груз. Долго ли?.. Рано или поздно кто-то выбывает из этого крутящегося колеса и сходит с жизненной дистанции. Оставшийся в живых, тот, кто был близко, мечется и теряет ориентиры. Титанический сдвиг происходит в сознании, ведь человек – существо общественное и вне своего привычного круга существовать не может...

Вокруг стремительно несутся поезда, люди, машины, кварталы домов, стандартных, безликих... Но нет рядом того, кто светил для тебя. А вписаться во что-то новое,

присоединиться к новой стае, группе не получается. И уже не хочется. Ты остался наблюдателем, сторонним, отчуждённым, неспособным к обновлению. Нет уже того огня, который жизнь дарит только раз. И чем сильнее и жарче был этот огонь, тем более тусклым и бесцветным кажется теперь всё кругом.

Тебя возвращает в прошлое, топчет в замкнутом круге былого, погружает в воспоминания настолько, что ты ими и живёшь, почти не замечая сегодняшнего дня, или живя параллельными жизнями, машинально цепляясь за что-то привычное.

Оглядываясь вокруг, ты видишь мчащийся людской водоворот, бурлящий и клоко-чущий совсем рядом, но без тебя. Грозный поток всё больше теснит и выталкивает тебя к обочине. Ты, как половинка разорванного письма, и потому лишённого своего смысла. Да, ты ещё бредёшь, но шаги всё медленней, всё трудней. Сколько их ещё? А важно ли это? Ведь жизнь продолжается, она так прекрасна!?

ПОЭЗИЯ

Василий ЛУГОВСКОЙ-ЛЕСКОВСКИЙ

Василий Луговской-Лесковский (Василий Николаевич Богачёв) – родился в 1945 году в деревне Старое Лесково Калужской области. С пяти лет проживает в подмосковном посёлке Луговая. Отсюда – Луговской-Лесковский. Окончил семилетнюю школу, Лобненский техникум, машиностроительный институт, аспирантуру; кандидат технических наук. Работал на заводе, в КБ, в НИИ, и вот уже более тридцати лет – преподаватель МГТУ им. Н.Э. Баумана. Впервые стихи опубликованы в 2003 году; к настоящему времени – участник двадцати сборников стихов.

Живёт в городе Лобня.

Сердца по-прежнему искрятся...

Кружева, кружева чёрно-белые
Мастерица зима понаделала:
Паутинки ветвей – нитки чёрные,
Ниток белых метели проворные
Наплели, намели в изобилии
Да пушистым припудрили инеем.
Кружева эти дивные, сказочные,
Завораживающие и загадочные.
А узор – вроде прост, но он – сложный,
Человек повторить вряд ли сможет.
Кружевницы – девицы из Вологды
Вы не опытные, вы же молоды,
Перенять мастерство не желаете?
А то грянет весна, опоздаете.

Люблю я дождь, не летний, не грозу,
Осенний дождик мелкий нудный,
Когда роняет жёлтый лист слезу,
И сбрасывает лес наряд свой чудный.

Зонтом укрывшись медленно бреду,
Переполюняв непонятым чувством,
И подбираю рифму на ходу
К своим стихам возвышенным и грустным.

В промокшей роще воздух чист и свеж,
Здесь тишина, спокойствие и благодать,
Воображение рисует мир надежд,
И благолепие в душе рождает радость.

А где-то шумно суетятся города,
Там мир страстей сердца испепеляет,
И мне не хочется отсюда никуда,
Здесь лес осенний, словно доктор, исцеляет.

Гуляет в небе юный месяц,
Когда весь мир земной уснул,
И звёзды-девки куролесят,
Видать готовясь к Рождеству.

В неярком свете дали тают,
Загадкой тянут, как магнит,
Пусть тени чёрные пугают,
Но поле снежное манит.

Снега мерцают светом синим,
В полях – простор и темнота,
И завораживает сильно
Ночная эта красота.

Блестит, сверкает и искрится
Заледенелый санный путь;
Под Рождество совсем не спится,
Уйду я в ночь куда-нибудь.

День в октябре. Прозрачный, чистый –
И лечит воздух и бодрит,
Деревья сбрасывают листья,
И на земле ковёр лежит.

На древе лист не шелохнётся,
Застыли ветви в вышине,
И птичья трель уже не льётся,
Природа дремлет в тишине.

И солнце яркое сияет
В зачёт последних ясных дней,
И пруд зеркальный отражает
Осенний мир в воде своей.

Осели пышные сугробы
И почернел пейзаж лесной,
Деревья шубы сняли, чтобы
Пристойно встретиться с весной.

Уж ветродуй-февраль в дороге –
Уходит, потеряв азарт,
И появился на пороге
Капельнозвонкий месяц март.

Распустились золотинки,
Засиял зелёный луг,
Словно солнце по тропинке
Прогуляться вышло вдруг.

Зайчик солнечный припрыжку
От цветка к цветку бежит;
Припекает, но не слишком,
Над землёю пар дрожит.

Целый день не умолкает
На лугу шмелиный бас –
Лепестки цветов ласкает
Шмель, как женщин ловелас.

И девчонки озорные
Яркие венки плетут –
Май, денёчки золотые,
Одуванчики цветут.

Среди житейской кутерьмы
Случайно оказались близко,
Меж нами проскочила искра,
И стало ясно: это – мы.

Без колебаний приняла
Тогда моё ты предложенье,
И не считала униженьем,
И всю себя мне отдала.

Прошло уже немало лет,
Но не желает связь прерваться,
Сердца по-прежнему искрятся,
И в этом наш большой секрет.

Во имя любви и долга

Декабризм – особая страница в истории Российского государства. Блестящие победы и благородная миссия России – спасительницы Европы в Наполеоновских войнах – вызвала вспышку патриотизма. Для нашего Отечества это была эпоха национального возвышения. Прогрессивно мыслящие представители дворянства ощущали необходимость перемен. Истоки их патриотизма заключались в любви к своей родине и своему народу. На облегчение положения людей были направлены их помыслы и дела. Они считали, что народ, спасший Россию и Европу от Наполеона, заслуживает лучшей участи, и что нужно от монархии перейти к конституционному правлению.

Главное – декабристы хотели отмены крепостного права и создания справедливого общества, перед законом которого все граждане будут равны и им будут гарантированы основные гражданские свободы: слова, печати, собраний, передвижения, выбора занятий, вероисповедания. Также они хотели создания закона о земле, равного для всех гражданского суда, уменьшения срока службы солдат, мечтали покончить с бедностью.

Они заплатили молодостью и даже жизнью за попытку преобразования России. Конечно, с позиции сегодняшнего дня деятельность и судьбы декабристов могут вызвать неоднозначные суждения. Но наследие, оставленное ими в политике, литературе, просвещении, экономике и науке очень велико.

Одиннадцать женщин, которые добровольно последовали за ссыльными на каторгу в Сибирь (Читинский острог и тюрьма Петровского завода), разделили участь своих мужей и избранников. Эти женщины высочайшего нравственного долга отвергли увещевания и угрозы царского двора, уговоры родственников и выдержали все унижения и оскорбления чиновников. Женщины не только помогли скрасить жизнь своим мужьям, но своим поступком вызвали большой общественный резонанс. Во имя любви и долга разделили с декабристами все тяготы жизни на каторге и в ссылке.

Первой в Читку приехала Александра Муравьёва (урождённая Чернышёва). Её муж Никита Михайлович Муравьёв, имея демократические и антикрепостнические взгляды, являлся одним из основателей декабристских обществ. Задолго до вынесения приговора она хлопотала о разрешении разделить участь мужа, который потом был приговорён к двадцати годам каторжных работ в Сибири. Александре Муравьёвой пришлось оставить

Зинаида Петровна Фомина – родилась в Москве. Окончила МГАКХиС и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Выпустила две книги «Она» и «Милосердие». Печаталась в журналах, альманахах, сборниках и СМИ. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член совета общества «Наследие декабристов», государственный стипендиат Министерства культуры России по категории «Выдающиеся деятели культуры и искусства» за 2003–2005 гг. Живёт в Москве.

троих детей и подписать жёсткие условия, согласно которым она теряла дворянство, имущественные и наследственные права, а дети, рождённые в Сибири, должны были стать казёнными крестьянами. Перед самым отъездом её посетил четвероюродный брат Александр Сергеевич Пушкин. По его просьбе, она, не боясь возможного наказания, привезла в Читту послание поэта декабристам – «Во глубине Сибирских руд...», а также стихи – «Мой первый друг...» его лицейскому другу Ивану Пущину.

Княгиня Мария Волконская (урождённая Раевская) – ещё одна женщина, достойная восхищения. В 1820 году на неё обратил внимание уже известный тогда поэт Александр Пушкин во время их совместного путешествия к Чёрному морю в обществе её отца генерала Н.Н. Раевского. Существовала версия о чувстве любви в их сердцах. Она всю жизнь берегла сердоликовый перстень, который получила в подарок от Александра Сергеевича.

В 1825 г. Мария Раевская стала княгиней Волконской, выйдя замуж за князя, потомка Рюриковичей и прославленного генерала – героя войны 1812 года Сергея Григорьевича Волконского.

С.Г. Волконский был осуждён Верховным Уголовным судом к смертной казни, указом Николая I наказание было смягчено до первого разряда с двадцатью годами каторги с последующим вечным поселением в Сибири. Родные были против её решения ехать к мужу. Отец кричал: «Я тебя прокляну, если ты через год не вернёшься». Однако она поехала, оставив недавно родившегося сына. (Царь запретил брать с собой детей).

Вот имена других жён декабристов, которые вошли в историю России: Елизавета Нарышкина (Коновницына), Екатерина Трубецкая (Лаваль), Прасковья Анненкова (Гебель), Камилла Ивашева (Ле-Дантю), Александра Ентальцева (Лисовская), Наталья Фонвизина (Апухтина), Александра Давыдова (Потапова), Мария Юшневская (Круликовская), Анна Розен (Малиновская).

Александр Одоевский посветил им свои строки:

*... И вестницы благие Провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам с улыбкой утешенья
Любовь и мир душевный принесли.*

В 1850 году через Тобольск, где жили на поселении некоторые декабристы с жёнами, проходила партия осуждённых на каторгу петрашевцев. Среди них был Ф.М. Достоевский. В «Дневнике писателя за 1873 год» у Фёдора Михайловича можно прочитать: «Мы увидели этих великих страдалцев, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чём неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осуждённые мужья».

Там на сибирских землях им пришлось мириться с холодом, с плохими условиями быта, с болезнями и лишениями. Но они научились поддерживать друг друга, помогать всем и мужественно и стойко выживать.

*... Найдём мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем...*

Так писал о них Николай Алексеевич Некрасов в поэме «Русские женщины».

Неоценим вклад, который внесли декабристы и их жёны в жизнь Сибири – дикого тогда края. Создавали школы, распространяли знания, просвещение, передовые методы хозяйствования, обучали грамоте, лечили больных, доставали лекарства, поднимали культуру. Такая высокая нравственность и героизм не имеют больше примеров ни в России, ни в других странах.

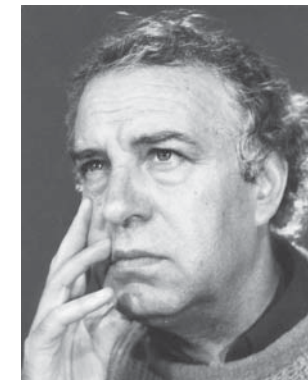
Ныне, в современной России, прекрасные качества жён декабристов – верность, долг, смелость, христианская любовь к людям, самоотверженность – могут послужить примером для воспитания молодёжи в духе высокой морали и научить её чуткому отношению друг к другу, в семье, в обществе.

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Таньо КЛИСУРОВ

Таньо Клисуров – родился в 1944 г. Живёт в городе Стара Загора. Был главным редактором журнала «Горизонт». Автор поэтических сборников. Лауреат литературных премий. Почётный гражданин Старой Загоры. Член Союза болгарских писателей.

...Жизнь не стояла на месте...

Всю ночь напролёт...

Лифт, не переставая, всю ночь тарахтел,
спать не давая мне.
Кто-то к Господу, видно, попасть хотел,
а кто-то в подвал, к Сатане.
Я пережил. Почти фатально.
И не попал – ни в Рай, ни в Ад,
А остался в нашей реальности,
вчера – второй раз пострадал подряд:
властолюбцы, с торжественным аккордом
новую эру провозгласили,
уже вторично некая бездарь, орденом
украшенная – чихнула, что есть силы;
и вновь – неожиданный счёт за свет,
за воду – отчего голова моя взорвалась,
и, между рёбер, как в клетке,
снова сердечко моё заметалось...
Лучше бы было тронуться также,
ну, хотя бы, в Ад, к казану,
где б, под покровом семейным даже,
стоял и воочию зрел Сатану.
И каждый дровишек подбросить хотел,
чтоб этого мира не видеть всем вместе...
А лифт – он, всё также, всю ночь тарахтел.
В сущности, – жизнь не стояла на месте.

Признаю

Да, сынок не похож на меня.
Менталитет у него иной.
В обществе – солидные изменения.
Так что себя не нашёл сын мой...

Поэты не читают при ночном свете,
не глядят ТВ-новости страстно,
и по-прежнему также в ответе
за коня своего царства.
Такой уж: прагматичный, разумный,
и подводится черта, не зря...
Наверное же, выгляжу игуменом
некоего глухого лесного монастыря.
Но признаю: созерцаю я пламя своё
в глазах его (как объяснить сполна),
когда в праздничном воздухе вновь поёт
наша Старая планина...

Послушай меня

Существует нечто опасное
в нашем прозябании тупом,
в котором, единственно, песни лёгкого характера,
имеют права.
И так – день за днём, –
молодость, а за ней старость, пробегает с топотом...
Ты отвечаешь: «Ну, и что из этого? – Жизнь такова».

Я не могу быть доволен,
что довольствуюсь одними огрызками,
а ложью, с обещаниями пустыми,
замазываются гневные слова.
Десятки раз нас обманывали уже,
ожидая доверия быстрого...
Ты отвечаешь: «Ну, и что из этого? – Жизнь такова».

Но и ты, потерпевший сам,
потому ли ты терпишь – планида такая?
Видишь: дети твои также колются,
а во рту дымится трава.
И твой дом, как и дни твои, – словно горная хижина –
держат только их шаткие сваи...
Ты отвечаешь: «Ну, и что из этого? – Жизнь такова».

Не смотри на меня с усмешкой,
слова глухому декламировать не собираюсь.
Не отворачивай в сторону от обид головы!
Так постепенно с тобой, одинаково, мы умираем.
Знай, что кто-то скажет ещё под конец: «Ну и что из этого?
– Судьбы, видать, таковы».

Димчо Дебелянов

Когда вишни цветут, когда тут
стало меньше людей – одного убило,
от чёрных песен, едва уловил я звук,
или же светлая вера меня посетила –
я вспоминаю твоего Поэта, отечество.

Не громогласен, не лидерством занят был,
но, при этом, и тих, и честен.
Имя Поэта – Димчо, фамилия – Дебелянов.
Он – подпоручик, не генерал,
но повёл он войска, на коне, с саблей.
Не могу представить, чтобы Поэт наш сдал,
и десницей, не сильной, а слабой,
лист держал и стихи читал
своим бородатым воинам.
Да, они на него смотрели признательным взглядом.
И я бы также слушал, под дождь свинцовый,
если бы был одним из них, рядом...
Сегодня, среди говорильни, страх одолевает порой.
Дай Боже, чтобы не смолкли его слова...
А с болтунами не смешивать голос свой.
И пусть обо мне утихнет молва,
а проще – поэта забудут прямо...
Но тих я и честен как сам Дебелянов.

Перевёл с болгарского Всеволод КУЗНЕЦОВ

О Есенине

Так случилось, что жизнь свела меня с одним интереснейшим человеком. Дядюшка моей жены, Борис Васильевич Прокахин, был родом с окских есенинских просторов.

Родившись в начале двадцатого века, он прожил долгую жизнь, закончив её в самом начале двадцать первого, был профессиональным кинооператором, в том числе Центрального телевидения. Его рассказы, фотографии и кинофильмы притягивали, восхищали и манили в неизвестные дали. Борис Васильевич был первым у кратера метеорита только что упавшего в горах Сихотэ-Алиня. Снимал эпизоды охоты аборигенов Камчатки и Дальнего Востока, прошёл и проехал всю Среднюю Азию и Сибирь, в том числе ездил по сибирским просторам вместе с выездной редакцией «Литературной газеты». Всего не перечислишь.

Под впечатлением его рассказов я и сам потом пешком и на байдарке совершал походы в эти и другие места России.

Борис Васильевич был увлечён поэзией. Особенно ему нравились стихи Сергея Есенина. Полюбил его стихи тогда, когда был запрет на поэта. Поэтому это увлечение Бориса Васильевича для него закончилось увольнением с работы, с формулировкой «за связь с семьёй Есениных». А было это так.

По заданию Рязанского павильона ВСХВ в 1952 году он снимал в Константиново школьников,

Изба в селе Константиново Рязанской области, принадлежащая Есениным

Геннадий ЖАРОВ

Геннадий Петрович Жаров – родился 23 августа 1936 года в Москве. В 1959 году окончил МАТИ. Работал инженером на заводе «Союз». Продолжает работать по специальности в ООО «АвиаМоторс». С 1962 года и по настоящее время занимается спортивным водным туризмом, мастер спорта, в 2011 году ему присвоено звание «Заслуженный путешественник России». Был руководителем Люберецкого клуба туристов, Председателем Федерации туризма Московской области. Автор поэтических сборников «Стихотворения» (2000), «Остров блаженства» (2010). Член Союза писателей России. Живёт в Люберцах Московской области.

вырастивших чудо овощи. Завернул к избе Есениных. Здесь он встретился с матерью поэта Татьяной Фёдоровной, его сестрой и племянницей. Разговор шёл о Сергуньке, о его детстве, о пожаре избы и сгоревших вещах, которые могли бы послужить будущему музею его имени. На деревянной перегородке висела фотография в скромной рамочке. На фото – Сергунька с любимой сестрёнкой в костюмчиках «нэпманских» времён на фоне ресторана «Яр». Борису Васильевичу удалось снять короткий фильм и сделать фотографии. Эти фотографии публикуются впервые. Встретили и проводили Бориса Васильевича любезно, пригласив посетить другой дом семьи в Сходне, дав адрес. Посещение Есениных не осталось незамеченным, что в те времена было обычным...

Когда я начал писать стихи, то темы есенинской поэзии стали близкими и мне.

Для меня, я думаю и для других поэтов, только вдохновения недостаточно, чтобы написать стихотворение. Надо для себя «защитить диссертацию» по теме стихотворения. А для этого необходимо знать всё, что уже написано поэтами до тебя, чтобы не повторяться. Сочетание новых образов, ритмов и знаний техники стихосложения и рождает неповторимую гармонию стиха. Однажды такие сравнительные поиски привели меня к неожиданному открытию.

Из ранних стихов Сергея Есенина стихотворение «Выткнулся на озере...», написанное в 1910 году, когда автору было всего 14 лет, стало визитной карточкой поэта. В то время он учился в учительской школе в Спас-Клепиках, где старшим учителем был Евгений Михайлович Хитров – преподаватель словесности, первый литературный наставник поэта. Именно ему Сергей показывал свои первые стихи, с ним их правил. Эти стихи в основном были подражательными: Лермонтову («Звёздочки ясные, звёзды высокие...»), Кольцову («Хороша была Танюша...», «Заиграй, сыграй тальяночка...»), Некрасову. В них звучали также фольклорные мотивы: («Подражание песне...», «Под венком лесной ромашки...»), были романтические эпизоды деревенской любви, которые не всегда соответствовали личному опыту поэта. Звучали слова местного рязанского колорита (карогод, роща саломаткой и др.), песенные мотивы, которые он с раннего детства слышал от матери – лучшей певуни в округе.

Как считают исследователи творчества Сергея Есенина, самостоятельный подход молодого поэта к лирической теме обозначился в стихотворении «Выткнулся

Мать С.А. Есенина – Татьяна Фёдоровна. 1952 г.

Мать С.А. Есенина – Татьяна Фёдоровна. 1952 г.

на озере алый свет зари...». Сам Сергей был под впечатлением этого стихотворения и многократно читал его товарищу по Константиново Николаю Сардановскому. Его стихотворение отметил и профессор П. Сакулин, которому в Москве представлял свои стихи поэт. В строках как акварелью нарисованы образы и угадывается характерное для всей есенинской лирики «буйство глаз и половодье чувств». Откуда в столь юном возрасте такие яркие образы и зрелые стихи?

Однажды, читая сборник стихов И.С. Тургенева, (а он был мастером великого русского слова!), я натолкнулся на стихотворение «Русская». Ритмика его и отдельные фразы, написанные в 1840 году, мне напомнили известное стихотворение Есенина 1924 года «Письмо к женщине». Вот что написано у Тургенева:

«Вы говорили мне – что мы должны расстаться»;

Далее через восемь строк:

«Я Вас любил – меня вы не любили...».

А вот что написано у Есенина:

*«Вы говорили:
Нам пора расстаться...»;*

И далее через семь строк:

*«Любимая!
Меня вы не любили...».*

Я решил ещё поискать взаимосвязи слов и образов в творчестве Тургенева и Есенина. Для тех, кто пишет, – не секрет, что одно слово или мысль, прочитанные у другого, а тем более любимого автора, могут стать темой для своего самостоятельного стихотворения.

Читаю в «Записках охотника» Тургенева в рассказе «Ермолай и мельничиха» такие строки:

«Алый свет зари скользит по стволам деревьев...»;

И чуть ниже:

«Все птицы спят... где-то печально прокричала иволга...».

Не это ли прообраз начала стихотворения «Выткался на озере алый свет зари...»? А потом появились и другие сравнительные находки.

Не знаю как для исследователей поэзии Есенина, а для меня стало ясно, что к истокам его творчества был причастен и великий русский писатель, которого он прилежно изучал в учительской школе и обращался к нему в дальнейшем...

ПОЭЗИЯ

Алексей ЕВДОНОВ

Алексей Николаевич Евдонов – родился в Москве. Участник Первого Всероссийского съезда молодых писателей, именной стипендиат Президента Российской Федерации. Член Союза писателей России с 1997 года. Автор трёх книг стихов. Лауреат литературной премии имени Н. А. Некрасова. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008–2010 гг.» Живёт в Москве.

Хмелели мы дыханием весны...

Поэту

*Среди бессмысленного пира
Слышней всё реже гаснущая лира...*

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Николай Рубцов

Нас мало – звонких и крылатых –
В забвенье... – смолкнувших давно!..
А Русь... – Зачем мне не дано
Лучом скользнуть в её закаты?
Коснётся ль уст её неозлобимых
Жених Пресветлый?! – Там наверняка
В венок Поэзии – цветком неповторимым –
Твой стих влетит незримая рука!
А мне не суждено в краю весеннем
Быть даже лепестком того венка,
Ни первым ливнем, ни чужим весельем,
Ни ветром в мокрых лозах ивняка!
И счастлив, кто глядит в твои долины,
С молитвой на заре уходит вдаль! –
Зовёт и кличет светлую печаль
На голос лиры из твоей чужбины...

К России

Хмелели мы дыханием весны –
Мы бредили её приходом!..
– Что, Родина? – Ужели это сны?
Ужели не отыщем брода?! –

Ужель, Россия, ни одна гроза
Не смое ливнями с покорного народа
Ни эти скорбные, усталые глаза,
Ни лица хмурые, ни думы без исхода?!

Русский Самсон

*Спившемся романтику и поэту,
мукомолу Кондратию Солёному*

Тяжко!..
Мелют вальцы стальные.
Гложет, душит тебя недуг...
Ах, постой! Я расслышал вдруг
Среди грохота звуки иные!

Слышишь! – мерно журчит река,
Старый жёрнов стучит слегка... –
Это Время – мельник скупой –
Мелет души, пылит мукой!

Что ж про вечный запел покой?! –
Скоро дням потеряешь счёт!
– Жизнь?!.. – зажатая тесной трубой, –
Под землёю! – река течёт...

Но очнёшься! И вдруг поймёшь:
В этой жизни – увы! на краю –
Ты, безропотный, мелешь рожь... –
Кто-то мелет судьбу твою!

Мы видим свет

Триптих

1

Сквозь неизбежность пораженья
Мы видим свет.
– Потерянное поколение!..
– А если нет?!

2

Русскому герою

«Радуйтесь, ибо Я победил мир».
Ин. 16:33

Из тьмы и праха ты восстал! –
На голос чести
Душа воскресла, смертью смерть поправ! –
Не для корысти и пустых забав,
А для молитвы и Великой мести!

3

Не заискивай!

Дорогу к славе не отыскивай! –
Глумливой, – ты не нужен ей.
И перед смертью – не заискивай!
И перед жизнью... – Не робей!

ПРОЗА

Ирина ШАТЫРЁНОК

Преодоление

Как часто одолевает меня чувство вины. Оно подступает внезапно, обычно к вечеру, но я-то знаю, что вся эта виноватость копилась во мне давно, медленно нарастая, и это запоздавшее, откуда-то исподволь свалившееся на меня чувство, совершенно ненужное, расслабляет меня, обнажая во мне потаённые страхи и давно забытую жизнь. Лучше назад не оборачиваться, потом будет больно, стыдно, и станет так невыносимо тоскливо, и что-то внутри будет болеть, как свежая живая рана.

Это мучительное состояние взрослого человека, в котором продолжает жить маленькая девочка. Она всё помнит. Маленькая девочка лет шести, с пушистой челкой светлых волос над серьёзными как промытая речная галька, прозрачными глазами. Она напоминает взрослой женщине о прошлых счастливых днях. Зачем она это делает, почему в утренней дрёме, между странным забытьём, на краю чуткого сна, и первого ощущения бодрствования, вот-вот проснусь, она появляется и смотрит на границе бытия и небытия своими строгими, промытыми глазами ясного орехового цвета.

Между этим полупризрачным существом и мной, реальной, огромное, непреодолимое расстояние. Жизнь.

Маленькая девочка в сандаликах на босу ногу, с насмех подобранными в ленты пушистыми косами, которые так не любил заплетать мне отец, осталась далеко-далеко. У отца были рабочие, обожжённые от сварки и горячей окалины руки, и он с трепетом и одновременно с нежеланием прикасался по утрам к моим пушистым волосам, свидетелям его неприютного домашнего существования.

В детский сад собирал меня отец. Мама первой, очень рано уходила из дому, если на дворе стояла осень или глухая зима, то почти ночью.

– Опять твои косы, доча, несграбно получится, ну, ты уж прости, не умею с лентами возиться, – как бы извинялся он передо мной и туго, на несколько дней заплетал непослушные косы. Бант получался некрасивым, каким-то уныло-куцым, как облетевшая осенняя хризантема.

Он провожал меня до угла большого серого здания. Потом, уже в школе, когда каждый день проходила мимо мрачных стен, узнала, что это городская типография.

Отец закуривал первую папиросу, дымил в сторону, оборачивался, удалялся от меня, но дальше шёл на работу уже с попутчиками, товарищами из депо. Я без

Ирина Сергеевна Шатырёнок – родилась и выросла в Молодечно. Член Союза писателей Беларуси, автор книг «Старый двор моего детства», «Банные мадонны» и др. Живёт в Гродно.

охоты, одна тащилась до первого перекрестка, где за кирпичным домом пряталось в густой зелени деревянное здание детского сада. Оно сохранилось до сегодняшних дней, немного нелепое в соседстве с новыми домами, присадистое, широкое, но ещё крепкое, подкрашенное по весне яркой краской.

В ранние годы папа был для меня всем: сиделкой, врачом, клоуном, рассказчиком, другом по играм, музыкантом, выдумщиком. Все эти неизменные составляющие были очень важным и самым главным его назначением в моей детской жизни – он читал по вечерам нам с сестрой книги. Почти каждый день, год за годом. Его вдохновенный труд и первая обязанность.

Для меня он был первым сказочником на свете. Папа вещал как джин из бутылки, страдал, ухал голосом лесного филина, лаял, мяукал, пел, смешно рассказывал, сам смеялся, разыгрывая в лицах героев сказок. Его тёмные глаза живо щурились, он был заразителен, бесподобен, и мы с младшей сестрой соперничали наперебой, воевали за лучшее место у изголовья отца. Устраивались надолго, на весь вечер.

Мы были благодарными, самыми лучшими, молчаливыми слушательницами на свете. Рассказы отца поглощали нас, мы проваливались в какое-то иное время, параллельное настоящему, отключались, замирали и проживали приключения вместе с героями книг. Это был дар отца-рассказчика. Интересно, что я долго не замечала в его руках книг, библиотечных, потрёпанных, зачитанных другими читателями. Папа приносил их из железнодорожной библиотеки в сетках, и буквально скармливал их нам, вместо витаминов и фруктов. В те далекие времена рыбий жир заменял многим детям всё разом.

Сестре три года, мне шесть. Она борется с тягучим сном, но вскоре тихо засыпает. Мне радостно, все сказки будут моими, и мне не придется делить сказки и отца с сестрой. Я сижу между отцом и спящей сестрой, и весь вечер принадлежит мне.

Папа сначала удивлялся, что меня не берёт сон. Он очень уставал на работе и мечтал сказками по вечерам усыплять маленьких дочерей, но быстро засыпала младшая. Слышу, как папа делится с мамой.

– Почему Ира не спит, не пойму, она на слово как-то не так реагирует, слушает всё внимательно, до конца, и просит перечитать, и всё время донимает, впитывает как губка... Я всё время что-то ей досочиняю, придумываю, добавляю чего и не было. Ей всё интересно, она не может уснуть после сказок, странно...

Смотрю ему в лицо, и его переживания, слова, выдумки, присказки чудесным образом передавались мне. Его весёлые глаза с прищуром, хотя он не был близорук, глубокие мимические морщинки играют, морщатся, собираются на лбу, брови поднимаются вверх. Он небрежно отбрасывал назад чёрную чёлку, встряхивал густую гриву, его душили неожиданные приступы смеха, мне тоже хотелось вместе с ним смеяться. От смеха я начинала икать, отец давал мне попить тёплой воды, чтобы успокоить.

Вся наша детская сказочная жизнь проходила на маленьком островке, между большим жёлтым шифоньером, зажатым в углу старым диваном с круглыми подголовными валиками, и отцом, придумывающим новые и новые сказки. Он называл их *субортами*. Уверена, что это словечко он придумал сам, подразумевая под ним некую авторскую сборную солянку.

Папа был талантлив, но не образован. Образования он не получил. У них рано умер отец, Пётр Андреевич, довольно в молодом возрасте, чуть за сорок. Пришёл с первой мировой войны с лёгкими, повреждёнными немецким газом. Долго болел, лёгкие были отравлены, в колхозе работал счетоводом.

Папа рано остался без отца, потом война, безотцовщина. Он рано осознал свою ответственность перед матерью, младшей сестрой, в пятнадцать лет пошёл работать, подростком стал кормильцем семьи, а так как родился он с насмешливым, пытливым умом, всю жизнь самообразовывался, читал всё подряд и много. В работе и чтении был ненасытно страстен. Запоем. До преклонных лет любил и знал литературу, был бесконечно предан русской классике, читал военную прозу. К легковесной фантазии относился осторожно, не особо доверял запредельной выдумке. Взял за правило по многу раз перечитывать Бунина, Лескова, Куприна, Л. Толстого. Считал, что хорошее слово дисциплинирует ум.

Спустя много лет после его смерти, я пытаюсь разобраться в своих истоках, ищу те сокрытые корешки, из которых начала произрастать моя ранняя любовь к чтению, литературе, к поэзии. В который раз убеждаюсь, что без участия моего незабвенного отца, без его беззаветной любви к книге, из меня никогда бы не состоялось то, что я представляю сегодня.

Эта духовная составляющая оказалась очень прочной основой, из которой потом выросла я вся сама. Но понимание этого пришло достаточно поздно, и мне уже некому сказать свои запоздалые слова любви и раскаяния. Повиниться перед моим мудрым, сложным, слабым и одновременно полным противоречий отцом. Вот я и превращаю своё чувство дочерней вины в тексты, надеюсь, что наполню их любовью, художественной красотой и гармонией, которая была присуща моему бедному, безутешному отцу. Хотя всю свою жизнь он жил, раздираемый противоречиями и страстями, не всегда светлыми и божьими. И две белоголовые маленькие девочки долго оставались его надежным якорем в житейском море безысходности и мрачных тягот.

То, что у каждого свой крест, и он по-своему тяжёл, необоримо мне открылось... достаточно поздно. Здесь сказалась моя тяжёлая болезнь в детстве, и вместо того, чтобы отчаянно бегать, прыгать, лазить через заборы со всеми детьми нашего двора, я тихо сидела на лавочке с книжками. Книги отгородили меня от реальной жизни, наполненной детскими драками, обидами, дерзким соперничеством за место под солнцем. Я рано начала сочинять и записывать свои историйки в школьные чистые тетради. Мама покупала их заранее, в конце мая, чтобы потом не бегать по магазинам.

Летом я доставала их, девственно-непорочные, нетронутые перьевой ручкой, с розовыми мягкими промокашками, и медленно писала, писала, писала, заполняя линейки и клеточки прописями собственного сочинения. Тексты были корявыми, неуклюжими, с грамматическими ошибками, но сам процесс, некое священнодействие, аккуратное выведение ручкой с тонким пёрышком буквочек, которые неожиданно складывались в слова и неожиданные предложения. Эта чернильная вязь неожиданно превращалась в некое смысловое содержание, уже живущее своей, отдельной от меня жизнью. На среднем пальце правой руки у меня до сих пор сохранилась небольшая деформация, старая детская мозоль, напоминание о перьевой ручке.

В десять лет я твёрдо знала: буду писателем. Не понимала, как это произойдёт в деталях, но то, что буду писать книги, в этом нисколько не сомневалась.

Первая моя детская любовь Витька Волков, мне двенадцать, ему тринадцать лет, неожиданно переехал с родителями из нашего двора. Его отца, офицера, как водится, перевели в другую артиллерийскую часть и в другой город.

Мы играли с ним в теннис, бадминтон, обменивались книгами. Он был хорошим, воспитанным мальчиком, и вся будущая жизнь впереди виделась в радостных перспективах. Витька катал меня на сидении своего новенького велосипеда, на ухабах его подбрасывало, тонко дрожал металлический звонок, ветерок холодил мне остриженный затылок, и сердце подпрыгивало вместе с велосипедом.

К тому времени я уже самостоятельно, без разрешения мамы, пошла в лучшую парикмахерскую в центре города и решила коротко состричь надоевшие мне косы. Это был с моей стороны решительный поступок и проступок одновременно. Косы были тугие, тяжёлые, не стриженные мамой с моих младенческих лет. Мама берегла и лелеяла волосы как детскую память.

Ушлая мастер безжалостно, без лишних слов и причитаний состригла мои косы. Чужая глупая девочка, чужие волосы. Мне нравилось сидеть в кресле, как все взрослые женщины, смотреть на себя в большое зеркало. После всех манипуляций ножницами больше всего понравилась пушистая, вьющаяся чёлка над моими насмешливыми глазами и густой аромат одеколona, которым меня сильно полила из стеклянного пульверизатора парикмахерша. Косы мне она предусмотрительно не вернула, мама ругала потом меня, но не очень сильно. Из той корзинки моих роскошных, светло-русых кос вышли, конечно, хорошие шиньоны, или даже несколько модных париков-стрижек.

Я вернулась из пионерского лагеря, и узнала в то лето, что Витька уехал навсегда из нашего двора и из моей детской жизни. Моя печаль была огромна и обрушилась на

меня с недетской мукой. Чтобы избавиться от внутреннего оцепенения, угнетающей домашней тишины – мне казалось тогда, что всё кругом умолкло, звуки пропали, как и краски – я взяла толстую общую тетрадь для старших классов, до того дня я записывала свои стихи и рассказы в тонкие тетрадки, и начала сочинять свою первую большую повесть о любви.

Весь август, до занятий в школе, днями напролёт я сочиняла красивую повесть о грустной девочке и мальчике с зелёными глазами. У Витьки действительно были необыкновенные зелёные глаза, обрисованные чёрными густыми ресницами, просто Человек-Амфибия с киноафиш тех лет. Между листами, для красоты клеивала разноцветные прозрачные розовые, фиолетовые, зелёные листы, красивым почерком крупно чертила заглавными буквами оглавления, украшала страницы цветочками и узорами, рисовала кукольные лица героини и наряды её платьев. Было много букетов роз, бантов и бантиков. Я просто умывалась горячими слезами, и крупные капли падали на цветные листики, буквы превращались в размытые кляксы. Ну и пусть, повесть сохранит мои страдания...

Повесть я не успела дописать, начались занятия в пятом классе, тогда пришло много новых учителей-предметников. Но моя будущая, неотвратимая месть прозвучала в повести достаточно убедительно. *«Когда я стану знаменитой писательницей, а я ей стану назло всем, особенно Витьке, приеду когда-нибудь, всего на один день в родной город из далёкой столицы, обязательно встречу на улице Витьку. Он будет одиноко стоять у обочины со своим велосипедом и рыдать, рыдать, слёзы будут катиться по его бледным щекам... но я пройду мимо него в красивом белом платье, с новой книгой в руках и не узнаю его. Он очень пожалеет, что когда-то уехал, и не простился...»*

Бедный Витя, мальчик из моего детства, ты, наверное, уже и не вспомнишь молчаливую, тихую девочку, которую катал на сидении своего нового велосипеда, я крепко держалась за твою рубашку и думала, что мы обязательно разобьёмся. И как некрасиво будет выглядеть моё светлое ситцевое платье с пышной юбкой в придорожной пыли и разбитые тощие колёнки. Витька любил скорость, и мы неслись с высокой горки, готовые взлететь или врезаться в дерево...

Прости меня, отец, прости, что понадобилась вся моя жизнь, чтобы так поздно сказать эти слова покаяния. Прости.

Тогда в детстве, в крохотной комнатке коммунальной квартиры моя маленькая душа уже навсегда принадлежала тому волшебному оранжевому абажуру, старому дивану с продавленными валиками. Две стены косо сходились в дальнем углу, в котором вдруг всё исчезало, и начинали качаться удлинённые тени от кисточек абажура, из темноты появлялись образы пиратов, злодеев, добрые духи принцесс и принцев, волшебных старушек-колдуний. Там водились страшные, причудливые образы бабы-яги, смелых разбойников, несчастного мальчика-с-пальчика, они хохотали, пугали, а здесь, рядом с отцом, было хорошо и уютно, и совсем не страшно. Поглощённая удивительными историями и сказками, тихим голосом отца, я постепенно застывала, и моя взволнованная душа улетала путешествовать в неведомые края и страны. Размывались очертания отцовского лица, молодого, красивого, вдохновенного, и картинка с несчастной Золушкой, бесстрашной девочкой Элли, Страшилой и всеми героями Изумрудного города разыгрывались каждый раз передо мной заново.

Всё раннее моё детство мамы не было со мной рядом. Так мне казалось. Она, конечно, жила рядом, стирала, готовила обеды, завтраки, утюжила нашу с сестрой одежку, штопала чулки, вязала нам красивые шапочки, варежки, шарфики, но её безмолвное присутствие было где-то не с нами, не в нашей компании, а за волшебным кругом, куда падал мягкий свет оранжевого абажура, очерчивая грани сказочного мира. Папа-сказочник как добрый волшебник, уводил нас далеко-далеко, за луга и леса, за горы и синие моря. Он безумно любил своих дочерей и хотел сделать нашу жизнь красочнее, духовно богаче, а лучше книг, с их тайнами, приключениями и фантастичными преображениями, ничто не могло так всецело завладеть нашим вниманием. Отец умел

завораживать, зачаровывать, как делает это в цирке нарядный фокусник, погружая детей в иные миры, лучшие и недостижимые для взрослых.

В книгах, в отцовских вечерних посиделках, в его выдуманных субботах и сказках, в тёплом круге волшебного оранжевого абажура осталось моё детство. Там продолжает жить маленькая девочка с серьёзными глазами, и она не может понять, почему за всю мою жизнь у меня не нашлось для отца хороших, заветных слов, которые он так ждал. Ведь он один знал обо мне всё, потаённое и поверхностное, чужое и родное, боялся за мою бесхитрость и доверчивость, поэтому приучал давать сдачу любому, даже очень сильному противнику.

Он знал и то определённое, что зарождалось у него на глазах. Мимо него не прошла, не осталась незамеченной моя страсть, моя жажда сочинять и записывать в ученические тонкие тетрадки наблюдения о погоде, о людях, о подружках, о соседской кошке. Он один был уверен, что я когда-нибудь стану писателем и буду писать книги, потому, что это *то первое и последнее*, что привил мне мой непутёвый, бедный и несчастный отец. Любовь к книге, любовь к чтению и тем мирам, которые открываются не многим, но избранным.

Отец был увлечённой, музыкальной натурой, забывался за чтением и упивался романом, мог плакать, тихо скулить, утирая слезы мятым платком, переживал и проживал вместе с героями Достоевского, Мельникова-Печерского вымышленные судьбы, смеялся над почти анекдотичными историями раннего Чехова.

Первой слушательницей своих открытий и откровений отец выбирал меня. Я была той благодатной тишиной, надеждой, верила, внимала без остатка всем его словам, только что рождённым книгой, всё дышало ароматом и магией писательского таланта.

Папа был очень искренний и от природы умный человек, не обделённый талантами. Но все они остались похороненными в нём самом, не развились, и все его надежды, свет и рождённый ответный внутренний огонь были связаны со мной, слабенькой, болезненной девочкой.

Наверное, мой отец был наделён недюжинным педагогическим талантом, он никогда не повышал на нас голос, говорил веско, доходчиво и убеждённо, умел незаметно вернуть течение моих увлечений в правильное русло, поддерживать, вдохнуть уверенность. Он умел любить беззаветной, какой-то редкостной по преданности отцовской любовью, был ненавязчивым, скромным и ни на что не претендовал.

Прости меня, отец, прости, что я не прислушалась к твоим советам, к твоему мудрому, провидческому сердцу, и, выйдя из детского возраста, всё окончательно забыла: свои мечты, устремления, наметившийся дар и желания облекать всё увиденное, прочувствованное в слова. Казалось, навсегда. Много лет я убежала от себя, легкомысленно не прислушиваясь и не расшифровывая знаки судьбы, а они были.

Моя жизнь протекала спокойно, не обременённая тяготами писательского ремесла. В своей женской судьбе прошла все ступени роста и обретения себя как женщина, жена, мама двоих сыновей, теперь уже взрослых и самостоятельных молодых мужчин, а вся непарадная, скрытая и невесёлая сторона моей жизни (всё как у всех), накапливалась в черновиках, рукописях, дневниках, и отношение к этим торопливым, почти подпольным текстам было беспечно, будто впереди мне отпущена ещё одна жизнь. Мои дневниковые записи относилась к чему-то сродни терапевтической скорой помощи. Поплакалась, и хватит.

Забывать – не предать, но что-то в моей скорой забывчивости подёрнулось едкой плесенью, безрадостностью и обыденностью. В быстроте мелькания жизни что-то безвозвратно утерялось...

Жизнь продолжается. Верным псом сторожила свои сокровища, никого не подпускала к рукописным секретам, слишком это было болезненно и откровенно. Пусть лежат, отлёживаются до поры.

И пора пришла. Умер отец, не досказав мне много своих сердечных тайн, о которых догадываюсь. Уходил он мучительно, очень болезненно, обречённый слабым сердцем на долгие физические страдания и нестерпимые боли. Рядом с мамой, но всё равно один. Он всю жизнь оставался одиноким, в конце жизни окончательно замкнулся, стал молчалив, по-стариковски угрюм, и только книги, одни они, соратники и други,

согревали в старости его безрадостные дни и ночи. Ночей он очень боялся, когда непроглядная, тяжёлая мгла подступала к окну, вытягивая остатки последних сил, сдавливало сердце. В такие жуткие часы боялся не дожить, не дождаться спасительного рассвета. Чтение помогало долго оставаться весёлым насмешником и безбожником в том прямом, обывательском понимании.

Отец никогда не молился, не крестился, не носил на груди креста, но свято верил в вечное мироустройство жизни, его непреложные законы: добрых людей больше, нежели лихих, и есть, будут жить до скончания века люди, уверовавшие в нравственную силу великой литературы. Она была для него до конца его дней духовным пастырем, светочем, наставницей, утешительницей, поводырём, лекаркой и хранительницей. От того и не сгинул, не пропал в лихолетья, в голод, холод, не спился, не завёл подлых друзей.

Отец знал, ради чего живёт: не ради денег и богатств, к этому он тоже относился легко и шутейно, а ради маленьких девочек, и надеюсь с большей долей уверенности, ради меня. Младшая сестра росла крепким, сильным ребёнком, и в любой ситуации могла за себя постоять, дралась как отважный мальчишка. Такая не пропадёт, а вот старшая маленькая Ируся, Ира, то есть я, может спастись в жутком и бессердечном мире одним средством – чтением. Из прочтения большого числа книг, может быть, надеялся мой непутёвый отец, выйдет из меня толковый, начитанный человек, душа тонкая, жалостливая и совестливая. А в самых своих заветных, тайных мечтах он, конечно, ожидал, что увидит, как из меня, такой страстной книгочеи, рано надевшей очки, из его старшей дочки, его надежды и радости, и получится писатель. Нести свет людям – наука премудрая, но и стоящая.

Ему было дано знать наперёд то, о чём другие и не догадывались. Как и я.

Пусть эта повесть восполнит ту ничтожно малую толику не сказанных вовремя добрых, дочерних, спасительных слов. Её посвящаю памяти моего отца, человека сложного, трудного, с непростой судьбой, с радостью и любовью, положившего свои молодые светлые годы на сотворение детских душ, уверовавшего в мои силы, способности и писательское чутьё. Ибо во всём, что пишу и создаю, и буду создавать завтра, вижу незримую поддержку и улыбку моего страстного, непутёвого, горячего в поступках и желаниях, страстях и бедах, моего незабвенного отца.

Может, таким образом облегчу перед ним свою вину, и маленькая девочка с непослушными косами, заплетёнными его добрыми руками, перестанет молчаливо заглядывать мне в самую душу.

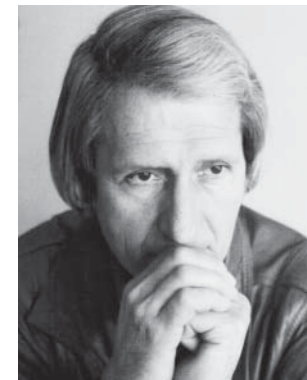
Прости меня, папа...

ПЕСНЯ БЛАЖЕНСТВА

День ДЕНЕВ

День Денев – родился в 1946 г. в городе Сливен, где живёт и работает. Поэт и журналист. Член Союза болгарских писателей.

И мне с тобой, единственной, легче...

Траве

Что ты бессмертна – видим не случайно.
Неистребим, упруг и жилист корень.
Ты зеленеешь надо всем в просторе,
И ветер веет в чуб твой величавый.

И солнышко, целуя тебя летом, –
в улыбке всё – от пирровой победы.
Но ты смеёшься, как всегда, последней,
воскреснув по весне, – на радость свету.

И мне с тобой, единственной, легче,
и потому я душу завещаю,
что вместо поисков блаженства рая,
через тебя слова родные шепчет.

Современная поэзия

Никогда на земле современная поэзия
не возвышалась так. И не говорила:
«Я выше самого Эвереста!»

Она, в жатвенных напевах кузнечиков,
слышит, как исповедуется сама природа.
И принцем своим избрала Уолта Уитмена!

Яблонево́ый сад

Здесь воздух, вода и почва
образовали самый, что ни на есть, священный союз!
И в корнях, вечно желанных,
и в кронах, с царственной осанкой,
пульсируют соки жизни...
Вспыхивают цветы! И свой сказочный танец
танцуют деревья с ветром...
Божественная феерия красоты!
Суший рай, сбывшийся на Земле –
тонко озвучен медоносными пчёлами.
Время в бутоны вливается,
и рождаются маленькие сладкие глобусы:
«Золотой превосходный», «Флорина»,
«Грени смит» и «Мутсу». Это их имена,
сверкающие в плодовой радуге осени.
А за ней вереницей – зима и весна –
срывают листки календарные...
Магический круг закружится снова!
Перед моим взором и моими руками
природа виртуозно овеществляет
«Времена года»
аббата Антонио Джованни Вивальди.

Перевёл с болгарского Всеволод КУЗНЕЦОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Кира ГАВРИЛОВА

Под Покровом Богородицы

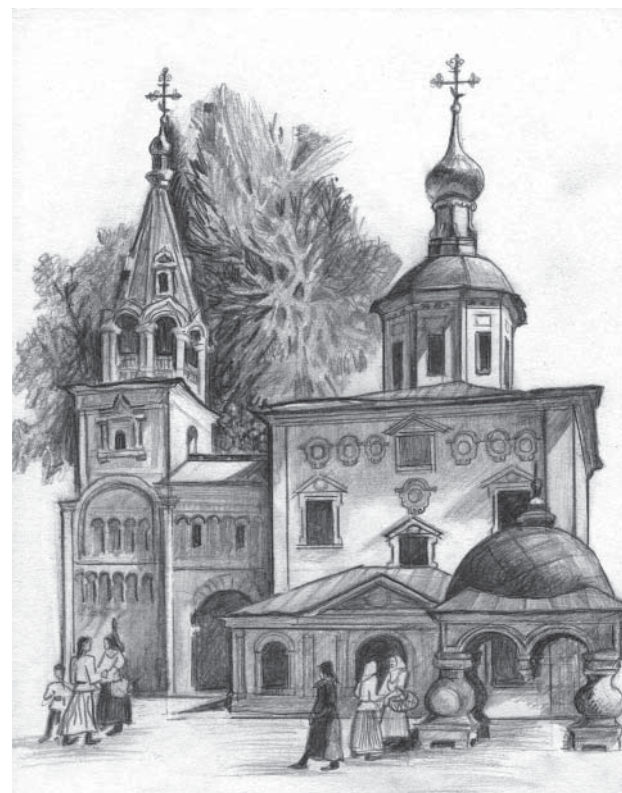
Святой князь – Андрей Юрьевич, один из сыновей Юрия Долгорукова – был очень верующим и благочестивым человеком. За любовь к Слову Божию, за постоянное обращение к Писанию, за великую духовную сосредоточенность он уже при жизни звался Андреем Боголюбским.

Не раз Промысел Божий незримо спасал князя-молитвенника. Повинуясь лишь Божьей воле, взяв чудотворную икону с образом Божией Матери, он направился на север во Владимиро-Суздальские земли, где основал своё независимое княжество и перенёс столицу из Киева во Владимир.

Но в пути, уже недалеко от Владимира, кони вдруг стали, и Андрей Боголюбский повелел остановиться на

Кира Тимофеевна Гаврилова – член Московского Союза художников. Участница многих выставок, в том числе в музеях Москвы, Куйбышева, Саратова, Казани. Автор произведений монументально-декоративного искусства (мозаика, фреска, витраж) для общественных зданий в городах России. Занимается станковой живописью и графикой. Автор сборника эссе о художниках «Единственные». Член Литературного объединения при Центральном Доме учёных РАН, Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

*Храм Рождества Богородицы в Боголюбове.
Бумага, карандаш. Худ. Кира Гаврилова. 2012 г.*

ночлег. По преданию, во сне к нему явилась сама Богородица и определила своё место в России: «Не хочу, чтобы Мой образ несли в Ростов, но во Владимире поставь его, а на этом месте во имя Моего Рождества церковь каменную воздвигни».

Андрей Боголюбский исполнил завет Богородицы. Там, где Она явилась ему во сне, он построил Храм Рождества Богородицы, а затем основал город Боголюбово.

А во Владимире в центре города воздвиг Успенский собор, в котором и был помещён Образ Богородицы, называемый с тех пор Владимирской иконой Божией Матери.

Величайшая святыня всего христианского мира – икона с образом Божией Матери – помогла князю Андрею Боголюбскому вселить в православный народ веру, что приняла Богородица Святую Русь под Свой омофор.

На Руси образ Богородицы стал символом Заступницы могучей и в то же время умиленной. Проникновенный, любящий взгляд словно обещает людям помощь и сострадание. Андрей Боголюбский первым на Руси построил храм в честь Покрова Богородицы. Это храм на реке Нерли недалеко от Боголюбова. Учредил князь Андрей праздник Покрова, один из любимейших русских национальных праздников.

А икона с образом Владимирской Божией Матери – стала одной из самых любимых и почитаемых святынь в России.

Храм Покрова на Нерли. Бумага, карандаш. Худ. Кира Гаврилова. 2012 г.

ПОЭЗИЯ

Альбина ЯНКОВА

Альбина Юрьевна Янкова – поэт и прозаик. Выпустила сборник стихов «Мы радуги две половинки». Печаталась во всех выпусках сборника «Чайки над Лобней», в альманахе «Под крылом чайки», во многих московских альманахах и сборниках. Лауреат золотой Есенинской медали. Член Литы «Ладога». Член Союза писателей России.

Живёт в городе Лобня.

В чужих стихах все рифмы так легки...

Сонет старого дома

Тонким слоем серой пыли
Всё покрыто в этом доме.
Все предметы словно в коме,
Сном забвения застыли...

Здесь когда-то люди жили...
Фотографии в альбоме,
Как у времени в полоне
То ли есть, а то ли были...

Сгустком сумрака всплывают
Тени тусклые по стенам,
Холодеет кровь по венам,
Холодок внутри не тает...

...И обжитое жилище,
Тоже будет пепелищем...

Мелодия дождя слышней

Дожди... и за окном ненастье...
Хороший повод почитать стихи...
Дотронуться до трепетного счастья,
В чужих стихах все рифмы так легки...
И чувственным теплом согреться,
Как у камина, где огонь
Без помощи не может разгореться...
И слов тепло, лишь только тронь...
С биеньем сердца, с током крови
Сольётся с пламенем души...
И отзовётся в каждом слове.
О время! Только не спеши!

Дай насладиться каждой строчкой,
Услышать сердца ровный стук...
Почувствовать... Как набухают почкой,
И зацветут соцветьем вдруг,
Те образы, что автор мне дарует...
...мелодия дождя слышней...
Поэзия! Волнует и чарует,
Музыкой дивною своей...

Лето

В траве порхают мотыльки,
Так трепетно и нежно вьются
Лиловых крыльев лоскутки,
Увы, но в руки не даются.

Сверчок стрекочет во весь пыл,
Об этом, Божьем, белом свете.
Он в дифирамбах не остыл
Сверчать восторженно о лете.

Спешит на тёплые мостки
Малышка, платьице в горошек,
Сметут весёлые малышки
Горбушку хлебную, до крошек.

Речушки серенькая рябь
Глубины отражает неба,
И осени промозглой хлябь,
На этом фоне, будто небыль.

Город

Поднимаются выше и выше
Стены многоэтажных домов.
В небосвод упираются крыши,
Как атланты из розовых снов.

Разрастается, строится город,
Расширяя пределы границ.
И всё чаще находится повод
Не заметить знакомых нам лиц.

И редуют леса, и из чащи
Разбегаются звери лесные.
Вместо пения птиц, нам всё чаще
Лишь машины гудят легковые.

Лоскуток голубой из окошка
Да компьютера быстрая мышь,
За которой домашняя кошка
Не крадётся по плоскости крыш.

И заводов огромные трубы
Изрыгают удушливый чад,
Но в улыбке растянуты губы,
Принимая грохочущий ад.

ПЕСНЬ СТАВАНСТВА

Димитр КАЛЕВ

Димитр Калев – родился в 1953 г. в городе Омуртаг. Живёт в Варне. Доцент Варненского Медицинского университета. Поэт и переводчик. Член Союза болгарских писателей.

Пророчество - всегда даётся свыше

Ткань

Соберись духом, реально ощутив беды,
и сойди в эту раковую ткань,
и страдальцем настоящим стань –
от муки, которую даже Господь не ведал.
Всё вне её – есть суетная злоба,
Преувеличено, маниакально.
Что ещё настолько реально,
кроме самой смерти и гроба?
Эта ткань невидимая с лживым слухом, попутно,
включающая всё, что только мыслимо,
всё, что чувственно, всё, что зримо,
всё ясное и всё смутное.
Явно, всё это меня касалось,
и я жив, и всё живо вокруг,
потому что стал отрицать я вдруг,
и Господь был со мною (как оказалось).

Как ужасно я был устроен!
Всю жизнь думал о своём теле,
а едва сегодня его увидел – потерял силу,
как тебя, моё золотое прошлое.
Всю жизнь иконы писал.
Часто был зол. Сейчас – болен.
Слышу, как рак меня просит:
«соберись с духом наконец!».

Барьеры входа

С этим, утаённым под крестом сознанием,
становятся медлительными все человеческие тела;
по хребту моему инстинктивно хлопают крылья,
и сею я под лопатками покаяние.

Потому вас разглядываю через призму креста,
 (клин с солнечным узлом, похожий на голову).
 Самое лучшее – превратить меня в слух, в молву,
 Или в нечто другое, чтобы сошёл за глупца.
 Сейчас я с трудом вмещаюсь в ваши понятия –
 Как заживо зарывают судороги свою гортань,
 (выше звук неразборчивым стал).
 Но это дух, необходимый для восприятия.
 И его нужно много, много – для роста слов.
 Чтобы они проросли, заросли терновником в ваших стопах.
 А они – это воля, которая будет лететь, наступать,
 то есть, вы будете входить в мой интеллект – основу основ.

Тишина. Пророчество

Пусть устные слова излишни,
 и молкнут даже птичьи голоса –
 вот всё, что на земле осталось, –
 да звук, когда мы, люди, дышим.
 И каждый каждого ещё услышит,
 Когда, благословя своё дыхание,
 задышит человек своим сознанием.
 Пророчество – всегда даётся свыше!
 Тогда и мысль, и тишина
 поймут – они близки, себе подобны,
 и будут чувствовать себя вполне свободно,
 как виноград и сладости, – реакция одна.
 Эй, человек, мыслитель, сборщик винограда,
 со вздохом каждым ты заглатываешь мысль,
 но без смущенья им не обойтись,
 да и поплачут мысли если надо...
 Но только этот плач как тишина,
 как сладкий привкус интеллекта,
 а тело здесь, – обратный вектор,
 и мысль идти через уста должна.
 И в воздухе, – возвышенною будет.
 И пусть для нас единственным вдруг станет
 свободное молчание гортани
 точнее звука, который выдыхают люди.

Перевёл с болгарского Всеволод КУЗНЕЦОВ

ПРОЗА

Галина МАМОНТОВА

Эка, жисть

«Подаждь, Господи, оставление грехов всем, прежде отшедшим в вере и надежди воскресения отцем, братиям и сестрам нашим и сотвори им вечную память». Из молитвы об упокоении

«Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё». Втор. 30,19

Галина Викторовна Мамонтова – поэт, писатель, публицист, член Союза писателей России. Живёт в Подмоскowie.

Авдотья всю жизнь провела в родной деревне, в глубинке Воронежской губернии. Лишь один раз, вскоре после смерти мужа, съездила в город к дочери. Город встретил её копотным воздухом и шумной, вечно снующей толпой:

– Все бегут куда-то и здрасти друг другу не скажут, – сетовала старушка.

Погостила немного и стала собираться восвояси. На все дочерние уговоры остаться на недельку другую, упрямо отвечала:

– Чо мне сидеть тут, сложа руки, дурак-дураком? Ужо, пора обратно возвратиться, – и дала себе зарок. – Пока хожу на своих ногах из дома ни-ни, – и вот уж восьмой десяток, и ещё, Слава Богу. Вот только ноги не всегда слушаются, да и глаза слеповаты стали, даже операцию делали профессора городские – ха-аро-о-ошие дохтора, очки приписали.

Сыновья со снохами тоже всё время зовут к себе на жительство, отшучивалась:

– Сиди, лягушка в луже, не то будет хуже*. В своей-то хате и углы помогают.

Так и продолжала жить в доме покойных свёкра со свекровью, куда привел её восемнадцатилетнюю муж Степан.

По молодости Авдотья озорная была, весёлая. Всё шутками-прибаутками бросалась, да и покрепче чем пухнуть могла. На её долю выпала нелёгкая судьба, впрочем, как и на долю всего поколения. Тут тебе и война, и голод, и страх за детей, их было трое, мал мала меньше, да томительное ожидание с фронта кормильца. Да сколь ни плачь, а всех-то слёз не выплакать. Так и тянула на бабьих плечах тяжкий груз скорбей. Молилась каждую ночь Авдотья, молилась о муже, чтоб сберёг его Господь в пекле войны проклятой.

В 44-ом осенью демобилизовали Стёпушку по ранению. Будто вчера всё было, помнится до мелочей:

* Любимая поговорка архимандрита Павла (Груздева) «Сидела б, лягушка в луже, не то будет хуже»

ранняя темень незаметно, но быстро опускалась на деревенские хаты, сама хлопотала по хозяйству, детвора, намаявшись, дружно сопела на тёплой печи. Раздался осто-рожный стук в окно, от предчувствия всё захолонуло внутри.

Война, она ж не лечит, а калечит, вот и Степан вернулся слабый, покалеченный. Простреленные ноги болели, кашель сильно бил, того и гляди, всё нутро наружу вывернет – застыл пока раненый в болотине лежал, в беспамятстве. Очнувшись, долго полз по холодной жиже до своих. Авдотья, рада радёхонька, всё славилла Бога:

– Хошь больной и слабый, а всё ж таки вернулся.

Степан, несмотря на немощь свою, дела мужицкие улаживал. Коли, жена, намаявшись по хозяйству, начинала ворчать на всех, кто попадался ей на глаза, приголубит Стёпа свою ненаглядную, и сердце её оттаивало. Так вот и жили в делах да заботах, в ладу, да с миром в душе.

Летят года, не стоят на месте. Повырастали дети, как грибы по осени: обзавелись своими семьями, отделились от родителей, разъехались по городам. Появились внучата на радость старикам. Летом дом оживал от заливистого смеха и проказ детвора: шестилетних Егора, Андрейки и трёхлетней малышки Иринки. Дед Степан в них души не чаял. Бывало, облепят они его:

– Деда, деда, вырежь свистульки.

– Садитесь, мои хорошие, да красивые, да немножко с дурью, садитесь рядком, да ладком, будут вам свистульки.

По вечерам к деду приходил приятель-фронтовик, во время войны служил в разведке. Звали его дед Петька-ерунда. Прозвали деда Петьку этак, потому что тот по всякому поводу и без повода употреблял эдакое словечко: «ерунда». Жил он по-соседству, через два двора в небольшой хатёнке-мазанке с женой и дочкой-вековухой. Своих внучат у него не было, вот он и оттаивал сердцем в гостеприимном доме друга. Деды усаживались на табуреты, а детвора перед ними выкрутасничала. Маленькая Иринка, притаскивала табурет, вскарабкивалась на него, читала стихи, пела песни на радость всем. Старики умилялись на малышку. У деда Петьки для детей всегда были припасены в карманах большие желтоватые куски сахара – награда выступавшим.

Авдотья, возившаяся у плиты, радовалась и на внучат, и на дедов, а коли шибко разбогвятся пацанята, всех усмиряла:

– У, фулиганы, малахольные. Будя вам сигать, уж ночь на дворе. Да и вам, деды, пора честь знать, нечя детей на ночь будоражить, – беззлобно обращалась она к старикам. – Завтра ещё день будя.

Сосед начинал собираться домой. Иринка забиралась на колени к деду Степану, спрашивала:

– Дед Петька-елунда, завтла плидёс?

Проводив гостя, бабка несла малышку в кроватку, укладывала мальчишек, потом ещё долго хлопотала: застирывала перемазанные внуками вещи, подштопывала, подглаживала.

В конце лета детей забирали родители. Авдотья со Степаном оставались вдвоём. Вечерами, управившись с повседневными делами, любили они посидеть на крыльечке, воздухом подышать, поглядеть, что вокруг делается, побалакать с соседями.

По первым холодам Степан доставал из сарая убранный на лето ткацкий стан, заносил в хату, собирал, налаживал. На нём ткали дерюжки – дорожки по-городскому. Прежде чем получалась красивая дорожка, немало приходилось потрудиться: сначала перебирались вещи в сундуке, комод, шифоньере, отбирались сношенные рубашки, платья, старые юбки, шли в ход и суконные тряпицы. Весь этот нехитрый скарб варили в чугунах с разноцветными красками, вывешивали на хозяйственном дворе, сушили. Высохшее тряпье рвали на полосы, сшивали меж собой в длинные ленты, сматывали в клубочки, лишь после этого приступали к ткачеству. Сколь зимних вечеров проведено за работой и не счесть. Кроме дорожек, стегала Авдотья одеяла из утиного пуха, верх облицовывала цветными лоскутами. Выстеганные её руками они получались воздушные, в городе такие не купишь – лёгонькие, тёплые. Спать под таким одеялом благодать да удовольствие.

В конце лета. Деревня Еранино. Худ. А Карелин. 2008 г.

Степан же всегда был рядышком, помогал по своим немощным силам: где клубочек смотает, где станок отладит. Любил из дерева безделушки всякие вырезать. Бывало, готовую игрушку в карман положит:

– Авось, на случай какой-нибудь пригодится, пострелят порадовать.

Иль поставит Стёпушка табурет к печи, спиной к горячим кирпичам прижмётся и любителю на свою ненаглядную:

– Бабк, красавица ты у меня, век живём вместе – нет лучше тя. Старушка игри-вым тоном отвечала:

– Была красавица, да вся уж вышла, толька канапушки остались, да морщын по-прибавилось. Степан подходил к своей зазнобушке нежно брал родное лицо в огрубев-шие ладони:

– Конопущечки-то все родны-ы-е... Помнишь, Дуняш, как миловались-то с тобой?.. Авдотья смеялась:

– Эх, и недаром говорят седина в бороду... Сиди-и-и уж, нечя ахальничать...

Эка, жисть. Вон как Бог уладил, уж двадцать с лишним годков, как убрался Сте-пан, оставил её одну век доживать. По-первости, так и гластился его голос, так и дума-ла, войдёт в хату, а он сидит на табурете под окошком, да мастерит что-нибудь. Такой был, о-ох, на все руки мастак, хошь и немощный.

Долго после смерти мужа горевала Авдотья, как будто вместе с ним сама умерла. Давно уж и себе подготовила смертный узелок. Платье специально заказала у немой портнихи Нюски. Купила тюлевое покрывало, выбитое цветами, подушечку под го-лову, сатиновый тёмно-фиолетовый отрез на гроб, несколько метров бахромы – гроб обрядить. Подготовила пучок восковых свечей, венчик на лоб, большой пластмассо-вый крест в руку и пропускную молитву – пропуск ко Господу. Да и по мелочи всё предусмотрела: платочек на голову, тапочки, чулки простые – чулки-то еле сыскала, на базаре сплошь стеклянные:

– Дотраговатся страшно, не то, что надевать, и хто только такую срамату при-думал?.

Узелок этот хранила в шифоньере, порой доставала его, перебирала содержимое. Раз надела Авдотья погребальный наряд, сложила руки на груди и сквозь прищур глаз смотрит оценивающе в зеркало: хорошо ли будет выглядеть лёжа в гробу? Гля-нется ли Стёпушке?..

Ночью сон ей приснился, будто идёт со Степаном по дороге, в руках дедов узелок несёт. Долго шли, дошли до зелёного сада. Степан остановился, сказал:

– Всё, Дунюшка, давай прощаться. Дальше пойду один. Возвертайся. Не время тебе сюда... – забрал свой узелок и скрылся в сени деревьев. Авдотья проснулась, но ещё некоторое время не могла вернуться к реальности, столь явственным был сон.

Долго в сердце её не проходила тоска от разлуки со Степаном. На счастье в де-ревне восстановили заброшенную церковь. Священника прислали, совсем молодого.

Бабы сначала засмущались, а священник хоть и молод, оказался очень разумный. Помог справиться с душевным томлением. Отпел Стёпушку заочно, на могилке панихиду отслужил, и каждую службу у Престола поминает мужа её покойного отец Димитрий.

Старшая дочь с мужем, выйдя на пенсию, переехали к старушке жить. Товарки по-доброму завидовали:

– Повезло бабке на старости лет...

Казалось, радоваться надо, сродники и приготовят, и на огороде, и по хозяйству всё справят, да Авдотья, смолоду привыкшая работать, как будто чего лишилась, никак не могла сидеть без дела. Тогда нашли ей занятие по силам, поручили следить за живностью: молодыми утятами и курочками-молодками, чтоб те по птичьему неразумию не разбрелись по чужим дворам, да не выбегали на дорогу. Старушка садилась на скамейку возле дома. Здесь она не только исправно выполняла посильное дело, но и балакала с соседями. Бывало, молодые мамки просили бабку Дуньку присмотреть за своими чадами, покачать коляску пока они отбегали ненадолго в магазин, на почту или по другим делам. Та, проснувшись малышей, развлекала прибаутками, линдадукала, пощёлкивая пальцами в такт мелодии:

– Лин-да-да – лин-да-ду...

Малышам нравилось, они живо сучили ножками, словно приплясывали, взмахивали ручками и издавали восторженные звуки. Не меньше радовалась и старушка.

По воскресным дням или по большим церковным праздникам надевала Авдотья синюю юбку тёмно-синего цвета – уж сколько годов, а всё как новая, сносу ей нет, синюю кофту тонкой шерсти, свеху вязаный жилет-безрукавку, на голову повязывала хлопковый беленький платочек с мелкими голубыми цветочками по полям. Это был её неизменный наряд и в жару, и в холода, она берегла его только для важных случаев. Рано утром зять запрягал старую лошадь по кличке Болтик, помогал теще забраться на телегу, вёз в церковь.

Было у неё в храме своё местечко в уголочке, напротив иконы Казанской Божией Матери. Эту икону, когда открыли церковь, Авдотья из дома принесла. Старинная икона, досталась ещё от свекрови, а той от своей свекрови. Всю службу старушка стояла напротив Божией Матери, а коли немоготу становилось стоять, присаживалась на деревянную скамью.

Авдотья хотела внести свою лепту в благоустройство храма. Она отобрала самые красивые полосатые дерюжки, которые ткала в прежние времена зимними вечерами, принесла отцу Димитрию. Батюшка распорядился постелить их не в притворе, а в самом храме, даже на солее и возле аналая. Не зря старалась, для Господа и Матери Богородицы пригодились её труды:

– А детям и внукам теперь такое добро не нужно. Ковры понакупили, да паласты. Только теплоты в них нет, а всё от бездушия, – мыслила старушка. От рук-то человеческих, да от сердца добро идёт.

После службы не спешила Авдотья домой: воскресный день посвящала Богу. Оставалась прибираться в храме. Потихонечку, в меру сил чистила подсвечники, протирали иконы. После уборки вместе с отцом Димитрием и другими трудниками шла трапезничать. Любила она беседовать с молодым священником о прожитой жизни, о Стёпушке вспоминала:

– Хошь и всяко бывало, а жалели друг друга, держались друг за дружку, не разлучались никогда, акромья годов, когда воевал Степан.

Пеклась Авдотья о внуках, да правнуках, советовалась с батюшкой:

– Они хошь и хорошие, да дюжа несогласная молодёжь стала. Неслухають ни в чём, своевольничают. Одеваются – срамно смотреть.

Батюшка наставлял её. Авдотья в душе не всегда с ним соглашалась, но слушалась и старалась поступать так, как советовал отец Димитрий. И надо ж, всё управлялось по наставлениям батюшки:

– И какую ж голову надо иметь, что б жизнь так понимать? Вот те и батюшка, вот те и молодой, – размышляла старушка.

На исходе лета Авдотье перевалило за девяносто. Через неделю после юбилея, аккуратно, в канун праздника Преображения Господня, она слегла. К болящей пришёл священник, исповедовал, причастил старушку. После Причастия стало немного легче, но она уже чувствовала, что не поднимется.

Внучка Иринка торопились побыть с любимой бабушкой последние дни её земной жизни. Она приехала ещё в начале лета вместе с трёхлетним сыном Стёпкой, в городе остались муж Сергей и старшая дочь Аннушка. Отпуск у мужа предполагался на середину июля, вот Аннушка, папина любимица, осталась с ним. Хлопотать по хозяйству: приготовить, постирать, прибраться у неё получалось ловко. Мама Ира могла быть спокойна за своих любимых.

Ирина старалась больше времени проводить с бабушкой, тем более сынишку окружало много заботливых нянь. Внучка читала бабушке вслух, с особым удовольствием та любила слушать жития святых и рассказы о животных. Утомившись от чтения, внучка обнимала старушку, вспоминала, как любила приезжать в родной дом, как учили её здесь труду да уму-разуму исподволь, ненавязчиво. Ирине вспомнились зимние каникулы в деревне. Как радовался дед Степан, когда она как в далёком детстве выступала перед ним, переодеваясь в разные наряды танцевала, а он растрогано смотрел на неё. В час отъезда дед Степан вышел на крыльцо проводить внучку, глаза его были влажные от навернувшихся слёз. По весне дедушки не стало. Царство ему Небесное. Хороший был дед. А внуков как любил...

Вспомнив своего старика Авдотья, вздохнула:

– Телом немощный, а меня всегда жалел. Ни крика, ни полкрика от него никогда не было слышно. А уж что б слово срамное – да, Боже, упаси. Истосковалась я по деду своему. Жду встречи с ним не дождусь...

Бабушка приказывала внучке, что и как нужно сделать по отходу её ко Господу. Просила горько не плакать о ней, почаще поминать на обедне её со сродниками упокоенными:

– Все тама когда-то будем, кто ране, кто позже, в положенный час повстречаемся...

В дом стали съезжаться близкие. Сыновья с жёнами, внуки, правнуки:

– Вся семья вместе, так и душа на месте, – радовалась старушка, наставляла домочадцев. – Живите дружно, не ссорьтесь, помогайте друг дружке. Один Божий человек сам жил свято, да другим советовал делать добрые дела – добрыми делами-то и спасёмся. Бога не забывайте. Как говорит отец Димитрий – человек бывает плох, позабывши, что над ним Бог-то*. Вот и памятуйте о Господе – с молитвой-то в устах, да с работою в руках – всё сложится правильно. Я, коли хорошо там устроюсь, буду вам помогать. Деду расскажу, какие вы у нас видные да ладные. А главное, сердцем незлобивые, до чужого неохочие. Вот он порадуетесь... Недаром учил покойный: лучше своё отдать, нежели чужое взять. Эка, жисть, пролете-е-ла, как один день... Как не хорониться, а от смертушки не оборониться...

С каждым днём силы оставляли Авдотью. Голос становился слабее. Ирина почти не отходила от бабушки, ночью спала рядом на раскладушке. На Успенье отец Димитрий, отслужив праздничную службу, пришёл ещё раз причастить болящую. Долго о чём-то говорил с ней батюшка. По уходу священника старушка пребывала в необычайно одухотворённом состоянии. Молилась, вознося благодарение Господу за милость Его безграничную к ней многогрешной.

Авдотье вспомнились молодые годы, как ходили молодухами по дворам колядовать – славить Младенца Христа:

– Нынче в мире Бог родился, / Пеленами Он обвился, / Он в яслях лежал, / Весь мир в руках держал, / К Нему ангелы летали, / Ему песни напевали, / К Нему волхвы приходили, / По поклону приносили... / Прости меня, Господи, грешную... Прости меня, Господи...

Она шептала и шептала за разом раз слова колядки угасающим голосом. Они уже звучали как молитва, молитва-прославление Того, пред Кем готова она скоро предстать. Последние три дня Авдотья перестала принимать пищу, только пила святую воду, и беззвучно молилась, осеняя лоб крестным знамением. Внучка молилась своими словами в унисон с бабушкой.

* «Отчего человек бывает плох? – Оттого, что забывает, что над ним Бог» – Преп. Амвросий Оптинский.

Забрезжил очередной рассвет. На какое-то мгновение Ирина провалилась в сон, в ту пору проснувшись как будто от лёгкого прикосновения. Рядом никого. Сердце замерло от предчувствия. Бабушка лежала бездыханная, на её лице застыла блаженная улыбка. Комок подступил к горлу, слёзы навернулись на глаза. Ирина, помня бабушкин наказ, взяла себя в руки. Сделала всё, как та наставляла. Дрожащим голосом, под Трисвятое, омыла покойную, обрядила в приготовленный наряд. Открыла Псалтирь на заложенной странице «Последование по исходе души»...

К полудню принесли гроб, установили в комнате на табуреты, окропили святой водой снаружи и внутри. Под подушечку положили высохшие берёзовые веточки, освящённые на Троицу. Авдотью перенесли в гроб, прикрыли по пояс покрывалом, в руку вложили крест. В изголовье на тумбочке вместо подсвечника поставили миску с крупой, куда и установили зажжённые свечи, окурили комнату ладаном.

В дом непрестанно шли соседи попрощаться с почившей:

– Дунька, да, Дунька,.. о-ох... Дюжа ж ты заторопилась убраться-то?.. Нешто тут тебе плохо жилось? Она дети, да внуки какие помощники, толька жить да жить... – в деревнях так принято, причитая, охая-ахая выражают своё искреннее сочувствие, соболезнование родным.

В ночь перед отпеванием отец Димитрий благословил поставить гроб в храме. Пожилые прихожанки Антонина, Анна и Раиса пели до утра над своей подругой поминальную Псалтирь. На литургии священник, сродники Авдотьи и приходские молились о новопреставленной.

После службы многие остались на отпевание. В руках задрожали возжённые свечи, священник покадил вокруг гроба и предстоящих, и положил начало:

– Благословен Бог наш..

Ирина молилась вместе со всеми, временами молитва прерывалась воспоминаниями, к глазам подступали слёзы, сердце щемило от горечи разлуки:

– Господи Иисусе Христе, помилуй мя... Упокой, Господи, бабушку мою любимую,.. Прости её, если не так она что-то совершала,.. хорошая она... Прости, Господи, и помилуй...

Вот батюшка возгласил:

– Господу помо-о-лимся... – зачитал разрешительную молитву, вложил умершей в руку. Под протяжное пение «Святой Боже...» и колокольный звон, покойную вынесли из храма.

Мужчины, сменяя друг друга, несли гроб на руках до самого кладбища. Во главе траурной церемонии шёл алтарник Василий с надмогильным деревянным крестом, за ним Ирина с иконой Казанской Божией Матери, её благословили нести святыню пред гробом, ту самую икону, которую когда-то принесла Авдотья в дар восстановленному храму, за Ириной следом неспешным шагом батюшка с кадилом в руках и певчие:

– Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный... – звучало над гробом.

У могилы попрощались с Авдотьей последним целованием.

Отец Димитрий произнёс:

– Господня земля и исполнение ея; вселенная и вси живущий на ней, – взял лопатой землю со всех четырёх сторон могилы, крестообразно посыпал её на опущенный гроб.

Бабы заговорили:

– Опечатал гроб до второго пришествия.

За священником остальные бросили по горсти в могильную яму. Земля падала гулко на крышку гроба, глухой стук болью отзывался в сердце Ирины...

Над могилой установили крест, у его основания поставили фонарь с зажжённой поминальной свечой. Свежий холмик украсили цветами.

Священник снова вознёс молитву о новопреставленной, вспомнил её добрыми словами, произнёс слова утешения родным:

– Веруйте, разлука эта временна. Неслучайно христиане хранят обычай не сжигать, а зарывать тело в землю. Оно как зерно должно возродиться к новой жизни. Предавая земле тело близкого человека, мы выражаем надежду на воскресение ...

– Вечная память... Вечная память... Вечная память, – вознеслось к Небесам.

Поминальный стол организовали в трапезной храма. Батюшка помолившись, благословил трапезу. Помин начали, как и полагается с вкушения освященной кутьи* с мёдом.

За столом поминали усопшую, добрые дела её, да мудрые советы, поминали, как памятовала она о неизбежном смертном часе, готовилась к нему, чтоб удостоиться кончины непостыдной, как часто поговаривала:

– Важно знать, не каким ты родился, а каким ты умрёшь.

Ирина посидела на поминках недолго, ушла домой. Ей хотелось побыть одной. Несмотря на наставления старушки не горевать после её смерти, Ирине тяжело было смириться, что любимой бабушки не будет. За последние дни женщина сильно устала и душой и телом.

Она прилегла на диван, перед глазами проплывали картинки-воспоминания из далёкого детства: вот она маленькая идёт по улице вдоль соседских дворов, вдруг из подворотни выскочил страшный гусь, он сильно вытягивал шею, угрожающе шипел, девочка, пересилив страх, что есть мочи, побежала к своему дому. С хворостиной в руках на помощь внучке спешила бабушка. А вот Ирина уже первоклассница, сидит в комнате за большим столом вместе с дедушкой, делает уроки. Неожиданно опрокинулась чернильница, чернила синим пятном расплылись по столу. Ирина пыталась спасти тетрадку с прописями, дед Степан внучку... На подозрительную возню вошла бабушка. Она так и обомлела, увидев синюю лужу на столе, синюю с ног до головы внучку и дедушку, по локти перемазанного синими чернилами.

Сквозь полудрёму зазвучал бабушкин голос:

– Мы писали, мы писали, наши пальчики устали... А читать... вы не забыли почитывать?... Раз... два... три... сорок... Псалтирь... читать...

Ирина вздрогнула, стряхивая остатки дрёмы, поднялась с дивана, взяла Псалтирь. Много ей было непонятно в словах молитв, но она искренне верила и чувствовала – бабушка радуется, наказы её не остались не услышаны. Да и отец Димитрий говорил, что горячая молитва ближних имеет большую силу, помогает умершим, посылает им облегчение:

– Я буду молиться за тебя, горячо молиться, только б тебе было хорошо.

Каждый вечер, когда домашние, утомившись, засыпали, Ирина шла к святому уголку. Её уже так не тяготило долгое стояние и чтение молитв, скорее наоборот – становилось потребностью, душа получала утешение.

Вечером сорокового дня с кончины, она как обычно молилась об упокоении, устройении загробной участи бабы Дуни. Расчувствовавшись, мысленно обращалась:

– Бабушка, милая бабушка, я скучаю по тебе... Знать бы, как ты там устроилась?..

За спиной послышался тихий звук, похожий на размеренные похлопывания в ладоши. Звук медленно продвигался от двери через всю комнату в сторону святого уголка, где стояла Ирина, лёгкое дуновение коснулось её лица, пощекотало ресницы, выбившуюся из-под косынки прядь волос. В полумраке комнаты вздрогнул огонёк лампы, отражаясь золотистыми бликами на ликах святых. Похлопывающие звуки поплыли обратно, скрылись за дверью.

Какое-то время женщина стояла в оцепенении, вдруг из глаз её потекли слёзы, горячими струйками они бежали по щекам, чем больше их истекало, тем легче становилось на сердце.

И вот душа её наполнилась необычайной радостью: радостью от ощущения бабушкиного прикосновения, радостью от искренней молитвы, которую она впервые в жизни совершала ради устройства участи близкого человека, великой радостью приятия в сердце своём истинной Веры.

* Кутья (коливо) – сваренная пшеница, приправленная мёдом. «Пшеница означает, что умерший воистину снова восстанет из гроба: так пшеница, брошенная в землю, сперва истлевает, а потом возрастает и приносит плод. Поэтому и Господь Иисус Христос – Воскресение наше – сказал: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12, 24). Мёд, употребляемый в кутии, означает, что после воскресения православных и праведных ожидает не горькая и прискорбная, но сладкая, благоприятная и блаженная жизнь в Небесном Царствии. Часто пшеницу заменяют рисом». (Помянник.ру).

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Бина Калс – родилась в 1967 в городе Бургас. По образованию биотехнолог. Автор двух поэтических сборников. Член Союза болгарских писателей. Живёт в родном городе.

Бина КАЛС

Птичьи крылья поэзией были отмечены...

Во имя грядущего времени

Возвестила вода, бегущая в лето,
и венки, что сплетён из пахучих трав.
Облака созерцали и острова...

Птичьи крылья поэзией были отмечены,
А в пространстве расширенном –
Птерос становится Эросом –
во имя грядущего времени.

Из капли дождя, из дождя, до капли,
судьбоносное вскрываю письмо,
чтобы меня видели все кузнечики
и запомнили, – с солнышком на губах.

На четыре глаза оставляю любовь,
выбираю три вещи,
чтобы вечно со мной оказались...

О, сколько же песен во мне!

Зима

Какое течение выбросило меня в этот залив?
Не говори: особенно безвременье.
Отрицай идеалы,
тоску и протуберанцы света,
блестящую синь меча сталактита.

Наблюдаю снега,
понимаю:
в покое имеется смысл, значение.

Касаюсь снежинок, наполняюсь летящей материей.
Касаюсь и ветра – вздохи меня наполняют.
А эту упругость водную ощущаю
с оболочками атома вместе.

Издали повидал два параллельных землетрясения,
и буду не раз вслушиваться в них,
в степях, и в песках,
ведь там все метаморфозы жизни,
что предшествуют нашим представлениям
о метафорах.

А игра с тенями заполняет собой все иллюзии,
вплоть, до входа в легенды,
которые ещё скрывают непрочитанные знаки на скалах,
хранят эти маленькие круглые цистерны,
которые собирают вино времени –
для жертвенных алтарей,
поверх рельефов,
молчаливых, как ледники.

Сейчас для меня
зима не достижима,
как и не постижима внутренняя сила чисел,
естественные колебания в квантовых диалектах,
и этот медленный, медленный кислород,
с которым я пробуждаюсь
по мере необходимости – как прикосновение.
Блуждающая планета – это мой ум, моё представление,
и только знак звёздного атласа достаточен для меня,
чтобы сохранять душу и тело вместе,
здесь, где ориентиром мне служит солнце,
идентично, тождественно с тобой и с любовью.

Перевёл с болгарского Всеволод КУЗНЕЦОВ

ПОЭЗИЯ

Галина СМЕТАНИНА

Галина Алексеевна Сметанина – печаталась в газете «Лобня» и «Слово», в «Сборнике стихов о Лобне», сборниках «Цветы большого города», «У Никитских ворот», в журнале «Поэзия». Лауреат Есенинской медали, Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова. Член Союза писателей России.

Живёт в городе Лобня.

Всё так, как до пришествия Христа...

Вечер бездонный

Вот вечер бездонный
Свечою погас.
Туман многотонный
Лежит, как балласт.

Ночь прячется в нише
Прибрежных камней.
Всё ближе, и ближе
Крадёт ко мне.

Диск лунный, попавший
В подводный поток,
Монетой упавшей,
Лежит возле ног.

И с силой сжимает
Тисками виски.
Тоской обнимает,
И рвёт на куски.

Померившись силой
С Космической тьмой,
Мозг изнасилован
Осью земной.

Заозёрная Русь

В стороне от дорог
Ненавязчива грусть.
Заповедный мирок.
Заозёрная Русь.

Здесь тепло от земли.
Пахнет прелым листом.
А в воде расцвели
Все кувшинки гуртом.

Спрятав плечи в кафтан,
Бродит зябкая ночь,
И кудрявый туман,
Поболтать с ней непрочь.

В стороне от дорог
Грусть, как небо легка.
Надышалась я впрок
Русью у озера.

Дороги войны

Ни ветерка, ни шелеста листвы.
Всё так, как до пришествия Христа,
И только крик испуганной совы
Да смятая под деревом трава.

И цепкий взгляд нащупывает цель,
Что испугало дремлющую птицу,
И липкий пот, прозрачный, словно гель,
От напряженья, по спине струится.

«Шатой», «Шали», и «Малый Варанды»,
Дороги к жизни через горы смерти.
Горьки войны непризнанной плоды,
И тех, кто оказался в эпицентре.

Дикая яблонька

Дал отец своё мне отчество,
Имя крёстная дала.
С той поры считала вёсны я.
Дикой яблонькой цвела.

Сколько на земле, на матушке,
Таких яблонек растёт,
Кто с отцами в детстве в ладушки
Не играли, видит Бог.

Эх, была бы только волюшка,
Босиком ушла б за ним,
Не хлебнула б в детстве горюшка
Сердцем от тоски больным.

Кто ушёл, тот не воротится.
Реки течь не станут вспять,
Но порою очень хочется
Хоть глазком, да повидать.

Звать во снах тебя не стану я,
Что былое теревить?
Сколько б не лечила раны я,
Но отца не воротить.

Всему своё время

Весна... опять весна... уж который раз за одну зиму... Надоело!

И физически, и духовно тяжело. И хочется, хочется, хочется, ужасно хочется снега! Белого, пушистого, мягкого. Я ещё не насытилась им. Хочется его как спасения, как небесной красоты и очищения.

– Только бы полежал, только бы полежал подольше, – каждый март силы небесные умоляю я. И по молитвам мне воздавалось. Один год до самого апреля ходили на лыжах. А в этом году... в этом году ещё в конце февраля как отрубил. Весь снег, выпавший в феврале (а выпало ведь много) за один миг, не успели мы оглянуться, растаял... Тоска! Тоска! Какая-то безысходность, грязь кругом...

Снега хочу! Снега хочу! Снега хочу!!! Чтоб валил крупными, тяжёлыми, мохнатыми хлопьями, а я, подставив лицо ему, растворялась, растворялась, растворялась бы в его бело-дымчатой круговерти...но нет, нет, всего этого нет уже, как не бывало. Хотя бы морозца уж градусов эдак пять, как тогда, лет, кажется десять тому назад, в одно воскресное мартовское утро... Солнце, снежный сыпучий наст под ногами – хоть пешком иди – не проваливается, а на лыжах – и вовсе раздолье. Вышли мы с Кимом, любимым рыжим псом моим, на поле и обомлели, аж дух зашёлся, и невольно вскрикнулось – перед нами раскинулся слепяще-искрящийся океан снежно-белого великолепия... Не знаю, прочувствовал ли Ким всю эту прелесть, но приволье он ощутил в

Алла Александровна Синьковская – живёт в Подмоскowie.

Банный день. Худ. А. Карелин

Голубые тени в деревне. Худ. А. Карелин

полной мере – такие кренделя пошёл выписывать от избытка чувств, что я тоже не удержалась, рванула за ним вдогонку. Мы с ним избороздили весь снежный океан. Жаль было нарушать всю эту несказанную красоту, но что-то же надо было с ней делать! Да, тот день пронзил меня насквозь своей красотой и праздничностью. С утра – на низких кустарниках и прошлогодних былинках, выбивающихся из-под снега – пушистый, висящий новогодними гирляндами иней, которым лучше всего любоваться, повернувшись к солнцу – каждый кристаллик сверкает, переливается всеми цветами радужного спектра. Любуясь – не налюбуйешься! Хочется завернуть с собой. К полудню – сплошное белое сияние со всех сторон! А сейчас... Сырость, серость, промозглость, никаких тебе радужных впечатлений. Целый месяц мне так тосковалось. Не чувствовалось удовлетворения. Удовлетворения от зимы, от мороза, от снега, от жизни. Организм не очистился, не осветился. Казалось, что впереди ждёт не сияющая солнцем весна, а беспросветная бездна. Но... время неумолимо идёт вперёд, всё подминает под себя. Помаленьку-помаленьку докатилось оно и до мая. А тут уж какой снег?! Ожидание его совершенно померкло. И то... зачем жить прошедшим? Надо жить настоящим и думать о будущем. В настоящем же травка уже повьползла, почки уже кое-где проклюнулись, выпустив наружу нежно-салатовые клейкие листочки, птички на разные голоса поют, обещая в будущем ещё более расчудесную погоду, связанную с наступлением знойного истомляющего лета. Всё готовится к последнему рывку, чреватому общим цветением. Как вдруг в один прекрасный момент из серого, совершенно невыразительного неба (хоть бы тучки для приличия нагнало) полепил огромными мохнатыми ошметками мокрый тяжёлый снег. Снег!!! Радость!!! Наконец-то, наконец дождалась!!! Праздник души и тела!!! Лицо вверх, глаза закрыть, и по тебе – шлёп, шлёп, шлёп – опять чистая белая зима вернулась. И подумалось: «Надо, обязательно надо ждать и верить и дождейсья – мечты непременно сбудутся». Но часа через два нашлёпало столько снега, что ни травы, ни почек, ни уже успевших выбиться листочков, не было видно из-под белого наичистейшего зимнего савана. Подул северный ветер, и потянуло зимою, беспощадной, студёной зимою... Затосковалось... и подумалось: «Нет уж, пусть всё идёт своим чередом, ибо всё хорошо в своё время»

Закон самосохранения

Страусиная теория

Согласна, согласна, основной закон – это закон самосохранения. А попробовала бы я не согласиться... Жизнь быстро опровергнет моё несогласие, ибо всё в этом мире стремится выжить. Выжить, во что бы то ни стало выжить: и человек, и самое мелкое насекомое. Всяк цепляется за жизнь, порой из самых своих распоследних силёнок. Насекомое – Бог с ним – оно нам подчас совсем не интересно, и даже, несмотря на всю его тягу к жизни, мы запросто можем лишить этой самой жизни, потому как, вредное оно и кусачее это самое насекомое. Ещё раз, Бог с ним! Нам интересен человек – царь природы, его мироощущение, его миропонимание, его тяга к жизни, из-за которой, кстати сказать, он, подчас ведёт себя совсем не по-царски, то есть, напрочь забывая о своём человеческо-царском достоинстве. Оболгать, обмануть, укусить, столкнуть, да и просто, как того самого насекомого, лишить ближнего драгоценной человеческой жизни – вот обычные способы жесточайшей борьбы за лучшее место под нашим ласковым, нашим тёплым, правда, в последнее время, очень яростным солнцем.

Река Печора. Худ. А. Карелин

всё просто распрекрасно», – занималась каждодневным утренним аутотренингом Томочка.

Мы рождены для счастья, а поэтому обязаны быть счастливыми, – не раз думала она, – к чему мне какие-то проблемы, особенно чужие? Мне бы со своими благополучно разобраться, чтобы ничто не омрачало моего каждодневного существования. Только хорошее! Только хорошее! Кто хочет жить долго и счастливо не должен думать о плохом. Нужно на многое закрывать глаза, многое наносное не допускать в свою сущность». Так Томочка и жила. В общем-то, она была по сути своей добрым, отзывчивым человеком. Но желание быть счастливой подминало под себя всё. Боль, не физическую, а душевную боль она просто не выносила. Страдание – это было не для неё, а сострадание тем более, ибо одно несомненно вытекает из другого. Зачем, зачем стремиться помочь кому-то, если и без тебя ему кто-нибудь поможет, или всё само собой как-нибудь рассосётся... И ведь рассасывалось же – Томочка даже и пальцем не шевелила. Не обращая внимания на неприятности и проблемы свои и чужие, Томочка стремилась получить от жизни как можно больше удовольствий, как физических, так и душевных. Хорошо это, конечно, очень хорошо, потому что она всегда была внешне подтянута, жизнерадостна, улыбочива, но как бы... холодна – она ни с кем не сходилась близко – лишь бы только не получить отрицательную энергию – она над всеми парила, как легкокрылый мотылёк, очаровывая на расстоянии. Никто даже не пробовал дотянуться до этого мотылька, а тем более попросить его о помощи. А Томочке этого только и надо было. Уж очень она оберегала себя от жизни. Книги ею читались только с положительными сюжетами, фильмы и спектакли смотрелись только с хорошими концами, тело её нескончаемо холилось и лелеялось, правда, получая изрядную физическую нагрузку, что, между прочим, доставляло Томочке тоже своего рода удовольствие. В последнее время Томочка сильно пристрастилась к плаванию. Ни с того ни с сего научилась плавать и...

Вода!!! Какое благо – просто бултыхаться в ней, а уж, если умеешь плавать – это несказанное наслаждение ощущать всем своим телом гибкую упругость прозрачной освежающей стихии. Это было, как откровение, когда Томочка почувствовала, что вода держит её, не даёт опуститься на дно, выталкивает на поверхность. Восторг, испытанный ею в тот миг, не поддаётся описанию. Томочке хотелось петь, кричать, молотить по воде руками... Она и попробовала было, но быстро утомилась и просто легла в дрейф на спину. «Вот наконец-то, вода заодно со мной», – думала Томочка, распластавшись на воде и, глядя в бездонное голубое-преголубое небо. Две стихии – вода и воздух соединились для неё воедино.

И вот каждый год она стремилась проводить лето у какого-нибудь водоёма: будь то река, озеро, пруд, море. Бассейны были не в счёт. Томочка получала удовольствие от природной, естественной среды. Организм диктовал свои условия. Ему же хотелось всё

Томочка Верхоглядова в эту борьбу не ввязывалась. Она просто жила себе да жила, стремясь жить тихо, спокойно, ни во что не вмешиваясь, находя удовольствие и удовлетворение в простом каждодневном существовании, каждый час, каждый миг открывая для себя всё новые и новые прелести жизни. Только хорошее, плохое отвергалось Томочкой. Может, оно и имело место быть, но только не для неё. «У меня всё хорошо, у меня всё хорошо, у меня

большей и большей свежести. В обычной, чуть тёпленькой водичке ему было невероятно скучно – никакого тебе адреналина, никакой остроты ощущений. И Томочка, не обращая внимания ни на кого, начинала купаться чуть ли не с апреля. Впрочем, что здесь такого? Моржи ведь и зимой в прорубях бултыхаются. Но на то они и моржи. А простому человеку как-то страшно лезть в ледяную воду, даже, если и апрельская жара на дворе. А Томочка не боялась,

Пруд в деревне Юшково. Холст, масло. Худ. А. Карелин

потому что ледяная вода не только бодрила, а словно смывала с души и тела всю скверну. После купания Томочка чувствовала себя так, будто заново на свет родилась. Невероятная лёгкость не позволяла Томочке думать ни о чём плохом, а тем более замечать это плохое. Да пусть всё летит в тартарары, а Томочке распрекрасно, и всё тут. Водные процедуры позволяли ей легче, чем каждодневный аутотренинг убежать от действительности. Вот и сегодня, хоть температура воздуха еле дотянула до плюс семи (после двадцатиградусной апрельской жары резко похолодало), Томочка с удовольствием разделась на берегу водоёма – ветер словно остриём бритвы полоснул по всему телу – скорее в воду... Вода тоже обожгла, точно температура её достигала плюс сто градусов по Цельсию. «Надо двигаться», – Томочка неистово замолотила руками и ногами. Лягушачье-собачий стиль вперемешку с брасом вскоре дал свои результаты – захоловнувшая, было, кровь немного разогрелась. «Сейчас я ещё немножко проплыву и – к берегу»... но... не тут-то было... Вероятно, не все её мышцы ещё разогрелись – правую ногу свела мучительная судорога. О как больно!!! Нога совсем не слушается. И вторая закаменеет. Руки ещё работают, но... Окунулась с головой. Вынырнула: « Спасите! Спасите! Спа... фр-фр-фр...сите! Умоляю!!!» Но разве кто-нибудь спасёт? Холодно... В воде, кроме неё, никого, на берегу ходят люди, больше женщины, есть и мужчины... Но кому захочется лезть ради кого-то в холодную воду. Томочка изо всех своих последних сил барахталась в воде и, не надеясь на чудо, почти уже шёпотом взывала о помощи... Несколько раз её голова скрывалась под водой, но, благодаря невероятным усилиям, Томочке удавалось вытолкнуть своё тело на поверхность; голова ещё продолжала работать, но сознание как бы расплывалось по времени – то Томочка видела себя маленькой девочкой с зарёванными глазами – они только что со старшей сестрой похоронили кротёнка – такого маленького, мягкого, симпатичного... В тот день пятилетняя Томочка впервые встретилась со смертью – горе и страх не знали границ. Потом ещё были переживания насчёт убитых птиц, избитых собак, повешенных кошек. Маленькое сердечко разрывалось на части от человеческой жестокости, но как, как маленькая, хоть уже и подрастающая девочка могла противостоять огромному, непонятному в своих жестоких проявлениях миру? Как? Всех ведь не спасёшь, не обогреешь, не обласкаешь, всем не поможешь... А поэтому в целях самосохранения лучше не помогать никому «Спасите! Спасите! Спасите!» из самой своей последней мочи крикнула Томочка и уже в совершенно бессознательном состоянии опустилась на дно...

«Боже! Я жива!», – было первой мыслью Томочки, когда она, лёжа на берегу водоёма, открыла глаза после сделанного ей искусственного дыхания, – значит, всё-таки кто-то полез в ледяную воду, чтобы спасти меня. Господи! Какое счастье, что не все такие как я!!!

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Владимир СТОЯНОВ

Владимир Стоянов – родился в 1959 г. в Варне. Поэт, переводчик, литературовед, бард. Живёт и работает в родном городе. Член Союза болгарских писателей.

В жизни ты ищешь счастливого часа...

От вершины до корня

От макушки меня зачеркнула до корня даже,
так и не сумев понять сущности моей.
Годы тлеют, как воспоминанье далёких дней
в Дунае памяти нашей.

Не дым ли я, что ползёт над камином,
и присел немного отдохнуть,
человек из праха – и в этом суть –
из мечты путника, смешанной с глиной?

Не куст ли, с молитвою соловья,
внезапно загородивший горизонт?
Клубок из чёрно-белых ворон,
ждущих нового урожая?

И ступают в реку ворчливо...
А может сам я спасённая книга,
что келью молвы достигла,
в которой огонь проползает игриво?

И пеплом придётся платить за свободу...

След

В жизни ты ищешь счастливого часа.
Чтобы летать родился. Да не смог я.
Но во мне издавна сказочное богатство –
светлый дух – истинный дух йога.

Он не хочет быть в тягость, навязывать плен
временной массе тела.
Мысль его – ловкий и гибкий тюлень,
который уже не может без дела...

Говори, говори мне про день, – что не ночь,
помоги мне быть в жизни различным,
чтобы свет побелел, стал он истинным вновь, –
не анонимным, а личным.

Может, синь я морская, и берега нет,
или бриз, может, с ризой из пены.
И найду ли когда тот глубокий я след,
где отыщется жизнь непременно?

Тогда

Если обнимешь камень, создашь ли себе семью?
Если сорвёшь цветок, услышишь ли смех его?
Умолк и кузнечик, скрылся внезапно
во тьме пересохшего горла.

А подсолнечный жмых жизни
наклоняет к земле зрелый взгляд
в ожидании птиц на кресте своего якоря, –
чтобы выплеснуть сверху звонкое облако.

Тогда всё, пожалуй, может случится:
руки Пилата испачкаются,
Каиафа новую совесть купит
и кто-то откроет лекарство от рака.

Перевёл с болгарского Всеволод КУЗНЕЦОВ

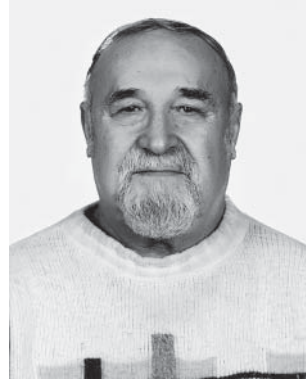

ПОЭЗИЯ

Альберт ТУССЕЙН

Альберт Иоганович Туссейн – родился в 1939 г. в городе Днепрпетровск, музицирующий лингвист, переводчик-международник (полвека работы в отечественных, зарубежных и международных организациях), посетил практически все страны мира, автор более тридцати книг стихов, прозы и переводов, лауреат нескольких премий, член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

В тебе черпаю силу в бессилии...

Моему Кольцову

Так отчётливо, так впервые
я увидел тебя лишь при встрече.
Перестали шептаться деревья.
Прекратились все птичьи речи.

Перестало вдруг биться сердце.
Отключилось земли притяжение.
Тяжесть неба свалилась с плеч.
Любопытные выползли звёзды.

Опрокинулись степи навзничь.
Вздохом замерли синие горы.
И сбегали все быстрые реки
к морю весть донести благую.

Так отчётливо, так впервые
я увидел тебя лишь при встрече.
Загудел тугой колокол вещей,
созывая слова на вече.

Прилетели они, серебристые.
Прилетели, вокруг закружились,
словно пташечки – малые дети,
словно птица-орёл поднебесная.

Сердце слушало их, упивалось.
Руки гладили их, согревались.
А душа рвалась вверх белым облачком
на простор земли, в глубину небес.

Так отчётливо, так впервые,
брат, узнал я тебя лишь при встрече.
В ночь познания, в день откровения –
не в мудрёные утро да вечер.

Песнь печальную пишущий прасол...
Разухабистый русский певец...
Кольмага в степи... и тетрадка...
пляшет пульсом под блики костра...

Дай же руку, а душу я отдал,
разорвав, сбросив путы лет,
униатам-поэтам, готовый
в вековечной их битве пасть.

Так отчётливо, так впервые
я почувствовал Слова власть.

Моему поколению

Девчонки моего поколения...
Вас давно уже мучают дети.
Те, кто есть, и которых нет.
И которых, наверно, не будет...

О, я так вас порой понимаю,
будто в зеркало, глядя на вас.
Вы давно уж не ждёте «чего-то»...
Ну а «что-то» уж ждёт где-то вас...

Расколосось мое поколение.
Распылилось века опилками.
Те сгорают до самозабвения.
Те в судьбе ковыряют чуть вилками.

Разлетелось моё поколение
огоньками знакомых глаз.
Эти звёзды моих ровесников
в людском небе узнаю враз.

Я причастен к их взглядам грустным,
к их поступкам, словам весёлым,
к их полётам, паденьям грузным,
к городам их, посёлкам, сёлам.

В 39-й испанский год
родились мы в преддверии ада.
Ещё детской пружины завод
отдавая зловещему «надо»...

Когда спросят меня: «Ты счастлив?
Верно ль чувствуешь века веленье?»,
я склоняюсь к тебе, как к причастью,
поколение моё, поколение...

В тебе черпаю силу в бессилии.
В тебе веру ищущу в безверии.
Убегают от ночи лилии –
не сбегало моё поколение.

Нарушая порой симметрию,
мы опасною ночью горели.
Наложило, любя геометрию,
на нас время морщин параллели...

Параллелями искрятся лица.
Параллели проводят сердца.
Там, где сходятся две параллели,
поколенья начало конца.

Гавайи поют петухами.
Швейцария мелодирует,
весело позвякивая
коровьими колокольчиками.

Грузия грезит
горными гармониями.
Латинская Америка –
вся в переборах гитарных.

Родина вся в солоспівач
серебряных заливаётся
высоким-высоким жаворонком.

Россия славно солирует
своими соловьями.
Этот мир – Музыка!

Московское – 1

*Что толку охать и тужить –
Россию нужно заслужить!*

И. Северянин

Москва – история.
Крови кров.
Величие мелочи.
Мелочь Великого.
Мать – мат.
Могущества мот.
Вечная невеста.
Навеки вдова.
Заставит тебя
и горько и сладко
расплакаться вдрызг.
Но слезам твоим
разыскренним
вряд ли поверит.
Обдерёт, как липку.
Напоит ароматным
липовым чаем.
Москва – матрёшка:
тайна в тайне.
Москва – красавица.
Прекрасная...
Жестокая...

Первая любовь Алексея Толстого

«Я рано женился, – девятнадцати лет, – на студентке-медичке, и мы прожили вместе обычной студенческой рабочей жизнью до конца 1906 года».

А.Н. Толстой. Краткая автобиография

Олег Иванович Корниенко – поэт, прозаик, краевед, председатель единственной в Самарской области творческой организации «Содружество детских писателей».

Живёт в Сызрани.

23 февраля 1945 года, ровно 67 лет назад, не стало известного русского писателя Алексея Николаевича Толстого. И.А. Бунин, долгое время живший с Толстым в эмиграции во Франции, так описал это в своём дневнике: «24.2.45. Суббота. В 10 вечера пришла Вера (жена Бунина – О.К.) и сказала, что Зуров (писатель, друг семьи – О.К.) слушал Москву: умер Толстой. Боже мой, давно ли всё это было – наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой!» Тот же Бунин оставил после себя очень эмоциональные и беспощадно-правдивые воспоминания о «третьем Толстом», которые до сих пор издаются с купюрами.

Наш знаменитый земляк – писатель Алексей Николаевич Толстой был, бесспорно, личностью противоречивой: в 1918 году он собирался целовать сапоги у царя, если восстановится монархия, и ржавым пером прокалывать глаза большевикам, а потом с большим достоинством возглавил советскую литературу. Подобное часто случается.

Вообще-то Толстой очень созвучен нашему времени. Его любимое словечко – «колбаситься» – не устарело и сегодня. Выгодно продав свой титул, он быстро приспособился к новой власти и жил на широкую ногу: великолепная дача, мебель XVIII века, две иномарки, многочисленная прислуга...

Блок, недолюбливавший молодого Толстого, дал ему такую характеристику: «Много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта». Именно благодаря талантливым произведениям «Хождение по мукам», «Петр I», «Детство Никиты», «Золотой ключик» мы и помним Толстого. Жизнелюб, любитель хорошо поесть и хорошо выпить, эгоцентричный, чуждавшийся идейных людей и всяких идей вообще, Толстой любил женщин. Четырём он дал право зваться «графиня Толстая». Сегодня наш рассказ – о первой любви великого писателя...

Впервые Юлию Рожанскую, дочь коллежского советника Василия Михайловича Рожанского, 17-летний Толстой увидел, заглянув однажды на репетицию любительского драматического театра в Самаре, куда они год назад переехали с матерью из Сызрани. Здесь Алексей продолжил учёбу в местном реальном училище.

Юноша сразу обратил внимание на девушку – исполнительницу главной роли, и с тех пор не пропускал ни одного спектакля, ни одной читки, ни одного прогона. А когда руководитель театра предложил ему роль в пьесе А. Островского «Свои люди – сочтёмся», Толстой с радостью согласился. Ведь совместная работа над спектаклем давала ему надежду на то, что девушка заметит его – такого талантливого и такого влюблённого! Но Юля не обращала на графа ни малейшего внимания, поскольку тот был моложе её. Тогда он написал для неё водевиль «Путешествие на Северный полюс». Девушка приняла дар, лишь холодно кивнув.

Однажды во время репетиции Алексей подошёл к ней и протянул записку. «Это я для вас, Юленька, написал». В записке были стихи:

*Посмотреть мне достаточно в серые очи,
Чтоб забыть все мирские дела,
Чтоб в душе моей тёмные ночи
Ясным днём заменила весна.*

Девушка была польщена. И стала терпимее относиться к ухаживаниям графа. Вскоре они начали встречаться не только на репетициях, но и в свободное от занятий время. А во время каникул он и дня не мог прожить без девушки.

Юлия Рожанская и Алексей Толстой

«Я места себе не находил без Юленьки, – писал Алексей впоследствии в своих дневниках. – Наконец поехал в Бригадировку (село, где Юля жила у родни. – О.К.). Встретившись с ней, я нашёл душевный покой».

После окончания реального училища Толстой мечтает о дальнейшей учёбе. В 1901 году он едет поступать в технологический институт в Петербург. Уговорил и Юлю ехать вместе с ним. По его совету в этом же году она поступила в медицинский институт.

В Петербурге Алексей и Юля стараются проводить свободное время с пользой: в Александринском театре посещают спектакли с участием В.Ф. Комиссаржевской и К.А. Варламова, в Театральном доме Павловой смотрят оперетту С. Джонсона «Гейша», в Мариинском

слушают оперу «Кармен». И это не просто желание подражать столичной богеме, а духовная потребность молодых провинциалов. Даже первую меблированную комнату А. Толстой и Юлия снимают у актрисы театра Литературно-художественного общества. Там, в Питере, А. Толстой часто ловил себя на мысли, что оценивает Юлю со стороны как будущую жену, и оставался доволен. Они понимали друг друга, их влекло друг к другу, зачем же разлучаться? Юля с радостью встретила предложение Алексея выйти за него замуж. Конечно, лучше бы это сделать после окончания института, когда будет работа и меньшая зависимость от родителей, но – годы...

О предстоящей свадьбе – почти в каждом письме Алексея родным: «Свадьбу лучше всего справлять в Тургеневе, но не забудьте, что числа 4 июня начнётся пост и венчать уже не станут до августа». Помимо поста была и другая причина – Юля была беременна.

Летом 1902 года они после экзаменов отправились в Самару, а затем в Тургенев, где 3 июня венчались в местной церкви. На момент женитьбы Алексею исполнилось 19 лет, Рожанской – 22. О свадьбе в метрической книге сохранилась следующая запись: «Сын графа, студент первого курса технологического института Императора Николая I Алексей Николаевич Толстой, православного вероисповедования, первым браком. Дочь коллежского советника Юлия Васильевна Рожанская, слушательница Санкт-Петербургского женского медицинского института, православного вероисповедования, первым браком».

Церемония была скромной. Александра Леонтьевна не захотела пышной свадьбы: «Семья у неё, конечно, хорошая, но Алёша ещё так молод», – сетовала матушка.

В свадебное путешествие молодожены отправились в Новороссийск и Севастополь. Потом была Вятская губерния, где А. Толстой продолжил практику на Сугинском стекольном заводе как технолог. Через месяц молодожёны, заглянув к родным в Самару, вернулись в Санкт-Петербург – в технологическом институте начинались лекции.

В январе 1903 года у А. Толстого и Юлии родился сын Юра. Теперь все свободное время граф посвящал ему. В воспитании сына молодым помогли родители Алексея и Юлии, а потому Юрий какое-то время жил то у Александры Леонтьевны в Самаре, то у Рожанских в Казани, что позволяло молодожёнам спокойно учиться, выезжать на практику, посещать театр. Но как только наступают каникулы, они спешат к сыну.

В мае 1905-го А. Толстой сдаёт экзамены за 4-й курс, переходит на 5-й. Их институт становится одним из очагов революционной борьбы. Когда по городу поползли слухи, что черносотенцы готовят расправу с революционно настроенным студенчеством, Алексей и Юлия перебираются на несколько дней в Выборг к двоюродной сестре Александры Леонтьевны – О.К. Татариновой. Но ситуация в Питере за это время не улучшилась: все учебные заведения были закрыты и оцеплены войсками. Тогда у Толстого появилась мысль уехать для продолжения учёбы в Дрезден к своему товарищу по институту А.Чумакову. «Петербург опять заснул. От октябрьского оживления не осталось и следа, разве только усиленно расплодилось похабные журналы с порнографическими рисунками. После экзаменов всё-таки уеду за границу, здесь заниматься невозможно», – сообщает он в письме отчиму А. Бострому.

Там, в Германии, весной 1906 года в жизни Толстого появилась другая женщина – Софья Розенфельд (урождённая – Дымшиц). Их познакомил родной брат Сони – Леон, с которым Алексей Николаевич учится в Дрезденском политехническом институте. Софья в это время была студенткой университета в Берне; там же обучался и человек, считавшийся по документам её мужем.

«Брак наш был странный, я бы сказала “придуманый”, – вспоминает С.И. Дымшиц-Толстая. – Человека этого я не любила и не сумела его полюбить. Вскоре я тайно, без всякого предупреждения, покинула его и поехала в Дрезден, к брату». Леон часто навещал сестру, приезжал со своими товарищами, среди которых был и Алексей Толстой.

Друзья любили Алексея за весёлый, открытый и прямой характер. Они посмеивались над его необыкновенным аппетитом, рассказывая о том, что в ресторане на вокзале (студенты обедали там потому, что это был самый дешёвый ресторан в Дрездене)

он беспощадно «терроризировал» официантов, приносивших ему к обеду большую корзинку с хлебом, лаконичным возгласом: «Wenig!» (Мало!). Не скрывала своих симпатий к товарищу брата и Софья. Общаясь с девушкой, Алексей заметил, что ему интересно с ней, они понимают друг друга с полуслова.

– Знаешь, Леон, – сказал он через некоторое время другу, – если мне когда-нибудь придётся жениться вторично, то моей женой будет твоя сестра.

Леона эти слова обеспокоили. Он знал, что Алексей женат и имеет ребенка, и что покинутый сестрой муж из мести не даст ей развода. Поэтому, во избежание греха, он потребовал, чтобы Софья уехала в Петербург к родителям.

Возвратившись в Россию, Софья Дымшиц поступила в школу художника С.С. Егорова. Возвращаясь однажды после занятий домой, на углу Невского и Пушкинской она столкнулась... с Толстым. Оказывается, он тоже покинул Дрезден и сумел восстановиться в Технологическом институте. При встрече Алексей Николаевич не преминул спросить у девушки разрешения прийти в гости. И вскоре пришёл, но не один, а с женой Юлией Рожанской. Он не мог уже без Софьи, и искал любую причину, чтоб встретиться с ней. А вскоре начал являться без жены, что вызвало недовольство родителей Дымшиц. По их настоянию Софья перестала принимать Алексея Николаевича. Но разве это могло остановить молодого Толстого? Его точно магнитом тянуло к девушке и вскоре он тоже поступил в школу Егорова, совсем забросив занятия в Технологическом, для окончания которого оставалось защитить дипломный проект.

Однажды весной 1907 года Толстой явился в школу Егорова, облачённый в сюртук, и когда он и Дымшиц остались одни, сделал ей предложение. Софью это тронуло, но... Если она почти свободна, то у графа была семья. Толстой долго убеждал девушку, что его решение выстрадано и обратного пути нет.

Чтобы проверить чувства молодого человека, Дымшиц предложила ему съездить за границу. Толстой согласился и вскоре отправился с Рожанской в Италию. Но не прошло и месяца как они вернулись в Петербург. Поездка показала, что семейная жизнь Толстого и Рожанской распалась окончательно. Юлия Васильевна вначале тяжело переживала разрыв. Она хотела видеть Толстого инженером, к его увлечению творчеством относилась равнодушно. Однажды она сказала Алексею Николаевичу: «Если ты окончательно решил отдаться искусству, то Софья Исааковна тебе больше подходит».

С июля 1907 года неразведённые Толстой и Дымшиц стали жить вместе. В те годы расторжение брака утверждал Священный Синод. И бракоразводный процесс мог длиться годами. Алексей Николаевич и Юлия смогли развестись только в 1910 году. Но это уже были детали: за два года до этого – 11 мая 1908 г. умер их пятилетний сын, который был последней ниточкой, связывающей этих некогда столь дорогих друг другу людей...

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель СССР, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение» (М., 2008), «Энергия речи» (в сборнике «Пятилирник» М., 2009), «На островах времени» (М., 2011). Победитель ряда литературных конкурсов, лауреат Народной Литературной Премии имени Л. Кубасова, Литературной Премией имени А.С. Грибоедова. Награждена Золотой Есенинской медалью и Дипломом имени Н.С. Гумилёва, орденом В.В. Маяковского. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

С ветром вольным нацелуюсь...

Край былинный,
Свет и тени
На твоём челе.
Ты не падал на колени,
Был всегда в седле.
Даже если покоряли,
Был непокорён.
Меч берёт
Булатной стали
До иных времён.
Шляхту, половцев и шведов,
Нечисть всех мастей,
Ты непрошенных победно
Изгонял гостей.
Сколько кровушки пролито
На твоих полях,
Снежным саваном покрыто,
Знает лишь земля.
Край заветный,
Осиянный
Под знаменем ты,
И не зря к заре багряной
Вознеслись кресты.
И другие обновленья
Снова на земле,
И другие свет и тени
На твоём челе.

Земля моя!

С дождями и под солнцем,
 В асфальте и с распутицей дорог,
 В сиянии витражей
 И с маленьким оконцем,
 Глядящем полуслепо за порог.
 Земля моя,
 Глубинка дорогая,
 Каких бы я ни видела чудес,
 Тебя одну я сердцем принимаю,
 Благословенны и поля, и лес.
 Величье Рима, строгость Ватикана,
 Венеции высокая вода.
 Пусть для кого-то это брег желанный,
 А я здесь не останусь никогда.
 Душа от состраданья не зайдётся
 В заморских, неуютных ей краях,
 А здесь былинке каждой отзовется
 И будет ей защитой Русь моя.

Прудик, ряскою заросший,
 Покосившийся плетень,
 Дом большой давно заброшен –
 Участь русских деревень.
 Стонут яблони от яблок,
 Но никто не соберёт,
 Ветер сбил калитку набок,
 Заходи, свободен вход.
 Хоть бы тропочка к окошку,
 Дом-то крепок, молча ждёт,
 Разуверился немножко,
 Что хозяйюшка придёт.
 Вновь натопит баньку жарко,
 Разольёт душистый чай,
 И платок, как лето, яркий,
 Расплескает по плечам.
 А пока и днём и ночью,
 И во сне и наяву
 Домовые лишь хохочут,
 Топчут вечную траву.

Разнотравье

*На дальней станции сойду,
 трава по пояс ...*

Из песни

Разнотравье наших будней.
 Разночтенье прошлых дней
 Равнодушьем не остудят
 Светлой радости моей.

По утру пройду по росам,
 По разливам травяным.
 Вдоль ромашковых откосов,
 Сквозь фиалок синий дым.
 Шелкотравьем налюбуюсь,
 Медоносом надышусь,
 С ветром вольным нацелуюсь.
 Русь моя, родная Русь.

Современница

С душой возвышенной и тонкой
 Идёт по жизни, как девчонка,
 Не оборвавши в юность нить,
 С надеждой вечно любить.
 С таким горячим, чутким сердцем
 Почти раба, но больше сердар*,
 И всё же, веря в благородство,
 В мужчине ценит сумасбродство.
 С такою закалённой волей,
 Присущей сильному лишь полу,
 Мужское дело так ведёт,
 Вот это женщина идёт!
 Накал её страстей горячих
 В ночных подушках горько плачет,
 Меняется за годом год –
 То пропасть, то опять полёт.
 В душе измученной и тонкой
 Сплелись Надежда, Мать, Девчонка
 И тысячи других забот,
 По жизни Женщина идёт.

* Сердар – глава, руководитель, начальник.

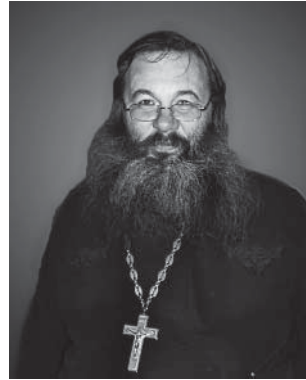

ПОЭЗИЯ

Игорь ШЕМОНАЕВ

Игорь Иванович Шемонаев – родился в 1962 г. в г. Суворове Тульской области. По окончании школы и Музыкального училища служил в Армии, где и пробовал писать стихи. После Армии окончил Педагогический институт и работал в школе учителем музыки. Стал петь в Храме. Окончил Московскую Духовную семинарию. С 1992 г. является настоятелем храма в честь Иверской иконы Божией Матери, села Растуново Московской области.

Живёт в с. Растуново.

Не о себе, о Родине грущу...

Я кому-то неугоден,
Кто-то плюнет в спину мне.
Бог судья! Всему покорен,
Гость я в этой стороне.

Только одного желаю,
Только об одном молю:
Дай, Господь, твою отраду
Тем, кто кончил жизнь свою.

Дай душам упокоенье,
Всем, кто прежде нас здесь жил,
И кто мучился в сомненьи,
И кто сам себя убил.

Ну а тем, кого убили,
Дай с убийцею покой..
Примири их, Боже правый,
Всех любовью покрой..

Может быть, и мне когда-то
Предстоит такая честь..
Загодя прошая брата,
От кого мне в землю лечь.

Эх, дороги.
Вся планета пламенем объята,
Страсть в душе – острее топора!
От стяжаний злата до разврата,
Всё кипит и мечется с утра.

Смертью стала бывшая дорога.
Все спешат, торопятся. Куда?
Хоть взлети, ты не минуешь Бога!
Дерзостно пенять на тормоза...

Сколько жизней, молодых, здоровых,
Срезал раскрошившийся металл..
Жить стремившихся в комфорте и весёлых,
Кто бы, кроме Бога, это знал..

В атмосфере, словно вирус смерти,
Чиркни спичкой и начнёт пылать,
И в бесовской этой круговерти –
Только в Боге можно устоять.

Стихи о стихах

Ах! Эта музыка в словах..
Её стихами называем.
Она как гром с небес подчас,
Когда её не ожидаем.

Приходит с властью и манит,
И от неё не отвертеться,
И что-то душу с ней роднит,
И никуда уже не деться..

Она навластуется всласть,
Ведь такова её природа,
И можно душу ей отдать,
Была бы только та – от Бога.

Святая простота

«Змей был мудрее всех зверей» –
Всё это в Библии читаем.
Но, как бывает среди людей,
Мы главного не замечаем..

Почтенна мудрость мудреца,
Но лишь тогда она бесценна,
Когда младенца чистота
В ней обитает неизменно.

Господь Апостолам своим
Явил безропотность ягнёнка,
Любой мудрец – всё тот же змей,
Коль нет в нём чистоты ребёнка!

Гостья

Одиночество, Ваше Высочество,
Вы сегодня в гостях у меня.
Одиночество выше пророчества,
Суеты уходящего дня.

Как мне встретить Вас, гостя желанная,
В темноту моей грешной души
Вы приносите столь неожиданные,
Благодатной молитвы черты.

Женщине, умершей в родах

*памяти одноклассницы
Ирины Панкратовой*

Познала радость материнства,
Из жизни этой уходя,
И разделение единства
Легло как бремя на тебя...

Но вдруг души открылись очи,
И ты увидела Христа,
И поняла: нет в мире ночи,
А есть любовь и чистота.

Вы с малышом не одиноки,
Меж вами Бог на все века,
Окончатся земные сроки,
И вечна лишь Любовь Христа.

Берёзы

Настало время на Руси –
Скорбят берёзы...
Согнувшись до родной земли –
Роняют слёзы...

Иль по-монашески поклон
Земной свершили
О тех, кто Бога в суете
Совсем забыли.

Берёзы плачут на Руси,
Скорбят берёзы.
По обмороженным стволам
Струятся слёзы.

Родине

А я уже убит, хотя живое тело
Ещё, шатаясь, бродит по земле.
Душа жива, и время не пришло,
Но тесно ей в телесной кабале.

О Господи, в Твоей святой я власти!
Не о себе, о Родине грущу.
Молю Тебя, уйми её напасти!
Я о себе уж не прошу.

Миниатюры

Почему путешествия так притягательны?

Потому что это движение. И не важно, как двигаться: на велосипеде, автомобиле, поезде, самолёте... Постоянная смена декораций, неизвестность и ожидание чего-то нового: встреч, событий, впечатлений... Мысли мчатся вперёд, а дорога и время неумолимо возвращаются назад. Ежеминутно остаются в прошлом улицы города, автобусные остановки, поля, леса, деревушки. Налаженный жизненный ритм безвозвратно потерян во времени и пространстве, а сам человек как будто парит между небом и землёй.

Так началось наше путешествие дождливым летним утром. Ливню и автомобильным пробкам на выезде из Москвы мы с удовольствием сказали: «До свидания!» Позади остались река Еленка и населённый пункт Мальцево, которые напомнили мне о подруге, так как были её полными тезками. Дорожные указатели Витязи, Духовище, Белое, сельские церквушки по обе стороны дороги, аккуратно возделанные поля уводят мои мысли в далёкое прошлое. Может быть, не случайно перед самой поездкой я начала читать книгу про дохристианскую Русь. Не этим ли путём князь Святослав водил свою дружину отвоевывать у хазар русские земли и восстанавливал Белые Вежи для укрепления русских границ?

Машина мчится именно туда, в край беловежских пуц, в Белоруссию. Ухоженные поля чередуются с лесами вдоль широкой ровной ленты шоссе, да не встречаются близ неё люди, не у кого выспросить путь-дорогу в Несвеж – конечный пункт нашего путешествия. Навигатор путает путь. Мы съезжаем на просёлочные дороги, минуя редкие деревушки. Немного поплутав, вновь выбираемся на трассу, чтобы засветло добраться до палаточного лагеря, разбитого в окрестностях замка Радзивилов. Огромный парк по берегам озера плавно переходит в лесной массив, где приютились разноцветные палатки, где на импровизированной кухне поддерживался огонь, а от дождя спасал натянутый над поляной тент. Там бурлила своя жизнь, которая подчинялась определённому распорядку. К ней нужно приспособиться, как и к пронизывающему, совсем не летнему ветру, стопроцентной влажности и вегетарианской пище. Здесь время как будто приостановилось. Дни похожи друг на друга как близнецы.

Наталья Анатольевна Пономарчук – живёт в Подмосковье.

Время всё же идёт по кругу, Великому Кругу Путей. Память воскрешает события далёкого прошлого. В Радзивилловской летописи сохранились миниатюры о приёме византийских посланцев княгиней Ольгой и походах на Константинополь её мужа Игоря. Уже не сын княжий Святослав, а Троян – сын Бога, Творца рода человеческого, возникает в лабиринтах памяти. Чтобы не заплутал человек на перепутье, в тех местах, где Пути земные пересекались с небесными, выстроил Троян Белые Вежи. Именно здесь и начинались Трояновы тропы. Путешествие в прошлое закончилось быстро. Время требует нашего участия в повседневной современной жизни. Всё возвращается на круги своя.

Домой в Москву тем же путём. Мчится вперёд машина, а время и пространство стремительно движется назад. И никто не в силах это изменить. Слева ярко-жёлтые солнечные поля горчицы, справа тёмно зелёные – кукурузы. Резкий, режущий глаз контраст, разделяемый дорогой. Зачем нужно было это путешествие? Чтобы почувствовать прелесть комфортной жизни в уютной квартире, согреться у костра и приобщиться к душевному пению под гитару? Или всё-таки побывать на перекрестье дорог и воскресить Знания о сакральных местах, где можно встать на Путь бессмертия?

Тысяча лет – что это для истории? Одна тысяча километров – много ли это для территории одного государства, пусть даже российского?

Десять-двенадцать столетий назад – и попадёшь в Древнюю Русь, двенадцать-четырнадцать сотен километров вперёд – и въезжаешь в дельту Волги. Казалось, какая бы здесь связь времени и пространства, современности и глубокого прошлого? Для меня самая прямая. Всего два месяца назад мы вернулись из Белоруссии. Там в краю Белых Веж на перекрестье путей небесных и земных сошлись мои дороги с древнерусскими князьями из рода вещего Олега. А сейчас в пору тёплого бабьего лета мы проехали более тысячи километров до Астрахани, в окрестностях которой стояла крепость Итиль – пристанище хазарских кочевников. Чуть больше одного тысячелетия прошло с тех пор как князь Святослав, внук Олега, разгромил ненавистных хазар во главе с их каганом? Сейчас сложно даже представить, сколько времени понадобилось русской дружине, чтобы попасть в низовья Волги!

Наш автомобиль проделал этот путь за 18 часов. Леса, поля, овраги, деревушки, реки – мы промчались путём Святославова войска и только, миновав Астрахань, добравшись до населённого пункта со странным названием Камызяк, поняли, что находимся на границе России. Уж больно странное, нерусское название. И кажется, что степные просторы с серебристо-жёлтыми оттенками высохших трав помнят набег кочевых многочисленных племён. Вода здесь растекается не по речным протокам, а по ерикам. Да и цвет у неё зеленовато-жёлтый, болотный.

Мы приехали на рыбалку. Рыбы видимо-невидимо: сом, сазан, судак, окунь, красноперка, карась, вобла – известны всем. А вот жереха и чухонь я увидела впервые. Утром, устраиваясь поудобнее в катере, представляешь: налево пойдёшь – увидишь цапель, сидящих на дереве, направо – стаи лебединые на водных раскатах, а заедешь в болотные заросли – зелёные камышевки, напоминающие колибри, и пучеглазые жабы, застывшие как восковые фигурки, скрасят часы в ожидании клёва.

Солнце садится очень быстро, исчезает в прибрежных кустах за пять минут. Такой скоротечный закат является чёткой границей между жарким днём и холодной ночью. В тёмную пору суток оживают разнокалиберные пауки, густо окутывающие паутиной все светлые места. Возможно благодаря им, мошки нам не докучали даже по вечерам.

Дневная страшилка – это змеи. Сидя в лодке, можно увидеть, как длинная пёстрая лента переплывает реку и скрывается в прибрежных камышах. «По своим делам поплыла», – будто невзначай бросает егеря. Хуже всего, когда замечаешь чёрные кольца при входе на пирс или невзрачный серый узор среди сухой опавшей листвы между домиками. Понятно, что они нежатся на солнце и на людей не нападают, но на всякий случай приходится осторожничать. Возникает мысль о резиновых сапогах. Говорят, что от укуса змеи в тех краях никто ещё не умирал, но вспоминается вещей Олег. Всё-таки жертвы были!

Через неделю мы простились с рекой, где плещется рыба, а тишина нарушается только кваканьем лягушек да криками птиц, где от горячего солнца даже в конце сентября надо прятаться, где нет уже кочевых племён, пытавшихся завоевать Древнюю Русь. Но и по сей день выживать в этих краях непросто. Охота да рыбалка – как собственно и на всех просторах России, где нет поблизости больших городов. Благодарим Волгу-кормилицу да матушку-природу. Но так ли неисчерпаемы их богатства? Хотелось бы в это верить.

Мысли убегают назад, туда, где Святослав со своей дружиной форсирует реки и болота. Настоящее неумолимо становится прошлым, и я понимаю, что не хотела бы жить тысячу лет назад в выжженных степях или у большой воды.

Будущее ждёт действий, и мы возвращаемся домой в родную среднюю полосу к обычным повседневным делам, прогулкам в лесу и работе в саду по выходным. Видимо, не случайно я родилась там, где живу. А на свидание с морем и тайгой, озёрами и горами мы непременно ещё отправимся, чтобы ещё раз пройти перекрестье дорог, не остановиться на перепутье и всегда знать, куда идти.

Как обрести гармонию?

Сли попал в ситуацию, которая тебе неприятна и непонятна, попробуй изменить отношение к ней.

Стоило ли ехать 12 часов на автомобиле в другое государство, чтобы оказаться в насквозь промокшей палатке с всегда влажными, практически непросыхаемыми вещами без возможности нормально умыться и причесаться, выпить утром традиционную чашечку кофе, а вечером спокойно добраться до туалета, поскольку он без крыши и затерялся где-то в тёмном лесу. Кроме того, неожиданно обнаруживается, что есть приходится только вегетарианскую пищу, а в окрестностях старого замка бродит приведение Чёрной Барбары, предвестник катастрофы.

Постепенно начинаешь приспосабливаться к такому существованию и понимаешь, что пребывание здесь временное – подумаешь, каких-нибудь 10 дней. Ощущаешь истинное блаженство, когда вдруг проглядывает солнышко. Осознаешь, что мяса совершенно не хочется, и организм поневоле оказавшийся на вегетарианской диете, очищается от шлаков. До туалета ночью можно добраться, прицепив на лоб фонарик, а Чёрная Барбара является только молодым девушкам. С удовольствием отмечаешь, что твой собственный возраст и прочное семейное положение страхует тебя от встречи с этой неприкаянной душой. Ночные посиделки у костра и песни под гитару поднимают настроение, а надувной матрац делает ночной сон более-менее приятным.

Обратный путь домой даётся тяжелее, хотя едем те же 12 часов, но какое блаженство испытываешь, понимая, что дома тебя ждёт горячая вода и все блага цивилизации, которые перестаёшь замечать в городе. Мы привыкли к благоустроенной жизни, разучились ценить то, что имеем, и быть в гармонии с природой. Поэтому на следующий год я непременно отправлюсь на встречу с рекой, озером, морем, лесом – и очень надеюсь на то, что мы друг друга не разочаруем.

Силуэт сухого дерева на берегу озера бросается в глаза. В нём живёт душа танцующей девушки. Фотографический сюжет жизни после смерти

Юг России. Машина разрезает степные просторы. С одной стороны они серебристо-жёлтые, с другой золотисто-серые.

Кажется, оглянешься... А там, у самого горизонта закружится пыль, взбиваемая копытами скакунов кочевых племён.

От Каспия и дельты Волги вглубь России в сторону Москвы летит машина, минуя пересохшие ерики, растрескавшуюся почву, графически чёткие контуры сухих деревьев, стада верблюдов, коз, овец, коров, небогатые селенья со старинными церквями и кладбища без намёка на тень.

Из жаркой Астрахани в прохладную Москву. Чуть меньше суток в пути и летнее тепло сентября сменяют осенние заморозки, размеренную сельскую жизнь – суета городов.

Как быстро меняется пространство, как медленно течёт время.

Стремление к слиянию с природой рождается и растёт в геометрической прогрессии, когда проезжаешь через большие города с пробками, светофорами, серыми стенами и окнами, а затем погружаешься в яблоневые сады тамбовской земли. Зелёные родниковые прудики, речушки, лес, поля с неубранным ещё картофелем или свёклой и воздух, которым хочется дышать. Город постепенно отпускает. Середина осени, середина жизни, и я делаю свой выбор в пользу природы.

Странные ощущения охватывают при въезде в любой город. Что это: неприятие или отторжение? В общем, я свой выбор уже сделала.

ПОЭЗИЯ

Иннокентий МЕДВЕДЕВ

Иннокентий Петрович Медведев – родился 20 марта 1963 года в деревне Банциково Нижне-Илимского район Иркутской области. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей 2010» им. Н. Рубцова (Москва). Лауреат международного литературного конкурса «Прекрасные порывы-2010» в номинации «А.С. Пушкину» (Симферополь). Автор шести поэтических сборников.

Живёт в городе Братске Иркутской области.

Моё Мироззрение – лишь моё

Мне часто снилось: я любил.
Летал, парил я в облаках,
Но много снов я позабыл,
Что не забыл, воспел в стихах.

Любовь, как сон – одно мгновенье,
Тот луч, затерянный во мгле,
А после, снова пробужденье
И пребыванье на Земле.

Любовь что сон, а это значит –
Хочу во сне всё время жить.
Нам все житейские задачи
Ведь наяву сложнее решить.

Не сказка ли – по Раю погулять,
Войти вратами Божеского Сада.
И думаю, мечтать при жизни надо,
Ведь вряд ли сможем после помечтать.

Кто часто повторяет – «не могу»,
В душе скрывает слово – «не хочу».
Но как же можно что-то не уметь,
Ведь ездит же на «велике» медведь.

Порой коса найдёт на камень,
Не зная словно, что творит.
Вот так и мы всё рушим сами,
Когда душа полна обид.

Холодный пепел лишь на месте том,
Где был огонь, и где пылали чувства.
Теперь любовь нам кажется лишь сном.
Зола и пепел, да остатки сучьев.

Земля Землёй, а Небо Небом –
Местами их не поменять.
Как голод утоляют хлебом,
Так сыновей рождает мать.

Детство – нежность, шалость, лёгкость.
Юность – птица, скорость, бойкость.
Зрелость – путь наш в сто дорог.
Старость – вот и весь итог.

Уйду в забвенье, уйду в себя.
Уйду туда – откуда не приходят.
Такую жизнь подносит нам судьба,
И от того шальные мысли бродят.

С крыши дома посмотришь – люди как муравьи.
Как их видит Господь с такой высоты?!
Все мы точно микробы, трудно нас разглядеть –
Может, так Ему миром легче владеть?

Странный зверь – Человек. Он и жаден, и трус.
Он и умный и хитрый, и пакостный гнус.
И от каждого зверя в нём есть понемногу –
Бог его сотворил и судить его Богу.

Страх – сильнейший порок у людей
Им наградил нас Творец-Чародей.
У страха глаза, как всегда велики, –
Видно награда нам с лёгкой руки.

Как и вам, мне солнце светит,
Как и вы, удачу берегу.
За свои слова всегда в ответе,
Вот за вас ответить не могу.

Лариса Петровна Самбурская – член Московской городской организации Союза писателей России, автор поэтических сборников: «Золотая россыпь» (2009), «Остров Фламинго» (2010), «Сказа о старце Се-рафиме (Тяпочкине)» (2010), поэмы «Василий Блаженный» и сборника стихов «Дорогой православия» (2011). Её стихи вошли в альманах «Москва поэтическая» № 10-11, в сборник православной поэзии «Только бы свеча не погасла».

Живёт в Москве.

Крылом коснётся Ангел вас...

Светлый след Руси Святой

Святая Русь, твои дороги
Хранят следы прошедших лет,
И богомольцев босоногих,
И тех, кто дал святой обет
Служить Христу и в вере правой
Нести пред Ним свой тяжкий крест.
И не был путь увенчан славой,
Кто в Киев шёл из разных мест.
Ты сирых знала и убогих,
Калек, юродивых, слепых,
За все столетия знала многих
С тех давних пор, времён былых.
Шла в Киев Богу помолиться
Страна Иванов и Марусь.
Теперь лишь пересказ хранится,
Как по дорогам шла здесь Русь.
Шла со святыми повидаться,
И в том пути никто не сник.
А вот до Киева добраться
Им помогал всегда язык.
Иного вектора не зная,
Весть по Руси несли ветра.
И с верой шла ты, Русь святая,
К высоким берегам Днепра.
Нам этот след навек оставлен
Преданьем старины седой,
И в ликах праведных прославлен,
О, светлый след Руси Святой.

Монахиня в ночи молилась...

*Инокине Марии (Воронцовой)
посвящая*

Монахиня в ночи молилась,
И видели лишь образа,
Как по щеке её катилась
Скупой горошиной слеза.

За мир людей свою молитву
Она творила до утра,
Как тот солдат, что шёл на битву,
Когда пришла войны пора.

Её сражение безмолвно.
Она одна в ночном бою,
Но сколь смиренно и покорно
Склонила голову свою.

На самом краешке у жизни
Стоит монахиня, молясь.
В молитве чувства все и мысли
Соединит она, крестясь.

Чтобы беда не повторилась,
О мире миру к Богу зов.
Монахиня в ночи молилась
У потемневших образов.

Молитву чувствует душа...

*Духовному отцу иеромонаху
Никодиму (Дорожжину) посвящая*

Не медлит мой отец духовный
Почтить вниманием меня,
Когда в тиши уединённой
Пишу стихи на склоне дня.

Его молитвенность со мною
Среди безмолвья говорит,
И тенью длинной за спиною
От той свечи, что здесь горит

На стену падает печально,
Движеньё плавное верша.
Всё в этом мире не случайно
Молитву чувствует душа.

Мир спит, но благодатно где-то
Крылом коснётся Ангел вас.
И день полоскою рассвета
Приблизит пробужденья час.

ПРОЗА

Александр ТИТОВ

Тег Тегыч

Коля услышал, как бабушка тихо прошла на кухню, и проснулся. Было рано, но отец уже ушёл на работу в колхоз, а мать гремела ведром возле коровы. Солнце нагрело край Колиной подушки, ему стало жарко лежать в постели. Он откинул одеяло, встал и босиком зашлёпал на кухню.

– Бабушк! – позвал он.

Коле хотелось, чтобы бабушка вышла из-за кухонной цветастой занавески и сказала: «А, проснулся, внучок!» Но она не слышала Колиных шагов.

Путаясь в занавеске, Коля вошёл на кухню. Бабушка улыбнулась ему и, приподняв из кошёлки большую сердитую гусыню, показала Коле жёлтых гусят. Пушистые комочки шевелились на соломе, тихо пищали.

– Вон какие! – сказала бабушка, удерживая в руках гусыню, которая вяло пыталась высвободиться из её больших рук. Коля опасливо отодвинулся от гусыни, он боялся ее: она всё время норовила ущипнуть его, когда он заходил на кухню, и злобно шипела.

– Бабушк, принеси гусёнка. Я хочу одного потрогать.

Бабушка посадила гусыню на место, вынула из-под неё пушистого вертлявого гусёнка. Гусёнок мотал головой, стараясь просунуть её между бабушкиными пальцами. Бабушка принесла его в комнату, поставила на большой просторный стол. Гусёнок почувствовал твёрдую опору и пошёл. Он спотыкался, смешно шлёпал розовыми перепончатыми лапками.

– Ах ты, гусёнок! – радостно засмеялся Коля. – Вон ты какой! Ты маленький!

Гусёнок, прислушиваясь, склонил голову набок, удивлённо заморгал выпуклыми глазёнками. Потом, раскачиваясь, направился к краю стола.

– Держи, а то шлёпнется, – кинулась к столу бабушка, собиравшаяся отойти по своим делам. Она растопырила пальцы, огораживая малыша от падения. Коля, однако, первый успел схватить гусёнка и водворил его на прежнее место.

– Ишь, шустрый какой, сейчас к мамке своей пойдёшь, под крыло. Ты маленький, тебя мамка-гусыня воспитывать будет. А я большой – через год в школу пойду, – рассказывал гусёнку Коля.

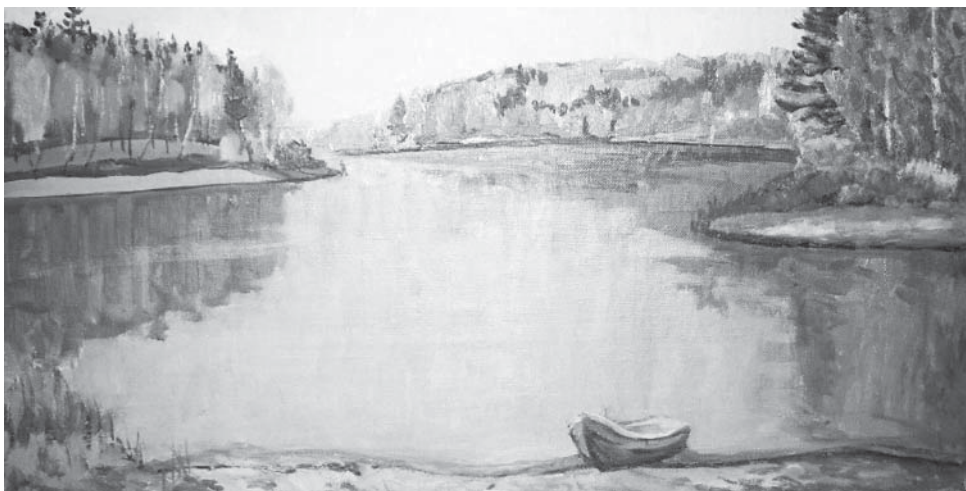
– Давай, давай его сюда, – забрала гусёнка бабушка, – а то забалуешь по рукам – квёлый будет.

Александр Михайлович Титов – родился 14 июля 1950 года в селе Красное Липецкой области. После окончания школы – фотокорреспондент в районной газете, почтальон по доставке телеграмм, печатник в типографии. Окончил заочно Московский полиграфический институт по специальности инженер-технолог. Работал в местной газете на многих должностях, корреспондентом местного радио, параллельно руководил кружком юных писателей при районном Доме пионеров и школьников.

Живёт в селе Красное.

Осень. Истринское водохранилище. Холст, масло. Худ. А. Карелин. 2006 г.

Она не спеша отнесла гусёнка обратно. Коля зайти на кухню побоялся и смотрел в щёлку между занавесками, как бабушка подсовывает малыша к тёплому боку гусыни.

После обеда бабушка вынесла гусят на солнышко.

Коля сидел на чистых деревянных ступенях крыльца и смотрел на гусят, шевелящихся в густой зелёной траве. Он смотрел и выбирал среди них самого лучшего, чтобы запомнить его и полюбить больше остальных. Но гусята были все одинаковые, и Коля растерялся, не зная, какого из них назвать своим любимцем. Тогда он решил сосчитать, сколько гусят всего, но досчитал только до пяти и сбился.

– Бабушк, а сколько всего гусят? – спросил он, оглядываясь в прохладные сени, где бабушка возилась в старом деревянном сундуке.

– Одиннадцать хороших и два плохих, – обернулась она, прищурясь на яркий свет, – всего, стало быть, тринадцать. Чёртова дюжина. А те двое, знать, подохнут – бог не любит плохое число.

– А где плохие? – спросил он, не понимая, как это гусята могут быть плохими.

– Иди в дом, на кухню. Они там.

Коля прошёл на кухню и за печкой, где зимой лежали дрова, увидел двух прижавшихся друг к другу мокрых дрожащих гусят. Один гусенок испугался Коли, побежал, шлёпнулся на бок.

– У них ножки болят! – горестно воскликнул Коля.

Гусята пищали, пытались идти, но тут же падали, потому что не могли опираться на вывернутые уродливые лапки. Рядом, в чугунной сковородке с отколотым краем, для них была налита вода. Гусята пили, успели несколько раз свалиться в воду и были мокрыми. Их тонкие шейки вытягивались, казалось, они хотят выглянуть во двор, где тепло и солнечно.

Один гусёнок перекувырнулся на спину, не мог подняться и пронзительно пищал, пока Коля не взял его на руки.

В глазах мальчика стояли слёзы. Вся радость, накопившаяся с утра, исчезла, как только он увидел маленьких уродцев.

– Бабушк, дай варёного яичка, я гусятам покрошу, – попросил Коля. – И воду от них надо дальше отставить, а то они падают в неё и мокнут.

Поймав гусёнка, жалостливо погладил его.

– Тегик, хороший Тегик, – прошептал он, дыша на мокрого гусёнка тёплым воздухом. Так же приласкал и второго. – Я буду вас поровну любить!

Летние дни шли неторопливо. Больные гусята медленно подрастали. У обоих правые лапки были вывернуты на сторону, и, передвигаясь, гусята смешно прыгали. Коля различал их по голосам. Гусь покрупнее говорил «га-га-га», и Коля назвал его Гак Гакычем. У другого получалось скрипучее «те-е-е», и он получил имя Тег Тегыч.

Здоровые гуси не любили больных братьев, клевали и обижали их. Коля с помощью бабушки сделал для калек отдельный загончик, и целыми днями Тег Тегыч и Гак Гакыч спокойно лежали рядышком, греясь на солнце.

Всё было очень хорошо, и Коля удивился, когда услышал однажды, как отец сказал бабушке:

– Прирежем, наверное, этих больных. Всё равно больше они не вырастут, только корм зря переводим.

Коля в это время лежал на верху небольшого стожка сена, который с лета поставили возле дома для коровы. Коля смотрел в голубое сентябрьское небо и думал о том, что вчера несколько ребяташек из их деревни стали ходить в соседнее село – в школу. Коле тоже захотелось ходить туда с новым красивым рюкзачком, и он не понимал, для чего надо ждать ещё год. Услышав слова отца, Коля насторожился.

– Коля любит их, калеченых-то, – ответила бабушка, – так и крутится возле них целыми днями. Я и думаю – пускай живут, всё мальчишке радость.

– Ладно, пусть поживут, может, пожирнеют, – подумав, сказал отец. – Приедет брат Георгий, тогда видно будет...

Прошёл месяц, на улице заметно похолодало. Гусята выросли, превратились в настоящих больших гусей. Теперь их трудно было отличить от матери-гусыни. Калек тоже подросли, но всё равно оставались меньше братьев. Правые лапки у них по-прежнему бездействовали. Несмотря на это, передвигались они довольно быстро. При этом они опирались на широкие сильные крылья и махали ими. От нападавших здоровых гусей они, подпрыгивая, убегали или шипели, защищаясь крыльями. Больше всего они боялись людей и шарахались от них под стог сена. Но, увидев бабушку или Колю, гуси радостно ковыляли им навстречу.

Ударили первые морозы. Коля выходил на улицу в тёплой куртке, гулял с гусями по огороду.

– Скоро нападает снег, а вам будет тепло, – разговаривал он с Тег Тегычем и Гак Гакычем, – я вам тёплую закуску сделал.

В один из таких дней Колю с огорода позвал отец. Лицо его было загадочно-весёлым.

– Иди домой, – позвал он Колю, – дядя Жора приехал!

Коля, шурша ботинками по жёлтым листьям, побежал в дом. Приезд дяди Жоры всегда был для него радостью. Дядя Жора привозил Коле гостинцы и городские электрические игрушки, паровозики и машинки. На этот раз для Коли был приготовлен сюрприз: возле стены, завёрнутый в плотную бумагу и перевязанный шпагатом, стоял велосипед с большими дутыми колёсами. Такого в деревне ни у кого не было.

Дядя Жора очень обрадовался племяннику.

– Ух ты, какой большой стал! – воскликнул он, поднимая на руки Колю. – Растишь, брат, не по дням, а по часам.

Смущённый, сияющий, Коля пошёл в другую комнату и стал разглядывать игрушки, привезённые дядей. Они ему понравились, особенно радиоуправляемый автомобиль. Привёз дядя Жора и маленький вертолёт, который взлетал к потолку, если дёрнуть за верёвку. А на самом главном подарке – на велосипеде – можно было потихоньку ездить по комнате.

От игры отвлекла мать.

– Иди, сынок, обедать, – позвала она. Все уже собрались за стол. У отца и дяди Жоры были налиты рюмки. Коле дали газировки, и он с важным видом чокнулся рюмкой со взрослыми.

– Отпусти Колю ко мне, – говорил отцу за обедом раскрасневшийся дядя Жора, – полетим с ним на самолёте, погуляем по городу, сходим в кукольный театр, в зоопарк, в цирк, на хоккей.

– Пускай едет, – отвечал отец, – он теперь большой, послушный. С ним будет не хлопотно.

Коля был счастлив. Он ел шоколадные конфеты, запивал их газировкой и влюблённо смотрел на дядю. Коля мечтал о том, как будет ездить с дядей Жорой в трамвае, разглядывать дома, людей, вдоволь наестся мороженого.

– Вкусная гусятина! Молодая наверное? – спросил дядя Жора.

Коля отодвинул стакан с газировкой.

– Свежая. Сегодня зарубили, – весело подтвердила мать, не скрывая, что гусь зарезан специально для желанного гостя.

Коля дожеввал конфету, давась, проглотил ее, слез со стула.

– Вот Колька у нас хозяйственным мужичком растёт, – сказал отец, поймав Колю на ходу за руку. – Он всё с гусями возится и вообще любит животных, по телевизору передачи о природе смотрит...

Мальчик вырвался из сильных, горячих рук отца, нахлобучил шапку. Взрослые уже разговаривали меж собой, не обращая на него внимания, и Коля быстро вышел во двор. В углу сарайчика на соломенной постилке одиноко лежал Тег Тегыч. Он тревожно глядел по сторонам чёрными глазами-бусинками.

– Съели Гак Гакыча, – заплакал Коля. Ему захотелось пойти в дом и сбросить со стола посуду с закусками. Но что толку – отец даст ремня и запретит выходить на улицу.

Коля стал думать, куда спрятать Тег Тегыча, чтобы родители его не нашли и не съели на следующий день. Отдать соседскому мальчику Шурику, с которым Коля дружит? А вдруг соседи увидят гуся и вернут его отцу с матерью? Спрятать на огороде в ящике? Холодно, да и найдут скоро.

– Пойдем, я придумал! – сказал Коля, беря Тег Тегыча в руки. Он вышел с гусём из сарая и направился через выгон по направлению к реке, где под высоким берегом плескалась холодная вода. Над рекой в вечернем фиолетовом небе летели птицы, блестя оперением в лучах заходящего солнца.

– Ты полетишь с ними, – сказал Коля Тег Тегычу. – Мне бабушка говорила, что птицы летят туда, где тепло и много корму. Лети и ты. Ты подружишься с дикими гусями и будешь жить сто лет.

Нагнувшись, Коля положил гуся на пожухлую траву.

– Лети, Тег Тегыч!

Гусь испуганно жался к ногам мальчика.

В небе закричали дикие сородичи Тег Тегыча, и он, вскинув вверх шею, ответил им долгим гортанным криком. Потом запрыгал на одной ноге, шумно захлопал крыльями.

– Лети, Тег Тегыч, лети! – умолял Коля.

Словно понимая человеческий язык, Тег Тегыч заковылял вдоль берега, но взять разгон ему не удалось, и он застрял в зарослях сухого бурьяна. Тогда Коля освободил гуся, подтащил его к берегу и, что есть силы подбросил с обрыва кверху.

Тег Тегыч, шумно работая крыльями, плавно полетел над зеркальной гладью реки. Однако далеко улететь он не смог. Тег Тегыч быстро ослабел, с шумом опустился на воду. Плыть ровно он тоже не умел, и течение постепенно прибило его к берегу. Бедняга не мог сам выбраться на землю и уныло опустил голову, ожидая помощи. К нему на выручку торопился Коля, съезжая по сыпучему глиняному откосу.

Достав Тег Тегыча из воды, Коля медленно побрел вдоль реки, отыскивая пологое место, по которому можно взобраться наверх.

Сгущались сумерки. Коля шёл в деревню, где в окнах уже загорались огни. В отблесках догорающего заката ещё можно было различить стаи птиц. Они шумно работали крыльями, и, казалось, в вышине гудит слабый ветер. Грустные голоса птиц звали Колю в дальние страны, но он шёл домой, а Тег Тегыч смиренно лежал на руках, уткнув клюв за отворот тёплой Колиной куртки.

Коля миновал полдеревни и уже шёл по выгону, когда увидел фигуры трех людей. Они громко разговаривали и во все стороны светили карманным фонарём. Это были мать, отец и дядя Жора. Они заметили Колю, – нашёлся! – голоса их радостно зазвучали в сумеречной тишине.

Семья Фирсовых

Последний раз ударил ворчливый ослабевший гром, вздрогнули мокрые верхушки берёз, сыпанули крупными каплями по лужам, и дождь постепенно затих. Небо всё ещё было серым, грозовым, в дальних тучах посверкивали молнии, но семилетняя Алёнка и пятилетний Костик уже не боялись грозы: в дверях сеней было видно, как медленно приближается и растёт ввысь розовая полоска сухого погожего неба.

Семья механизатора Фирсова пряталась от дождя в сенях домика на окраине села Прохорова, где жила маленькая добродушная старушка. Увидев прохожих, бегущих под дождём, она зазвала их к себе. Довольная тем, что у неё гости, старушка щербато улыбалась, суежилась, вынесла из хаты четыре табуретки – в дом Фирсовы не пошли, сославшись на грязную обувь.

Автобус, на котором час назад приехала семья, ходил только до Прохорова. Оставалось пройти около пяти километров до Малинок – деревни, где они жили. И давно бы семья была дома, если бы не дождь и внезапные молнии. Дождь ещё ничего, а вот гроза напугала всех, и ребятишки первыми забежали в сухие тёмные сени.

Глава семьи, Иван, ещё молодой, лет тридцати двух, невысокого роста, в новых полуботинках и хорошем костюме, стоял возле открытой двери и курил. Голубоватый дым стремительно улетал в разряженный воздух, словно его утягивало в трубу.

Старушка вынесла детям молока. Костик сразу, с явным удовольствием присосался к стакану. Алёнка поначалу застеснялась, отодвинула стакан недалеко от себя, но, видя, что никто не обращает на неё внимания и не уговаривает, последовала примеру братишки.

Жена Ивана Лида казалась задумчивой. К её тёплому крупному плечу прислонилась светлую головку Алёнка, а Костик всё ещё пыхтел, никак не мог осилить свой стакан.

Дождик постепенно прекращался, утихал, с деревьев шумно капало, и казалось, что он ещё продолжается.

– Ребятишки! Лида! Пора идти! – Фирсов-старший поправил кепку, начал подвёртывать штанины брюк, с сожалением поглядывая на свои новые туфли,

Костик, допив молоко, вскочил, хотел побежать наружу, но отец успел схватить его за рубашонку.

– Штаны сначала подкатай, иначе живо в грязь уделаешь...

Дети были веселы, настроились идти дальше, только вот с обувью у них было плоховато – брат с сестрой шагали в мягких цветастых тапочках из войлока. Когда мать собирала ребят в город, она рассчитывала, что день будет таким же, как и с утра, – сухим и жарким. Поэтому нужно было скорее идти – в ходьбе теплее, а когда придут домой, Лида нагреет воды, напарит ребятам ноги, вскипятит чаю, и всё будет в порядке.

– У меня гольфы новые, нынче купленные, – с огорчением вспомнила Алёнка, – я их уже намочила.

Лука у деревни Гоги. Холст, масло. Худ. А. Карелин. 2005 г.

Девочка остановилась, погладила гольфы рукой. В городе, на автостанции, Алёнка не утерпела и надела обнову. Теперь жалела об этом.

– Вот и обновила, – улыбнулся отец. – Чего стала, модница? Пойдём..

Первым на дорогу выскочил Костик. Он устал без движения – долго сидел в автобусе, затем в тёмных скучных сеньях, где возле маленького окошка жужжали мухи, бестолково стучаясь в серое запылённое стекло

Очутившись на улице, на свежем душистом воздухе, мальчик вприпрыжку побежал, шлёпая по лужам, радуясь тёплой воде и обилию грязи. Он взбрыкивал ногами, словно застоявшийся жеребёнок, и оглядывался назад, наблюдая, как летят брызги и лепёшки грязи. Надув губы, Костик гудел, изображая самосвал, тяжело идущий по размытой дороге.

– Коська! Не беги, иди полегоньку! – прикрикнула мать, хотя знала, что сынишку одними словами не остановишь. Она оглянулась – на пороге окраинного дома стояла старушка в белом платочке. Прислонив к глазам ладонь козырьком, она смотрела вслед уходящим.

Неожиданно показалось солнце. Оно ослепило старушку – та прикрыла глаза рукой. Свет заиграл в тысячах лужиц, хлынул на мокрые берёзы, и они засверкали, точно облитые лаком. Чистая трава взъерошилась, стала ещё зеленее, и каждая травинка держала на своём острие прозрачную сверкающую капельку.

Старушка отняла ладони от глаз – лицо её даже на расстоянии излучало доброту.

Лида благодарно улыбнулась, махнула ей на прощанье полной загорелой рукой.

«Даже спасибо забыли сказать, – смущённо подумала она, – выскочили как угорелые...»

– Мам, у меня в тапочках вода хлюпает! – обернулась весёлая раскрасневшаяся Алёнка. Новые гольфы были усеяны крапинками грязи, но девочка уже их не жалела и новыми не считала.

– Ну и что? – ответила мать. – У меня в туфлях тоже полно... Ничего, авось лето. За околлицей Иван остановился.

– Слушайте, зачем нам просёлком темехать? Ноги скользят, разъезжаются, а тут ещё сумка тяжёлая... Давайте-ка обочиной и к лесу! По траве как-никак легче.

Никто с ним не спорил, и Фирсовы свернули влево. Они знали, что этот путь гораздо длиннее, зато не придётся месить грязь. Костик два раза уже падал, да и прыти в нём поубавилось. На полпути как бы на руки не пришлось его брать, если вдруг уморится.

Трава высокая – Алёнкины гольфы совсем промокли, а башмаки Ивана заблестели ярче, чем на витрине.

Всё ближе лес. Тёмная стена светлела, выростала. Различались постепенно стволы берёз, голубоватые ели.

Трава по ногам щекочется! – хихикнул Костик.

Лес уже рядом. От него потянуло сыростью, гнилым пахом разбухшей коры. Под деревьями лежала старая листва, пучками росла высокая бледная трава. Когда Фирсовы входили в лес, солнце уже пригрело. Над опушками, как над большими кастрюлями, поднимался тёплый пар. Он тяжело, неуклюже ворочался над примятыми ливнем цветами, а близ поля, на открытом чернозёме, видневшемся в прогалы деревьев, туман казался белым дымом. Воздух был горячий, насыщенный влагой, но дышалось легко.

– Пап, а правда, что в лесу волки? – спросил Костик. Ожидая ответа, нащупывал большую мозолистую руку отца.

Ответила брату Алёнка:

– Эх, дурачок! Волков взаправду не бывает. Их только по телевизору показывают: в мультиках и в кино.

Костик остался доволен таким объяснением, отпустил отцовскую руку. Но тут же взвизгнул, отпрянул в сторону – голые ноги обожгла крапива.

– Обкрапился, – заныл он, – Куда ты нас, папка, привёл?

– Отец... Он заведёт... – Жена Фирсова взяла за руку Алёнку и стала присматриваться, как лучше обойти заросли крапивы. Мать и Алёнка озабоченно наморщили

лбы и стали похожи друг на друга: Лида большая, круглолицая, а дочь – её маленькая копия: такая же пухленькая, краснощёкая и голубоглазая.

– Крапивы испугались? – засмеялся Фирсов. – Ну, подумаешь, обожгёт разок-другой. Делов-то... Она, матушка, от голода людей спасала... Смотрите, р-раз! р-раз! р-раз!

И он стал рвать крапиву голыми руками, собирая её в большой букет.

– Ну, кто возьмёт? – он растёр самые жгучие верхушечные стебли на плотной загрубелой ладони.

Ребятишки и Лида со смехом бросились наутёк. Ноги шуршали в траве, искорками взлетали капли влаги.

– Догоню! Догоню! – шумел Фирсов. – Сейчас я кого-то поймаю...

Алёнка, услышав близкий топот отца, от восторга и страха завизжала на весь лес.

Фирсов разыгрался словно мальчишка – забежав вперёд, изо всех сил стал трясти тонкую высокую берёзу: всех моментально обдало быстрым шумным дождиком.

– Ты что делаешь? – рассердилась жена. – И без того вымокли, а ты опять... Подними сумку!.. Так и знала, кулёк с пряниками размок.

– Хочу пряника! – потянулась к сумке Алёнка.

– И я! И я! – запрыгал Костик, стирая с лица капли, пахнущие берёзовой листвой.

– Проголодались? То-то! – Фирсов начал раздавать детям гостинцы. – Ходите со мной: всегда аппетит будет.

– Пап, давай в лесу дом построим, – предложил Костик. Он уже грыз пряник. – Будем здесь играть и жить. А бабушка будет ходить к нам в гости.

– Ишь, какой шустрый. А волки?

– Так их нету.

– Понимаешь, сынок, в лесу жить скучно. В деревне веселее. Как ты будешь тут без Владьки, без Олежки? И на тракторе я здесь не проеду...

Мальчик задумался, почесал русую головку.

– Лес кончился неожиданно, хотя путники знали, что он маленький. Теперь Фирсовы шли краем поля. На просторе, в гуще колосьев, росла дикая, сильная и пышная яблоня. Фирсов любил это дерево. Каждый год, вспахивая здесь почву, он обходил яблоню плугом, стараясь не задеть корни.

Вышли к берегу Дона. Над кручей невольно замедлили шаг. На горизонте, с левого края, уходила гроза. Там нестрашно посверкивали малиновые молнии, а грома и совсем не было слышно. В той стороне было темно, будто полнеба завесили черным одеялом, от которого протянулись вниз седые космы дождя. Зато на правой половине земли, над выпуклой, освобождённой от туч поверхностью, солнечные лучи проложили светлую дорожку, в полнеба играла двойная радуга: снаружи большая, расплывчатая, а внутри маленькая, яркая, только что народившаяся.

– Большая всё-таки земля, – задумчиво произнесла Лида, – на одном краю дождь лупит, гроза бьёт, а на другом солнышко, тепло.

– Это ещё не вся земля, – вздохнул Иван, – тут километров на восемь-десять обзор. Из космоса бы взглянуть на неё!

– Пап, я, думал, дождик прямо льётся, как из лейки а он, глянь, косматый, – сказал Костик, показывая пальцем на тучу.

– Да, сынок, иной раз кажется, что и есть-то на свете одна наша деревня, а выйдешь так вот случаем на берег Дона, глянешь – и душа словно обновится, детство иной раз вспомнится...

И, обращаясь ко всем, отец добавил:

– Давайте-ка пошутее. И так кругаля дали... Внизу, под высоким берегом, блесстел, переливался Дон. После дождя вода нисколько не помутнела – золотилась на песчаном мелководье, темнела на свалах. Издалека было видно, как быстрое течение шевелит песок, и он легко струится, перекачивается на другое место, меняя узор дна.

Показалась деревня. Фирсовы зашагали быстрее. Больше никаких приключений у них не было, если не считать того, что Алёнка заметила пушистого, похожего на кошку, зверька, скрывшегося в норке, а Костик отдал свой недоеденный пряник лошади, пасшейся на лугу.

Возвращение к истокам творчества

Предлагаемую серию графических работ «Возвращение к истокам творчества» посвящаю 100-летию со дня рождения матери Вассы Григорьевны, коренной сибирячки, и своей малой Родине.

Александр Сергеевич Карелин – живописец, поэт родного пейзажа, родился в Екатеринбурге. Детство прошло на фоне суровой сибирской природы, которая формировала его как художника. Окончил Кубанский государственный университет. С 1970-х – участник профессиональных выставок: тематических, групповых. В Москве и разных городах России неоднократно проводились и его персональные выставки. В 1989 году вступил в Союз художников СССР. Ныне – член Московского Союза художников. Основной жанр творчества – пейзаж. Многие художественные учебные заведения приглашают его поделиться своим опытом в пленерной живописи, и он со студентами часто выезжает на практику. Живёт в Москве.

Портрет мамы.
Бумага, фломастер, 1976 г.

В избе зимой. Бумага, карандаш, 1975 г.

Сумерки. Деревня Спирыта.
Бумага, карандаш, 1974 г.

Домашний квас.
Бумага, перо, тушь, 1976 г.

В избе зимой. Бумага, фломастер, 1975 г.

Деревня Ляпуны. Линогравюра, 1972 г.

Дорога к дому.
Линогравюра, 1974 г.

За работой.
Бумага, карандаш, 1976 г.

Собаки.
Бумага, сангина, 1990 г.

ПРОЗА

Михаил СЕЛЕЗНЁВ

Затмение

Роман без доммыслов

Работая над романом «Отдар» и зная чем закончу его, я уже подумывал о новом романе, в котором мои выжившие в романе «Комбаты» соратники будут завершать становление народного хозяйства Советского Союза и освоение качественного, престижного товаро-производства.

В начале восьмидесятых годов XX столетия Союзная держава по выплавке чугуна, холодному и горячему прокату профильных металлоизделий, производству стали, цемента, огнеупоров и других видов промышленной продукции вышла на первое место в мире.

Во всех республиках Союза были обеспечены государством бесплатное образование вплоть до высшего, бесплатное медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение для трудящихся по линии профсоюза; путёвки в пионерские лагеря стоили не дороже 20 рублей, жилищно-коммунальные услуги обходились для семьи в пределах 12–15 рублей в месяц.

По всей стране действовала широкая сеть государственных магазинов.

Стоимость овощей и фруктов была доступной для каждого. Огурцы, помидоры, свекла, морковь, картофель стоили в летнее время 10–15 копеек за килограмм, соленья любых видов – от 10 до 25 копеек.

Доступными были по цене и промтоварные изделия.

Благодаря всему этому советский рубль стал дороже доллара (официально: один доллар – 70 копеек).

И физический труд на многих заводах, фабриках, шахтах, рудниках и колхозных полях стал привлекательнее, легче, продуктивнее благодаря внедрению новых технологий и техники.

Во втором пятилетии 70-х и первом пятилетии 80-х в доменных, мартеновских, конвертерных, прокатных цехах металлургических комбинатов трудоёмкие и опасные операции вскрытия чугунных и шлаковых лётков, подсыпка порогов мартеновских печей, ломки прожжённой футеровки ковшей, кантовки, сортировки и складирования прокатных изделий производились машинами.

Избавили наконец-то от векового изнурительного труда рабочих и работниц, занятых на операциях съёма сырца огнеупорных изделий с прессов и укладки их на печные вагоны для обжига, автоматы и

Михаил Сергеевич Селезнёв (1923 – 2010 гг.) – родился 18 декабря 1923 года в деревне Мёртвое Хотынецкого района Орловской области в семье крестьянина. С 1930 года жил в Днепропетровске, где в 1941 году окончил 72-ю среднюю школу. В августе 1941 года ушел вместе со своими однокашниками на фронт добровольцем. Награжден 7-ю орденами, 33 медалями. Член Национального Союза писателей Украины, лауреат премии им. Н. Ушакова, им. А. Стовбы, др. литературных премий, лауреат премии имени В.И. Ленина. 24 октября 2011 года, накануне 68-летия со дня освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, в Днепропетровске открыта мемориальная доска писателю.

специализированные механизмы разработки нашего Всесоюзного института механизации чёрной металлургии.

Садчицы, так называют на огнеупорных заводах работниц, выполняющих эти операции вручную, имели могучие широкие плечи, грубые мускулистые руки и узкие, жёсткие бёдра: тяжкий труд деформировал телесно женщину.

В цехах огнеупорного производства Магнитки, Семилукского, Запорожского, Часов-Ярского, Пантелеймоновского огнеупорных заводов, где были впервые внедрены автоматы-укладчики, садчицы носили наших конструкторов на руках. Их лучащиеся глаза со слезами на ресницах забываемы.

– Ой, Миня, – потирал седые виски Лунёв, неужели мы дожили с тобой до того желанного периода, когда предусмотренное диалектикою достаточное количество (помнишь Гегеля?) переходит в качество! А ведь мы на пороге этого явления. Дети наших погодков, горновых, сталеваров, прокатчиков, огнеупорщиков, снова готовы идти по стопам своих отцов, расширяя династии металлургов.

Наши лучшие машины, часы, водка... востребованы многими странами мира.

И с обувью, верится, наступит улучшение. Ты посмотри, что творится сейчас в обувных магазинах. Ботинки, туфли, тапочки – навалом. И по цене – рублевые. А не берут их наши современники, особенно молодежь. Гоняются за импортной, более красивой и модной обувкой... А залежавшуюся в магазинах обувную массу возвращают ежеквартально на обувные фабрики, размалывают ее там на сырьё и снова на старом оборудовании и по той же технологии производят те же фасоны обувной продукции!

Но это уже видят все и уже понимают все. А раз понимают, значит, будут перемены...

И я соглашался с Лунёвым.

И хотя уровень управления обществом отставал в те годы от общественного сознания, верил, что в очередном пятилетии планирующие органы пойдут на неизбежные временные издержки ради освоения заранее продуманной технологии и нужного оборудования производства новых образцов и обувной, и другой бытовой продукции.

Короче, мне и моим соратникам, спасшим Отечество и планету от фашистского рабства и вынесшим на своём горбу возрождение разрушенного войною народного хозяйства, виделось, что наша экономика, если её не дёргать, готова в ближайшие годы осуществить выпуск товаров, способных конкурировать с лучшими мировыми образцами.

Даже провозглашённое генсеком Брежневым создание «особой общности планеты», в коммуналке которой смешались и рабочий класс, и класс колхозного крестьянства, и созидательная творческая интеллигенция, и спекулянты-перекупщики (все – народ!), что породило такие вихлястые напевки, как «мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!», и отражённые в моём романе «Отдар» двурушники и очковтиратели, корыстными приписками срывающие серийное изготовление машин для металлургов, не лишили нас уверенности в неизбежности качественных подвижек в экономике.

Пережила страна и тот печальный период почти ежегодной смены немощных генсеков – «старпёров» (так называл их Лунёв и Владимир Бушин – «золотое перо России»), покинувших сей мир из-за болезней. И не теряла надежды. Ведь советская власть продолжала существовать.

И когда заполонённый престарелыми членами Президиум ЦК КПСС утвердил молодого ещё, розовощёкого и велеречивого Михаила Горбачёва генсеком партии, и этот, бывший помощник комбайнёра, услужливый комсомольский выдвиженец и щеголяющий демократизмом парткомрат выдвинул программу ускорения развития экономики, миллионы советских людей приняли его радушно.

Приняли и поверили его призывам.

А телевидение и газеты восторгались взахлёб, комментируя его встречи на стройках, заводах, площадях и улицах.

Восприняли и речевую манеру нового генсека и его липучие слова и выражения, такие, как «альтернатива, регион, свобода слова и волеизъявления, новое мЫшление, процесс пошёл...» И поныне наши современники, особенно президенты всех мастей

повторяют эти горбачёвские «мне хочется вам пожелать...», «мне хотелось бы поздравить вас...», или «я хочу вас поблагодарить» вместо конкретного «я желаю», «я поздравляю», «я благодарю».

Его улыбки, обещания, похлопывания по плечу собеседника пробуждали доверие.

Доверительно воспринял «нового хозяина» и патриарх всея Руси, воздев руки к небу и поблагодарив Бога за ниспослание на нашу многострадальную землю Михаила Горбачёва.

Не усомнилась людская масса и парткомы в Горбачёве и тогда, когда он, почуяв, что перегнул с ускорением экономики, выдвинул новую программу комплексной перестройки не только экономики, а всех отраслей народного хозяйства, государственного и партийного руководства и духовного развития страны, что пришлось по нраву всем затаённым антисоветчикам, биологически ненавидящим и нашу Победу в Великой Отечественной войне, и наши достижения в годы возрождения. Восприняли благодушно предложенную программу перестройки при всей ее неконкретности и авантюризме и тысячи порядочных творческих работников, уставшие от затянувшейся смены престарелых генсеков, хотя, уничижительным словом «застой» Горбачёв перечеркнул всё, благодаря чему наш государственный строй победил фашизм, и на чём держалась Советская власть.

И ринулась привыкшая подхватывать на лету «новые веяния» пишущая братия разоблачать и всенергать и плановую систему развития народного хозяйства во главе с Госпланом, и отсерадное бесплатное образование и медобслуживание (это, дескать, уравниловка – без богатых и бедных), и колхозы, и совхозы, и оборону Ленинграда (не нужна, мол, никому), и самоотверженные подвиги Александра Матросова, Зои Космодемьянской, матроса Паникахи, генерала Карбышева..., выдающиеся произведения отечественных мастеров литературы и искусства – Блоковскую «Двенадцать», «Мать» Горького, «Тихий Дон» и «Поднятую целину» Шолохова, поэму «Василий Тёркин» Твардовского, лирические песни Соловьёва-Седого, гимн Советского Союза...

В общем, всё, что вершилось до перестройки, было не то и делалось не так – и строили не так, и жили не так, и Победа не такая нужна была.

Какое-то поразительное затмение и деформация понятий охватило общество. Честных, бескорыстных тружеников стали вдруг обзывать «совками», воинов-победителей – «безликим пушечным мясом»...

Мелкий бизнес и спекуляция дефицитом стали стремительно затягивать в свой омут жаждущих лёгкой наживы корыстолюбцев.

Если героями моих одноклассников и погодков моей дочери были и остаются Спартак, Овод, Павел Корчагин, Галина Уланова, то героями некоторых соучеников моей внучки оказались... Гришка Распутин и Мечик из «Разгрома» Фадеева.

Как во все смутные времена, пережитые Отечеством, так с началом перестройки различные базарчики, клинчики, забегаловки стали расти, как грибы после дождика.

Объявились тут же разнополюсы прорицатели и предсказатели различных сроков перестройки.

Ринулись в бизнес и бывшие комсомольские вожак и парткомраты, использовав долгие связи с торгами и админорганами.

Когда же перестроечный лидер, подыгрывая обезумевшей массе новоявленных демократов-перестройщиков, заявил, что альтернативой застою должна стать рыночная экономика и что народ, мол, знает наперёд, что надобно ему и сколько, а посему пусть перестройкой и заправляет сам народ, всё, кроме неба и погоды пошло кувырком.

*И начался такой бедлам,
такой расхват добра и власти,
что даже к дедовским гробам
проникла дрожь от той напасти.*

*Линяли души, как слюда.
Менялись лики, флаги, взгляды, –
и лезли скопом в господа
рвачи-нырки и казнокрады.*

...Ныне, спустя 24 года после начала перестройки, народы бывших республик Союзной державы подобны старику из Пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке», сидят у разбитого корыта. За 24 года – ни одной вновь построенной гидро- и тепловой электростанции, ни одного нового промкомбината, ни одного перерабатывающего сельхозпродукцию предприятия. И это в мирное время, при переданной в наследство могучей экономике, культуре и главенствующей в освоении космоса науке!

Лишь Белоруссия, верная традициям Советской власти, да воспрянувшая после ельцинского мракобесия Россия, взявшая благодаря Путину и его сподвижникам под государственный контроль развитие основных отраслей экономики, культуры и оборонной промышленности, и дружно сотрудничающий с ней Казахстан сохранили национальное достоинство и государственность и улучшают социальное обеспечение своих народов.

Остальные республики, потерявшие деловые и духовные связи с дружественными странами-соратниками, откатились по уровню промышленности, культуры и образования к полуфеодалным истокам.

Особенно пострадала от эпидемии горбачёвской перестройки Украина, самая богатая и развитая в составе Советского Союза республика, признанная в довоенное время «житницей», а её Донбасс – «кочегаркой страны».

А ведь она в первые годы перестройки сохраняла по инерции традиции советского строя, охаивание которого шло от столичной прессы Москвы и Ленинграда, от статей и выступлений авторов недавних диссертаций на темы развитого социализма профессоров Гавриила Попова, Тимофеева, доцента Бурбулиса, академиков-«провидцев» Арбатова, Шаталина, Абалкина, вдохновляемых секретарём по идеологии Яковлевым. И ещё в декабре 1990 года на XVIII съезде компартии Украины Леонид Кравчук, бывший в тот период председателем Верховной Рады, отстаивал основы социалистической системы.

А через год он, «усвідомив всю хибність свого світобачення», и избранный первым президентом «незалежної» Украины, благословил всю новую национальную символику – трезуб, жовто-блакитне знамено, гимн. И стал инициатором распада СССР, убедив на тайной сходке в Беловежской Пуще президентов России и Белоруссии Ельцина и Шушкевича подписать тройственное соглашение по этому поводу.

Благословил он распродажу могучего Одесского морского пароходства и провокационную приватизацию государственных предприятий, закончившуюся тем, что ухватистые дельцы скупили у обедневших работников более 50% акций и стали частными владельцами народного достояния.

А сменивший его на очередных выборах Кучма, благодаря своей программе восстановления производственных связей с бывшими республиками Союза, предоставления русскому языку статуса государственного и введения пенсионного обеспечения в прямой зависимости от заработка и стажа, оказался куда коварнее своего предшественника.

Предав забвению свою предвыборную программу, он распродал по дешёвке переданным ему богатеям (не обошёл и зятя при этом) ведущие машиностроительные и трубные комбинаты, продукция которых востребована за рубежом и даёт доходы в долларах.

А те газеты – «Правда Украины» и «Днепровская правда» – и телеканалы, которые разоблачали это разбазаривание, были прикрыты по его настоянию услужливыми губернаторами.

А изданный этим временщиком – дворушником в феврале 2001 года Указ о роспуске колхозов и совхозов к 1 апреля этого же года привёл к стремительному расхвату районной и сельской верхушкой инвентаря и оборудования колхозных мастерских, скотоводческих ферм, служебных построек и ликвидации социально-бытовых учреждений – детских ясель, садов, клубов культуры, больниц.

В итоге, ни одна страна в мире не поражена таким казнокрадством и коррупцией как Украины, которую добывает нынешний президент Ющенко, бывший колхозный

бухгалтер, партийный активист, выдвинутый при Кучме в Национальный банк Украины и утверждённый вскоре его Председателем после загадочной смерти своего покровителя Гетьмана, а затем утверждённый уже самим Кучмой в должности премьер-министра.

Обо всех этих предательствах, отложив до лучших времён работу над предполагаемым романом, я писал в конце 90-х годов и в начале XXI века в очерках «Очнитесь, братья-славяне», «Мы из одной криницы воду пьём», «А что дальше будет?» и публицистических стихотворениях.

Не примиряюсь и с той деформацией понятий, которая стала нормой в кабмине, депутатской рати и там, на президентском этаже. И не сяду никогда...рядом с этими иудушками.

Потому и отказался недавно от предложенного руководством ветеранской организации представления на звание Героя Украины, как отказался, будучи председателем обласного Комитета защиты мира, от выдвижения в депутаты Верховной Рады в 1994 году, когда подбиралась днепропетровская команда в составе Балашёва, Рябченко, Ю. Тимошенко, отказался и от поездки на приём к президенту Кучме для получения президентского креста в мае 1995 года.

Подобно Андрию, младшему сыну Тараса Бульбы, предавшему отца и брата Остапа, В. Ющенко предаёт Украину и её национальное достоинство. Он стал заложником своих американских покровителей.

Противно принимать поощрения из рук оборотня, который оболгал историю своей страны, самоотверженный подвиг её лучших сыновей и дочерей – воинов Красной Армии и партизан под командованием Ватутина, Ерёмченко, Москаленко, Рыбалко, Ковпака, спасших Родину от фашистской интервенции, и присвоил звание Героя Украины гитлеровскому холую, гауптштурмфюреру СС, награждённому двумя арийскими крестами, запятнанными кровью сотен тысяч белорусов, поляков, евреев, украинцев, казнённых его вояками из УПА.

В покаявшейся Германии недавно пожилой инженер-баварец оторвал голову Гитлеру, выставленному в музее восковых фигур, заявив, что этому извергу даже после смерти нет места в людском обществе, а президент Украины, принятой в ООН за ратные подвиги в борьбе с гитлеровскими оккупантами и трудовой вклад в дело укрепления мира, способствует возрождению фашизма, поощряя парады, награждения и чествования проклятых миром карателей из ОУН и УПА.

Врождённый неумеца, кугутство которого не прикрыть ни манерным шевелением пальцами при жестикуляции, ни ловко повязанным галстуком, он своими бесконечными обращениями к народу и бестолковыми указаниями парализовал деятельность Верховной Рады и почти всех госучреждений.

Ведущие страны Европы – Германия, Франция, Испания – уже не воспринимают Украину, как государство.

Многие распоряжения и заверения Ющенко не выполняются. Обездоленные сельчане называют его «комирныком». А творческие Союзы художников, писателей, композиторов, лишённые при его президентстве государственной поддержки, влачат жалкое существование, многие киностудии и театры распущены.

Настырные перевыборы настолько надоели всем, что трудовой люд уже никому и ни во что не верит. Так, совсем недавние его «любі друзі» отстраняются от него.

Даже Л. Кравчук, этот изворотливый мазеповец, обронил как-то, что если бы он знал, до чего дойдёт дело, то «дав би відрубати собі руку»...

Но что удивительно? Одурманенный перестроечным угаром народ, сдавший покорно волю и впавший в рабепство, забыл своих иудушек-предателей и не хочет вспоминать. Безмолвствует и созидатель материальных ценностей – рабочий класс, отторгнутый от выдвижения своих предствителей в депутаты выборных органов власти, и он, «хранитель-добродель и вековой радатель нивы, как раньше гнёт бояр терпел, так нычне терпит молчаливо. Всё ждёт чего-то у межи...»

А История и Правда неотвратимы.

Они взывают к озарению потускневшей памяти и возмездии.

Июнь 1985 года

... В этот раз я приехал в дом творчества «Коктебель» с дочерью Ириной, внучкой Зоей и зятем Станиславом.

Поселили нас во второй половине пятого корпуса, где были две смежные комнаты, отдельный туалет с душем, и, главное – веранда застеклённая, где я с шести утра до завтрака работал над романом «Отдар».

Жильё радовало меня, а когда из комнаты молодых выпархивал слегка картавый, переливчатый голос пробудившейся внучки, сердце моё вспархивало весёлой птицей.

Радовало меня и то, что в этом заезде, как и в предыдущие годы, оказались рецензенты моей книжки стихов «Доверие», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в 1980 году, критик Григорий Соловьёв, признанный переводчик ведущих украинских поэтов, и «декабрист» (так дразнили его) Владимир Бушин, автор обстоятельного романа «Арфы Эоловы» о жизнедеятельности Фридриха Энгельса, отличных лирических стихов и разнёсшей в пух и прах прозу Окуджавы статьи, опубликованной в журнале «Москва», которая, по ироническому отзыву Григория Соловьёва, вызвала переполох в стане «леваков-ревизионистов» (так называл он «шестидесятников» Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулину и украинских стихотворцев Драча, Коротича, Винграновского, обретших в ту пору известность среди молодёжи).

Григорий был старше меня лет на пятнадцать, знал подноготную многих писателей и литературных событий, но при всей любознательности излишне осторожничал, на мой взгляд, в своих высказываниях.

На писательский пляж приходил редко, а на возвышенность Волошина, к надгробью которого, как будто стропы парашюта, сходятся заревые лучи, в голубой залив за утесом «Хамелеон», что

*как слонёнок, выбившись из сил,
без спроса убежал от стада,
на дно морское хобот опустил,
и замер, убаюканный прохладой,*

в лесистые горы и труднодоступную Сердоликовую бухту под сводом Кара-Дага («чёрной горы») не ходил.

А с Володей, моим годком, мы ежедневно встречались на берегу моря, и хотя он далеко не заплывал, но даже в штормовую погоду освежал лицо и грудь солёными брызгами. К подножью скал и в ущелья горы «Пила» он ходил охотно.

Коренной москвич, он пережил роковые дни и ночи осады столицы. Призванный в ноябре 1942 года в Красную Армию, участвовал в боевых действиях в качестве радиста дивизионной роты связи, заслужил самую престижную солдатскую награду – медаль «За отвагу». После демобилизации учился в литературном институте вместе с бывшим комбатом-артиллеристом Юрием Бондаревым, батальонной сандружинницей Юлией Друниной, с полковым писарем Владимиром Шарором, в связи с именем которого по литинституту долго ходила такая частушка:

*Разбежались консультанты,
всех сбивая на пути –
в институте нет талантов,
хоть Шарором покати.*

После окончания литинститута Бушин работал литсотрудником в «Литературной газете», в семидесятые годы был включён в обойму критиков-рецензентов издательства «Советский писатель».

В своих суждениях Володя категоричен и неуступчив.

В первой рецензии на рукопись моей книжки он сделал немало замечаний по отдельным строфам и строчкам, но вывод его был одобрительным. А в третьей (!) рецензии он возмущился по поводу издательской проволоочки: «Хватит морочить автору голову! Он учел добросовестно все замечания, более того – усилил книжку новыми стихотворениями. Давным-давно пора включать её в план выпуска: она лучше, самобытнее многих «словопрений» наших завсегдаев-москвичей».

Бушинский дух противоречия всему неправдивому и непорядочному раздражал многих.

Но с первой встречи с Володей в Коктебеле наши взаимоотношения стали доверительными.

Лучшие стихи его отличались яркими неожиданными метафорами и искренностью. А роман «Арфы эоловы» привлекал ёмкостью содержания и логичностью выводов. Но лебединая песня его творчества – это, по моему, лирические и социальные очерки, над которыми он трудился самозабвенно.

Весь пол, стулья и кресло в его комнате были устланы загодя отобранными для работы журналами, справочниками, газетами, а он, приподнимаясь над пишущей машинкой, словно с корабельного мостика, высматривал нужное ему издание, из которого брал необходимые исторические факты и статистические сведения.

Потому Бушинские очерки были по-научному инкрустированы убедительными доказательствами, а обличения были неотразимы.

К тому же Владимир владел отличным русским языком, точным, красивым, без финтифлюшества.

Недаром со временем Юрий Бондарев, этот выдающийся прозаик века, автор прекрасных романов «Горячий снег», «Берег», «Выбор», повести «Батальоны просят огня», сравнил очерки и статьи Бушина со статьями Белинского.

И внешне высокий, худощавый, с выразительными гусарскими усиками Владимир был привлекателен. И влюбчив. Редко какую прошедшую мимо красивую женщину не провожал он выразительным взглядом. Но за юбками, как говорится, не волочился: некогда было.

Благодарен я был в тот первый день десятого приезда в Коктебель и знакомству с Владимиром Жуковым, крепким, матерым поэтом из Иваново. Этот отважный в былом полковой разведчик был награждён самым престижным у окопников орденом боевого Красного Знамени на винте (!) и орденом Александра Невского.

Приветливо встретили наш «Селезнёвский выводок» (так окрестил нас Жуков) официантки в столовой. – «Ой, Зочка, какая ты уже большая!» – воскликнула сестра-хозяйка, обнимая мою внучку. И вспомнила, как та в 1977 году, когда ей было три с половиной годика, шахтёрам (они тогда были совладельцами нескольких одноэтажных деревянных домиков) на вопрос «Почему припухли веки?» отвечала, не выговаривая буквы «р» и «л»: – Комаи покусаи...

А зятя Славку после завтрака уже ждали у столовки писательские ребятишки: он от души играл с ними в футбол, обучал навыкам приёма и передачи мяча головой, грудью, ногами...

Но на второй день после приезда в Коктебель я пережил тягостное ощущение.

Зашёл в гастроном, подхожу к винному прилавку. Продавщица узнала меня, приветствовала с приездом. Я пробежал глазами несменяемый годами прейскурант, заказываю привычный «боекомплект общения» – бутылку коньяка, бутылку водки, три бутылки каберне.

Продавщица поводила головой, сохраняя ещё на губах потухающую улыбку:

– Ничего этого нет. Ни бутылочки. Позавчера всё увезли из кладовок. Сухой закон в Крыму. А у вас что, Указ Горбачёва разве не действует?..

Возвращаясь, я встретился с Борщаговским Александром Михайловичем, автором сценария популярного фильма «Три тополя на Плющихе» и повести о самоотверженном матче киевского «Динамо» со сборной авиаторов Рейха летом 1942 года в оккупированном Киеве. Футболисты «Динамо» ослушались приказа уступить команде великой Германии и выиграли, проявив всё своё мастерство и отвагу, со счетом 5:4. Сразу после матча ограждённых автоматчиками от рыдающей толпы динамовцев вывели к урчащему автобусу и увезли в гестаповские застенки, где казнили хав-бека – днепропетровца Кузьменко, вратаря Трусевича и лучшего центрфорварда страны Щегодского...

– Вы, кажется, в магазин топаете? – спросил я.

– Да-а. Хочу купить что-нибудь сладкое и какую-нибудь бутылочку сухого вина.

Я пересказал ему ответ продавщицы.

– Вот-те-на... – ухмыльнулся он. И, прищурившись задумчиво, протянул по словам: – А, может, э-то и к луч-ше-му... Пора в конце концов прервать, – поморщился Борщаговский, – беспробудное пьянство в России, особенно в глубинках...

Вечером ко мне на веранду пришёл Жуков с начатой поллитровкой водки, привезённой из Иваново.

– Веришь, сокоопник, наши дивизии были почти рядышком под Старой Руссой. Ни с кем другим не хочу говорить сейчас. Тошно. А вот с тобой – давай...

Я разрезал яблоко на четыре дольки, выставил две чайных чашки.

Жуков наполнил их наполовину.

– Давай врежем до дна. Чтобы этот пятнистый оборотень захлебнулся, прячась с бутылкой под одеялом.

...На следующий день после завтрака директор дома Творчества пригласил Бушина, меня и Борщаговского в свой кабинет и познакомил с белокурой, с пунцовой родинкой у виска женщиной, партгором Красногоровского винного завода.

– Как видите, Татьяна Николаевна решила не откладывать встречу с вашими почитателями в долгий ящик. Приехала персонально за вами. Полагаю, вы не откажете красногоровцам в любезности...

Бушин взглянул мельком на часы. Повёл головою:

– Я, согласившись вчера, предполагал, что это будет где-то позже... Ну, да ладно! – махнул рукою. И, увидев прошедшего мимо открытого окна админкорпуса Жукова, направился к двери. – Попытаюсь пригласить. У него чудесные фронтонные стихи.

В дороге, не обращая внимания на виноградники, мы болтали наперебой о футбольном матче нашей сборной с испанцами, о новых песнях Пахмутовой, о несравненном голосе Анны Герман, о напечатанных новинках из биографии Каплера, урну с пеплом которого провозжали по этой же дороге в Старый Крым.

Когда въехали на территорию завода и вышли из автобуса, меня поразила необычная тишина. И насторожила. Вдоль стены цехового корпуса, что располагался справа от центральной заводской аллеи, громоздились беспорядочно расставленные останки незнакомого мне оборудования, станины с искореженными анкерными болтами, глыбы вырубленного «с мясом» фундамента.

Навстречу нам от дальнего широкооконого корпуса, видимо, лабораторного, шла упругую походкою в светлой блузке смуглая молодая женщина.

– Это наш председатель профкома, – промолвила Татьяна Николаевна. – Зовут её Лидия Петровна. Впрочем, можете называть её просто Лидой. Она любит, чтобы её так называли.

– Милости просим, милости просим, – распростерла руки Лида, кланяясь нам. И, прижавшись, плечом к Татьяне Николаевне проворковала:

– Все уже в сборе. И трибуна, и микрофон на сцене.

– А почему завод молчит? – спросил я.

– Перестраиваемся... – вздохнула Татьяна Николаевна, поведя бровью в сторону сваленной груды металла и цементных глыб под стенкою цеха. – Вот уже почти все винодельческие комплексы разобрали... и заканчивают монтаж новой линии для разлива газированной водички в бутылки, закупоривания их и укладки в ящики...

– А зарплату рабочим по среднему платите?

– А вы откуда знаете? – вскинула головку профсоюзная Лида.

– Работал в вагонном заводе мастером, начальником сборочного цеха, главным конструктором. Потому знаю, что на третьем месяце простоя банк посадит вас на карточку два и прекратит выплату зарплаты.

– О! Так вы наш человек! – расширила Лида глазки.

– Милые хозяйшочки, – прижал я руку к груди, – проведите нас, пожалуйста, по цеху.

В просторном, залитом проникающим сквозь стеклянные фрамуги солнечным светом цеху меж исковерканными кафельными и паркетными дорожками, по которым ещё недавно ходили в белых халатах кудесники-виноделы, зияли глубокие ямы, а залетевшие в распахнутые ворота голуби что-то расклёвывали среди разломанных пластин паркета и разного хлама. У дальней стенки возле разливочных и упаковочных

полуавтоматов сновоали с электроотвёртками в руках монтажники, и посверкивали молнии электросварки.

Кровь жгуче прихлынула к вискам. Я потёр их холодеющими пальцами: «Боже мой! Какое же это гнусное предательство!..» – и растоптал сигаретный окурочок.

– Вы что-то сказали? – оглянулась Татьяна Николаевна.

Я промолчал. И, словно оглушенный внезапным ближним разрывом, молча шёл от цеховых ворот до лабораторного корпуса.

Молча пожал руку какому-то встретившему нас начальнику.

За столом на низенькой сценке зала заседаний, заполненного целиком, присел крайним.

Татьяна Николаевна открыла нашу встречу и предоставила слово Борщаговскому.

Он начал с воспоминаний о киевском периоде своего творческого становления и поведал о подвиге киевских динамовцев.

Я слушал – и не слышал его.

Возвратили мне слух Жуковские лирические стихи, немного грубоватые, но честные и точные, как солдатский штык, прямые и с царапинами.

Я прочёл «Яблоки», «Окно поэта», «Сапун-гора» и несколько злых стихотворений, обличающих временщиков-предателей.

Заметное оживление вызвал и Бушин своим экспромтом о новоявленной «демократиссе-кикиморе» Новодворской и крымскими этюдами.

И встретившие нас молчаливо виноделы отозвались дружными аплодисментами, возникли вопросы «приехала ли Друнина в Коктебель?», «куда подевался Солженицын?», «здоровы ли Иракий Андроников и Семён Гейченко?»...

Кое-кто попросил автографы.

«Это ваши двусгишия «Две квартиры у солдата было – окоп... и могила» и «Мы не предали вас – живыми, не предайте же мёртвых нас»? – спросил у меня, судя по орденским колодкам, ветеран-погодок.

Я подписал ему единственный экземпляр моей книжки «Доверие».

Выйдя первой во двор, Лида – профсоюзница поманила нас пальчиком:

– Поскольку вы остались из-за нас без обеда, прошу ответить нашу новую продукцию.

Мы поднялись на второй этаж, где стремительная лучеглазая Лида уже отодвигала стулья от стола, уставленного графинами с фруктовыми соками в окружении цветастых чашек и тарелками с глазированными шоколадом пряниками, зефиром и печеньем.

Пока разливали сок и разбирали салфетки, я вышел в коридор и соскользнул, как по корабельному трапу, на крыльцо.

«Нашёл с чего начать ускорение развития экономики?! Да это же не ускорение развития, а ускорение разрушения её! – сжимал я кулаки в гневе. – Вместо отлаженных десятилетиями винодельческих комплексов, производящих марочные сорта вин, заслуживших мировое признание и дающих валютную прибыль Отечеству, горючить копеечные автоматизированные линии водички сладкой!.. И где начал пакостить? В Крыму – в этом избранном самим Создателем мира благодатном краю солнечных виноградников! Ну, уж если захотелось подсластить народ соками и консервами фруктовыми и овощными, так распорядись развернуть строительство перерабатывающих заводов и артелей с привлечением районной промышленности в Украине, в Молдавии, Белоруссии... Посмотри, сколько сгнивает помидоров, огурцов, груш в буртах ранней осенью. Какой же ты генсек?! Губошлёп ты меченый!..»

Губошлёпом я назвал Горбачёва после первых его выступлений и сказал тогда своей супруге (в романе «Комбаты» она прообраз Арины): «Извини мне эту резкость, но я не могу верить ему. Потому, во-первых, что экономика – это не автомобиль, скорость движения которого можно увеличить или уменьшить. Вспомни, сколько терпения и труда положили мы с Житняковым, пока довели до ума первую поточную линию сборки вагонов на заводе. А мой конструкторский отдел в институте механизации чёрной металлургии? Лет двенадцать нас преследовали неудачи и ошибки, пока не обрели наконец-то опыт и умение... А во-вторых, своей розовощёкостью, велеречивостью

и губошлёпостью, именно губошлёпостью, он похож на моего одноклассника Вадима (в романе он прообраз Плющенко), увильнувшего от призыва в армию и ставшего в годы оккупации города фашистами заместителем начальника районной биржи по мобилизации молодёжи в Германию. Он преследовал мою первую девочку, восьмиклассницу Лиду. Прячась от него в погребе бабы Ганны, она застудила лёгкие... и, измождённая туберкулёзом, умерла на руках моей матери на третий день освобождения Днепропетровска от неволи...»

Выплюнув изжёванную папиросу, я тут же раскурил новую.

И вдруг чья-то ласковая рука коснулась моего плеча: Татьяна Николаевна!

– Михаил Сергеевич, мы исправили нашу ошибку. И просим вас очень, – зажмурилась она, выпятив нетронутые помадой губы, – возвратиться в застолье.

Я присел рядом с Жуковым. Тот указал пальцем на бутылку нарзана: «Это наши хозяйки из «НЗ» извлекли. Спирт! Чистейший. Коньячный. Разливай, комбат!

Я потянулся бутылкой к стопке Борщаговского.

– Ни-ни-ни! – замотал он головой, прикрывая стопку ладонью.

– Александр Михалыч! – улыбнулся я как можно приветливее. – Доверьтесь мне, пожалуйста. Это ведь что-то божественное, а не тот спирт-сырец разбавленный, которым потчевал нас старшина в виде наркомовской нормы. Я налью вам на два глоточка. Перед тем, как выпить их, задержите на мгновение дыхание, и запейте соком. А потом заешьте дольку мандарина. И вы через минуту-другую ощутите, как до коленей дойдёт ласковая теплынь... Да-да!

Когда мы дружно выпили за встречу, Борщаговский воскликнул по-ребячьи: – Ой, Михаил, вы – чудесник! Недаром я доверился вам с отзывом на повесть о динамовцах...

После второго тоста все как-то сразу оживились.

Лида улыбочиво подкладывала в тарелки то бутерброды, то пряники, глазированные шоколадом. Татьяна Николаевна, кивнув в сторону Борщаговского, подала мне знак глазами: вот, и до него, мол, дошло...

А радостно хмелеющие писатели, уже забыв о развороченных фундаментах в цехе и сваленном под стенками винодельческого оборудования, нетерпеливо ждали момента, чтобы привлечь к себе внимание милых хозяек.

Бушин, держа Лиду за руку, вспоминал знаменитое высказывание Горького о вине, сближающем души...

Володя Жуков прочёл четверостишие Твардовского, хотя и не о вине, но созвучное смыслу разговора:

*Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колёсах прямо.*

Борщаговский, наклонясь к Татьяне Николаевне, рассказывал, как в начале съёмки фильма «Три тополя на Плющихе», Доронина не ладила с Ефремовым, и грубо оттолкнула того, восприняв его объятие чересчур откровенным...

При расставании Лида преподнесла каждому из нас что-то завернутое в бумагу:

Это на память о нашей встрече.

Бушин вошёл в автобус первым, присел у открытого окна и, зажав сверточек в коленях, стал посылать женщинам воздушные поцелуи. А едва автобус тронулся с места, развернул торопливо свёрток: – Ребята! У меня бутылка! И по-моему такого же спирта, каким нас угощали наши очаровательные соратницы.

– И у меня тоже! – воскликнул Борщаговский. И тут же пожал плечами: – Но что я с ним буду делать?! А всё-таки, – зажмурился он удовлетворённо: – Всё получилось чудесно. Ведь наши выступления слушали с интересом. А та юная мама с грудным ребёнком на руках стояла у дверей до конца. Она, по словам Лиды, живёт рядом с заводом, и пришла, как только услышала объявление. А в зал не входила, боясь помешать, если девочка заплачет...

– Да-а-а! – покивал Жуков задумчиво. – Может, до конца жизни эта юная мама с младенцем будет видаться мне. Спасибо тебе, тёзка, за то, что пригласил на встречу.

И без малейшего перехода попросил вдруг у Бушина: – А ты, старик, всё же дай мне на денёк-другой тот журнал, где ты так ловко разделал Окуджаву за его прозу.

– Статья профессиональна и... обстоятельна, но... – прижмурился Борщаговский, поджимая губы, – слишком резковата в некоторых заключениях.

– А правда всегда резкая, если она правда! – ткнул Жуков кулаком в спинку сиденья.

– В статье примеры и по сюжету и по языку приведены конкретно. Какие из них по-вашему резковаты? Прошу, если помните... – обернулся Бушин к Борщаговскому.

Чувствуя, что этот спор будет долгим, я попросил водителя притормозить возле кучи виноградных кустов с растопыренными корнями.

Спрыгнув с подножки, я едва не столкнулся с приземистым мужичком в полотняной куртке. Он выдернул из кучи кустов корень с налившимися бугорками ещё не засохшей багровой земли, погладил его бережно и проворковал хрипловатым баском:

– Мускат... Розовый... Ещё годен для пересадки...

– Да хватит вам языками молоть! – крикнул я, заглянув в автобус. – Выходите, любезные...

Невдалеке от проезжей дороги урчала тракторная лопата. Она с разгона вонзала зубастый ковш под виноградный куст, выковыривала его и, повернув стрелу вправо, вываливала безжалостно на кучу, с трепещущей листвою и шевелящимися корнями.

Жуков с минуту смотрел прицеливающимися глазами на тракторную лопату. Потом зажмурился и... выматерился негромко, но смачно.

Борщаговский из автобуса не вышел. Высунувшись по пояс из окна, он удивительно спокойно взирал и на тракторную лопату, выкорчёвывающую виноградные кусты, и на багровые лунки, оставляемые ею, и на двухколёсную тачку, в кузовок которой молодая крутобёдрая женщина в ярком сарафане и юркий мальчонка (видимо, сынишка её) укладывали виноградную лозу с обмотанными влажной тряпкой корнями, и на остановившийся на обочине «москвичёк» с открытым багажником, к которому бородатый здоровяк в шортах и светозащитных очках сносил виноградные кусты с поля...

А тот мужичок в полотняной куртке протягивал Александру Михайловичу то длинную ветку с жилистым корнем, то покороче:

– Берите... Ведь почти задарма отдаю. Трёшка за штуку, на пятерку – пара...

– Да отстань ты, наконец! – буркнул ему водитель. – Это писатели из Коктебеля. Выступать на завод приезжали.

– Понял, понял, – закивал мужичок. – А я думал, что это нормальные люди. Да ещё на автобусе...

– А что садить-то будете вместо муската? – спросил водитель.

– А-а! Какой-то столовый сорт... – махнул рукою пренебрежительно мужичок в куртке.

– А не кукурузу, как при Хрущёве было? – ухмыльнулся водитель.

– Не, не-е! Ты что?.. – крутнул мужичок пальцем у виска. – Ты только не упоминай больше о Хрущёве. А то накараешь...

На травянистой дорожной обочине показались ещё две подвижные фигурки с тачками со стороны Красногоровска.

– Дорогие товарищи писатели! Пора, пора уже двигаться, – позвал нас водитель. – Время, время подпирает... – поводит он пальцем по стеклу наручных часов.

Я присел рядом с Борщаговским.

– Ну, что вы скажете по поводу этого варварства?

– Знаете, Михаил, – притронулся он к моему плечу. – Я не склонен торопиться с таким обобщением. Может это – ЧП районного масштаба. А потом, вспомните, как кукурузная затея лопнула в самом начале...

– Но тогда её не подогрела пресса, да и парткомы отделались молчанием. А вы посмотрите последние номера центральной печати. Сколько в них подставных благодарных писем от обиженных жён и разной трескотни, подначивающей Горбача с внедрением сухого закона. А ведь на этом дурацком законе обожглась Америка, Финляндия и Россия – не однажды. К чему он приводил и приведёт неизбежно – к повальному самогонварению и массовым отравлениям. А от разрушения производства марочного

виноделия страдали и пострадают прежде всего государственная казна и честный труженик-созидатель. Пьяницы-то, зарубите на носу, мускаты, шампанское и сухие вина не пили и не пьют.

И это перепрофилирование винодельческих заводов Крыма на производство соков и прохладительных напитков, что вы только что наблюдали на Красногоровке – не эксперимент, а пробная вылазка объёмной диверсии в области экономики страны. Недаром же в некоторых столичных газетах, в «Московском комсомольце», например, да и в «Литературке» появились статейки, ставящие под сомнение и государственное планирование, и развитие оборонной промышленности, и даже... Победу над фашизмом. А судьи-то кто? Ни окопной, ни заводской жизни не знают и знать не стремятся. А лезут-лезут, как колорадские жуки на картофельный куст.

– А может, подождём пока с выводами такими?... – заглянул мне в глаза Александр Михайлович. – Давайте вернёмся к этому разговору через полгода хотя бы... А сейчас, прошу вас, прочтите ещё раз своё «Окно поэта» и «Жрецы скопидомства»...

Май 1986 года

Киев встретил делегатов очередного съезда писателей Украины также обстоятельно, как и в 1976 и 1981 годах.

Хотя в первые дни после аварии на четвёртом блоке Чернобыльской атомной электростанции, произошедшей 26 апреля 1986 года, ходили упорные слухи, что массовые мероприятия в Киеве будут отменены до ликвидации аварии. Но транслируемая центральным телевидением майская демонстрация в Киеве прошла, как всегда, с овациями, оркестрами и цветами, при переполненных людьми площадях и улыбающимися лицами на трибуне.

И предварительный инструктаж с руководителями областных писательских организаций и писателями-коммунистами был проведён заводделом ЦК компартии Украины в успокоительных тонах: при всей сложности ситуация, мол, под контролем. На предшествующих съездах такие инструктажи проводил Кравчук Леонид Макарович, избранный накануне секретарем ЦК КПУ по идеологии.

Нашу областную писательскую делегацию разместили в гостинице ЦК Компартии. Из окна моего одноместного номера виден был Центральный вход в здание Верховного Совета республики, где проходил писательский съезд.

Доклад и содоклады о работе писательской организации прошли, как обычно, без прерываний при абсолютном внимании: каждый ждал, а не помянут ли его произведение в числе отличившихся.

В первом получасовом перерыве многие писательские группы сгрудились у барьеров над Владимирским спуском, откуда открывалось волнующее, далеко-далеко уходящее за окоём левобережье с дорогами, лесными массивами, песчаными кучугурами и поблёскивающими окнами многоэтажками на Дарницкой окраине.

А Труханов остров с рассекающими его рукавами был как на ладони.

Белый многопалубный лайнер, отчаливший от пристани, что на Подольском спуске, плавно скользил вдоль Киевского берега. Выдохнув тонкую струйку пара над широкой скошенной трубой, лайнер исторг прощальный гудок. Пляжная, утыканная яркими шляпками теневых грибов полоса на острове была безлюдной. Лишь из-под одного грибка какая-то захмелевшая компания оживлённо махала руками проплывающему мимо лайнеру.

Вихревой ветер взвинул столб песка посередине острова, проволока его наискось к Дарницкой протоке и рассыпал в кустарнике. Примерно в том же месте, откуда мы с главным инженером Нижне-Днепровского вагонного завода Медведевым Михаилом Дмитриевичем в июне 1958 года, оставив свою одежду под присмотром соратников Дарницкого вагоноремонтного завода, где были в командировке, легко одолели узкую Дарницкую протоку и, переплыв все протоки острова, прилегли на тёплый песочек пляжной полосы берега.

Переплывать Киевскую протоку и взбираться на крутую Владимирскую горку мы не решились: нас ждали гостеприимные дарницкие сотоварищи к застолью.

Но там я впервые рассказал Медведеву о том, как Вениамин Алексеевич Русов (в романе «Комбаты» он – прообраз комбата Гусарова), лейтенант, командир автовозвода артснаба корпуса, доставив боеприпасы в артсклад дивизии, изготовившейся к десантированию, попал под бомбёжку. Пока ремонтировали его машины, начертснужения сказал ему: «Хватит припухать... Помоги переправить патроны на остров...» После третьей ходки комбат-десантник посмотрел ему в глаза и обнял, сглатывая матюки: «Слушай, Веня, будь человеком. Подмени ротного... на денёк. Ранили... гады...» И Русов подменил ротного. Прорвался, увлекая роту за собой, через два протока. И устоял. За что был представлен к ордену Отечественной войны II степени.

Гитлеровцы, стремясь сбросить десант, обрушили на него пикирующие «юнкерсы». Тучи песка и дыма застилали солнце. И почти – никакого укрытия. Мелкие песчаные окопчики обрушивались от взрывов. Просачивающаяся вода заливала по горло.

Но выжил Дарницкий десант в том аду. Выжила и рота Вениамина Русова (недаром «безумству храбрых поём мы песню»). За этот подвиг лейтенант Русов был представлен к званию старшего лейтенанта и ордену боевого Красного Знамени.

А в ночь с 3 на 4 ноября 1943 года позвал его комбат и прошептал: «Подмени, корешок, хотя бы на сутки. Я уже не ходок!» И повёл глазами на перехваченный наспех резиновым жгутом обрубок ноги, укутанный кровавыми бинтами...

И батальон вслед за ротой Русова (кто вплавь, кто на лодчонках, кто – на бревне) прорвался на рассвете 4 ноября к узенькой полоске Киевского побережья, скрытого от прямого выстрела, и вскарабкался, хватаясь за ветки кустов и стволы деревьев, на крутой Владимирский взгорок.

О том, что Вениамин Русов за проявленный героизм будет представлен к званию капитана и удостоен звания Героя Советского Союза, он узнает после освобождения Киева, в полевом госпитале, куда его, раненого и оглушённого, привезут на вихляющей повозке, с трудом пробирающейся по дорожной обочине навстречу вступающим в город батальонным колоннам, несущим на себе пулемётные и миномётные стволы, задыхающимся от натуги тягачам с орудиями на прицепе, стремительным «Катюшам»...

Рассказывая тогда, в июне 1958 года, Медведеву о тех судьбоносных трёх днях и ночах, прожитых Русовым в вихревом Дарницком десанте, я ещё не думал, что доживу до тех дней, когда напишу наконец роман об окопной жизни моего десантного батальона, который вынашивал под сердцем почти тридцать лет, и поведаю в нём о Русове в образе Гусарова, одного из наших комбатов.

Воспоминания о Русове взволновали Медведева. И, когда мы, приплыв с острова, готовы были уже присесть к расстеленному брезенту с бутылками и закусками, он сказал тихо: «Смотри, не заговори их...» И добавил что-то о том, что выжившие не должны предавать мёртвых...

«Помогай, память, выручай», – попытался я вспомнить дословно то заклинание, глядясь в Дарницкий бережок со смотровой площадки Владимирского пригорка.

Но приблизившаяся к оградительному барьеру шумная компания мешала сосредоточиться. Прижимая ладошки к груди и наклоняя головы, Владимир Яворивский, Иван Драч и Павло Мовчан, перебивая друг друга, громко изливали своё почтение Олесю Гончару, обречённо раскинувшему руки по перилам. Громче и ретивее всех был Яворивский, «освеживший» по словам своих коллег приобретённую ранее лекцию комсомольских отличий ещё одой премией за очерки, посвящённые неравной «перлини научовой думки» – Чернобыльской атомной станции. Драч терпеливо поджимал губы. А рвущийся к Гончару, протиснувшийся между Яворивским и Мовчаном, и распластавшийся в поклоне Виталий Коротич, готов был уже лизнуть землю у ног Гончара. В третьем ряду этого гвалтливом окружении нерешительно топтался и наш отдувавшийся аксакал Белинов.

Мне стало не по себе от этого угодничества. И я ушёл в глубину парка, в гущу молчаливых деревьев.

Хотя, собираясь на съезд, рассчитывал посоветоваться с Гончаром.

Издав роман «Комбаты» и работая над новым романом «Отдар», продолжающим судьбы выживших в войне героев, я в одной из глав отобразил, как в конце 1968 года на открытом собрании днепропетровской писательской организации «Його люби друзи»,

бездумно пресмыкающиеся перед ним, согласились с обвинением романа «Собор» в национализме и преклонении перед заветами запорожского казачества.

Я не был поклонником Гончара. Даже увенчанным премиями романом «Знаменосцы» не восторгался. Немало в нём было домыслов, далёких от правды: и летящие над Карпатами и дальше возгласы «Виват, Сталин!», и рассуждающие о мировой революции миномётчики на пыльной дороге, где

*снарядный гул глушил слова и звуки,
ночь на кровавых ёжилась холмах,
а взвод шагал: он трепетные «руки»
нёс на усталых, ноющих плечах.*

Кто служил в армии, даже в действующей, в 1941, 1942, 1943... годах, помнит, что нам, солдатам, всё время хотелось есть, и днём и ночью. И моим сокопникам, готовым и в роковые месяцы бесконечных отступлений и сдач городов воевать за Советскую власть даже за Уралом, снилось всё самое людское – ломоть хлеба, полный котелок перловой, а ещё лучше пшённой (она дольше жар хранит!) каши, тёплая шапка... и девичьи руки.

Душе моей близки такие прозаики двадцатого века, как Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Михаил Пришвин, Юрий Бондарев, публицист Владимир Бушин. Но грешно не признавать романтическую речь Гончара, его лиризм и порождённое отечью землёй трудолюбие, сделавшие его ведущим писателем Украины.

Потому, видимо, тогда, на писательском собрании, осудившем «Собор», я, дело о приёме которого в Союз писателей теплилось уже седьмой год в республиканском Правлении, возглавляемом Гончаром, заступился за «Собор», отметив, что в нём убедительно и талантливо отражена созидаящая роль рабочего класса державы, а заступничество в сохранении духовности традиций и соборов, завещанных запорожским казачеством, не имеет ничего общего с человеконенавистническим национализмом.

Мои доводы не улучшили отношений ко мне со стороны некоторых областных и республиканских руководителей.

Но мои деревенские прародители и совестливые, но гордые, учителя долго и терпеливо учат меня говорить правду.

«А вдруг Гончар», подумалось, «скажет, вздыхая: Знаешь, Михайла, не чипай пальцем мою болочу рану...»

И я, оглянувшись, готов уже было вернуться к барьеру смотровой площадки. Но, упершись взглядом в согбенные спины усердствующих поклонников Гончара, махнул досадливо рукой и направился к входным ступеням Верховной Рады.

Продолживший собрание после перерыва Борис Олейник, вынужденный куда-то отлучиться, передал ведение собрания Виталию Коротичу, бывшему в ту пору одним из секретарей Правления Союза Писателей Украины.

Я до сих пор помню восьмистишие Коротича, написанное им в начале шестидесятых годов и представленное Назымом Хикметом в «Литгазете», когда начинающий стихотворец работал ещё врачом в обычной больнице.

Вот оно:

*Славен будь всегда и везде,
Кто построил мой новый дом,
Кто пути проложил воде,
Что блестит в кувшине моём.*

*Настоящую радость даёт
Не случайное счастье в судьбе.
Важно знать, что кто-то живёт
На земле, благодарный тебе.*

К сожалению, на этом обрывается написанное Селезнёвым...